



ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО
СНЕЖНОЕ ЧУДО

30 КОП.

РИСУНКИ П. ПАПУХИНА



Куйбышевское книжное издательство

1980

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО



СНЕЖНОЕ ЧУДО



СКАЗКИ



КУЙВЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980

Бондаренко В. Н.

**Снежное чудо: Сказки. — Куйбышевское
книжное издательство, 1980 (III кв)
70803. — 160 с.**

Языком сказок, населенных самыми разными животными, растениями и даже явлениями природы, Владимир Бондаренко рассказывает юному читателю о том, что такое истинная дружба и любовь к родной земле, о трудолюбии, верности, взаимовыручке. И о том, как важно для каждого из нас сделать за свою жизнь хотя бы одно, пусть маленькое, но по-настоящему доброе дело.

Книга адресована детям среднего школьного возраста.

Б 70803-000
М 148(03)-80 -38-80 4803010102

ТРИ ВЕСЕЛЫХ ЗАЙЦА



Повесть-сказка



Спал ли дядя Спиридон!

С бирюзового неба скатилась звездочка. Она перепрыгнула через розовую тучку, мелькнула среди деревьев Гореловской рощи и спряталась в родничке, что вытекал из-под корней березы. Родничок вздрогнул, прислушался: кто-то шел по роще. Ближе, ближе. Вокруг становилось все светлее и светлее.

Кусты раздвинулись, и к родничку вышла румяная, в венке из весенних цветов Зорька. Она наклонилась над родничком и протянула руки к воде. Родничок боялся щекотки и потому зажурчал, заплескался. Его услышал Соловей. Выпорхнул из гнезда, отряхнул с крыльев росу, запел:

— Дрозд, Дрозд, вставай. Ночь уходит. Чуешь? Чуешь? Топ-топ-топ.

Издали с поля его бойко поддержала Перепелка:

— Ты прав, ты прав: встать пора, встать пора. Дрозд, пора. Уже пора.

— А я встал, уже встал, встал я!

— Бить... Бить... Бить его, — занял на сосне Кобчик.

— За что же? За что же? — затараторила Сорока.

— Мы знаем, мы знаем, мы знаем, за что, — ухнул из дупла засыпающий Филин.

Зорька умылась. Обрызгала родниковой водой венки и побежала догонять уходящую из рощи ночь. Роща зашуршала, запела. Из-за полей выглянуло солнце и протянуло над черной землей свой первый луч.

И в эту минуту под ореховым кустиком у Яблоневого оврага у серой Зайчихи родился сынок, маленький зайчик. И хоть рос он без отца — зазевался Заяц в половодье на льдине и уплыл неизвестно куда, — рос он прямо-таки не по дням, а по часам. Не успели первые весенние цветы отцвести, а уж у него ушки встали торчком, усики пробились, хвостик загнулся — и детство прошло.

— Вот и большой ты теперь, — сказала ему Зайчиха, — без меня прожить можешь. Прощай, может, не встретимся больше.

Попрощался зайчонок с матерью и пошагал по роще — на других поглядеть, себя показать. Идет, смотрит — берлога под сосной темнеется, а в берлоге медведь Спиридон лежит, дремлет.

И захотелось зайчонку созорничать над медведем. Подкрался он к сосне, сунул длинные уши в берлогу и закричал:

Спишь ли, дядя Спиридон?
Лес горит со всех сторон.
Дальше больше полежишь —
Не увидишь, как сгоришь.

Отбежал тут же и спрятался за березку. Только спрятаться успел, как выскочил медведь из берлоги и заметался: куда бежать? Где огня меньше? Смотрит, а его и вовсе нет. Тихо вокруг, и цветы покачиваются.

— Ишь, приснилось что, — проворчал медведь. — Видать, не зря говорила мне мать: не спи, Спиридон, после обеда, сны тяжелые томить будут. Не послушался ее и вот, пожалуйста, что приснилось.

И крихтя в берлогу полез.

Выждал зайчонок, пока уляжется и задремлет медведь, — и к берлоге. Закричал изо всей мочи:

Эй ты, дядя! Что ж ты спишь?
Аль не видишь, что горишь?
В клубах дыма и огня
Крыша рушится твоя.

И опять за березу спрятался. И сейчас же из берлоги вывалился медведь Спиридон. Ваژهрошенный. Косматый. Глядит — нет никакого пожара. И вообще никого нет. Толь-

ко из-за березы торчит серый заячий хвостик и мелко подергивается, будто смеется зайчик.

Крякнул медведь Спиридон и полез в берлогу. Смекнул, в чем дело. Спрятался за дверью, ждет. Немного погода просунулись в берлогу уши и раздался заячий голос:

Спишь ли, дядя Спиридон?
Лес...

Сграбастал медведь Спиридон эти самые уши и втащил в берлогу, а за ушами и зайчонок втащился. Маленький, серенький. Перепуганные глаза в разные стороны смотрят.

— А, — забасил медведь, — попался, озорник.

Заболтал зайчонок ногами в воздухе, запищал:

— Честное слово, дядя Спиридон, извиниться пришел, честное слово.

— Врешь! — рыкнул медведь и скрутил зайчонку левое ухо.

А зайчонок знай болтает ногами в воздухе, оправдывается:

— Мне не веришь, дядя Спиридон, да? Мне не веришь?!

Скрутил медведь ему правое ухо и вышвырнул из берлоги:

— Будешь еще шалить, совсем оторву.

И дверь захлопнул.

Вылетел зайчонок из берлоги, прокатился левым боком по полянке, вскочил — и бежать. И не гонится никто, а бежит. Долго бежал, далеко забежал. Остановился дух перевести, чувствует: болит у него бок что-то. Глянул, а вдоль него — царапины.

Мимо сорока летела. Увидела, застрекотала на всю рощу:

— Смотрите, зайчик Рваный Бок появился. Смотрите, зайчик Рваный Бок появился.

— Я не Рваный Бок, — погрозил ей зайчонок лапкой и сел царапины зализывать.

И хоть зализал зайчонок царапины, все равно в Гореловской роще с легкой руки сороки стали звать его зайцем Рваный Бок.

Пушок

Подрос Рваный Бок и почувствовал в себе силу. И захотелось ему испытать, сколь она велика. Идет он по роще и думает: «Кому бы мне бока намать?»

Смотрит, шагает ему навстречу зайчишка. Глаза врозь, хвостик задиристо кверху поднят. И сам с виду такой нека-

зистый, что, кажется, дай ему один раз покрепче — и дух из него вон.

Поравнялись зайцы, глянули мельком друг на друга и пошли каждый своей дорогой. Отошел немного Рваный Бок и думает:

«А почему бы не нагнать ему страху в пятки, не поучить уму-разуму?»

Забегал худенькому зайцу наперед, встал перед ним, спрашивает:

— Ты поч-чему не здороваешься?

И лапкой в грудь толкнул.

А худенький заяц сощурил левый глаз, схватил Рваного Бока за плечи, чик правой ногой — и Рваный Бок на лопатках.

Вскочил он тут же и говорит:

— Так-то и я поборю, а вот давай крест-накрест возьмемся.

— Давай.

Сощурил худенький заяц правый глаз, обхватил Рваного Бока крест-накрест, прижал к животу. Рваный Бок охнул. Под левой лопаткой у него что-то хрустнуло. Лапки разжались. А худенький заяц скрипнул зубами, чик левой ногой — и Рваный Бок опять на лопатках.

Вскочил он, сконфуженный, отряхивается, говорит:

— Я бы тебя поборол, да сам подсекаю. А вообще-то ты молодец. Но и я сильный. У меня дед ловким был. Никто против него устоять не мог, все падали. Тебя как зовут?

— Пушок.

— А я Рваный Бок. Видал? — и показал зажившие царапины на боку. — Это меня медведь Спиридон из берлоги вышвырнул. Ты где живешь?

— У Маняшина кургана.

— А я здесь, недалеко. Сосну с кривым сучком знаешь?

— Это возле которой черепаха Кири-Бум по средам сказки рассказывает? Знаю.

— Так вот, в сторонке от нее елочка растет. Там. Хочешь, пойдем ко мне. Сегодня ты моим гостем будешь, а завтра я твоим. Так и будем в гости друг к другу ходить, а?

— Пойдем, — согласился Пушок.

И зайцы весело поскакали к сосне с кривым сучком.

Ключик от сердца

Подружился Рваный Бок с Пушком, и стали они частенько вместе бывать. Вместе на полянках паслись, вместе бегали поглядеть, что на колхозных огородах растет, вместе по роще гуляли.

Один раз идут они по просеке, смотрят — Енот сидит под липкой и слезы по щекам лапой размазывает. Спросил у него Пушок:

— Ты что носом хлюпаешь?

— Медведь Тяжелая Лапа обидел. Я кувшинку из речки достал, а он отнял, к себе унес.

— Ах он крихтун, лиходея, — заругался Пушок. — Это что же он, сам себе достать не может? На силу надеется? Идем, я тебе помогу.

Но Енот и лапами замахал:

— Какой из тебя помощник... Маленький ты. Тебя чтобы увидеть, и то наклоняться надо. Куда тебе с медведем бороться.

— А меня не видеть — слышать надо. Идем.

— Нет. Я уж с волком ходил. А медведь на него так рывкнул, что волк и хвост : оджал.

— Ах он горлодер. На рык надеется. Ну, я ему покажу. Идем, у меня ключик от сердца есть.

— Оно у него медвежье.

— У меня и от медвежьего есть. Идем.

— Нет, не пойду, — отказался Енот и в куст двинулся: свяжешься с этими зайцами, беды потом не оберешься. — Я лучше другую кувшинку достану.

— Зачем другую? Свою сейчас от медведя получишь. Жди нас здесь. Идем, Рваный Бок, надо помочь Еноту.

Неподалеку от берлоги Пушок сказал другу:

— Спрячься, я один с ним поговорю.

И крикнул:

— Эй, дома ли хозяин?

— Чего тебе? — высунул медведь Тяжелая Лапа голову из окна.

— Говорят, ты Енота обидел. Он кувшинку себе из речки достал, а ты отнял. Правда, что ль?

— А тебе-то какое дело?

— Мне-то вроде и никакого, да тебя жалко. Он, Енот-то, говорит: «Пойду сейчас по роще и всем расскажу, что у меня медведь Тяжелая Лапа кувшинку отнял». А я ему и говорю: стой, погоди. Зачем же ты его так позорить будешь? Ведь ему потом нигде появиться нельзя будет. Как только увидит кто, так и скажет сейчас же: «Вот он, медведь-то, что кувшинку у Енота отнял».

Задумался медведь Тяжелая Лапа. А что? И в самом деле стыдно будет по роще ходить. Смеяться будут: на кувшинку польстился. Поглядел исподлобья на зайца, спросил:

— Неужто рассказывать хочет?

— Ну!.. Я сначала не поверил, а потом вижу — такой расскажет. Вот, думаю, беда какая. Надо, думаю, спасти

медведя Тяжелая Лапа. Неужели он настолько оплошал, что на чужое зариться начал? Стой, говорю, погоди, Енот. Тут что-то не так, разобраться надо. А он как начал кричать: «Да он всегда такой — на чужое падкий».

Поежился медведь, пошевелил плечами.

— Ишь, проворный какой обзываться.

— Вот и я ему говорю: «Погоди, Енот, не спеши. Не мог тебя медведь Тяжелая Лапа всерьез обидеть. Нужна ему твоя кувшинка, чтобы он из-за нее позорился. Он, гляди, просто пошутил».

Обрадовался медведь заячьей петельке, ухватился за нее.

— Ну конечно, пошутил я, а он уж и сразу — по роще пойду. Какой... шутки не понимает.

— Вот и я ему говорю: «Погоди, Енот, хорошего медведя оговаривать. Вот сбегая я к нему, если не шутит он, иди тогда по роще, говори всем, как он обидел тебя, пусть все знают».

— Нет, нет, пошутил я.

— Ну, вот и добро. Давай тогда кувшинку, я ему отнесу.

И заскреб медведь пятерней в затылке: не хотелось отдавать кувшинку Еноту — разве он для того ее брал, чтобы отдать? Но и обидчиком прослыть не хотелось. Отдал.

Увидел Енот — несут зайцы кувшинку. Удивился:

— Как это он отдал ее?

— Так я же тебе сказал, — улыбнулся Пушок, — что есть у меня ключик от сердца. Словом зовут его, ключик мой. К каждому сердцу его подобрать можно. Сказал тебе его, а ты и задумался. И отмягчело твое сердце, отомкнулось... Бери, ешь свою кувшинку. Да впредь расторопнее будь, не попадайся с кувшинками на глаза медведям.

По тропинке к Бобровой запруде черепаха Кири-Бум ползла. Спросила:

— О каком это вы ключике здесь речь ведете?

Рассказал ей Енот. И в следующую среду поведала черепаха Кири-Бум у сосны с кривым сучком о зайце Пушке, который сумел отомкнуть жесткое сердце медведя Тяжелая Лапа и помочь Еноту. Слушал ее и Рванный Бок и сиял от гордости: какого друга он себе нашел! О нем даже сказки рассказывают.

Кустик гороха

Весной еще вскопал медведь Спиридон грядку у берлоги и посадил горох. Вырос он, распустился. Стручки толстые, набитые. Похаживает Лиса вдоль плетня и видит горошек,

а взять не может: зорко караулит медведь свой огород. На каждый шорох из берлоги высовывается, голос подает:

— Кто это там?

Не залезть.

«Но не я буду, — думает Лиса, — если не попробую медвежьего горошка».

Смотрит — заяц Рваный Бок по просеке скачет. Пома-нила его лапой, спрашивает:

— Горошку хочешь?

— Еще бы! — подпрыгнул Рваный Бок. — Давай скорее.

— Давай, — передразнила Лиса. — Его сперва добыть надо.

— У кого?

— У медведя Спиридона.

— Э-э! — замахал Рваный Бок лапками. — Медведь Спиридон шуток не любит. Я уж ученый. Пошутил с ним один раз, хватит. Он меня и за уши отодрал и из берлоги вышвырнул. Метров пять на левом боку ехал.

— Так это же совсем безопасно, — повиливала Лиса хвостом. — Ты же маленький. Присядешь за кустик гороха. Рядом медведь Спиридон пройдет и не увидит.

— А если увидит?

— Не теряйся. Что это за заяц, который не может медведя перехитрить? Смотри ему в глаза и говори: «Поздравить тебя пришел с днем рождения». Или другое что-нибудь скажу. У тебя же умная голова?

— Умная, — подтвердил заяц.

— И ты не найдешь, что медведю сказать?

— Найду.

— И смелый ты. Не боишься один под елочкой спать?

— Не боюсь, — подтвердил Рваный Бок.

— Так неужели ты забоишься один на один с медведем встретиться?

— Не боюсь.

— Ну вот и молодец. Идем.

Вела Лиса зайца к медвежьему огороду, радовалась: добудет Рваный Бок горошка, и она полакомится. А если поймает медведь зайца, так не ее же. Заяц битым быть, ее костям не болеть.

Подвела Лиса зайца к плетню, шепчет:

— Лезь. Удача смелых любит.

Полез Рваный Бок. Только через плетень перебрался, а медведь Спиридон — вот он, идет к нему по тропинке. Оглянулся Рваный Бок на Лису, дескать, выручай, а она хитренько так лапы в стороны развела: дескать, тебя поймали, ты и выкручивайся.

И понял тут Рваный Бок — на беду его навела Лиса. Сама не полезла, хитрая. Но и он не без ума родился. «Как ты мне, — думает, — так и я тебе».

Поднялся Рваный Бок и пошел медведю навстречу. Помахал ему лапкой: наклонись, дескать, что сообщу тебе по тайности. Наклонился медведь Спиридон. Зашептал Рваный Бок ему на ухо:

— Предупредить пришел. Лиса обворовать тебя замыслила. В кустах прячется, уйдешь с огорода — залезет. Давно уже метит горошком твоим попользоваться.

Поблагодарил медведь зайца. Кустик горошка сорвал ему. Увидела Лиса зайца с горохом, кинулась к нему.

— Как тебе удалось добыть его?

— Медведь дал. Подхожу я к нему и спрашиваю: «Что лучше — честно попросить или хитро украсть?» — «Попросить», — говорит он. Я и попросил. Иди, и тебе даст. Ты верно сказала: удача смелых любит, — сказал Рваный Бок, а про себя добавил: «Но не хитрых».

Побежала Лиса к медведю. Видел Рваный Бок, как перелезла она через плетень. Слышал, как сказала она медведю, когда прихватил он ее на грядке:

— Гороху мне хочется — страсть. Я сперва украсть хотела, а потом подумала: ну зачем я буду ползти, живот царапать, да еще неизвестно — унесу или нет. Ты уж дай лучше сам, чтобы в грех меня не вводить.

И медведь дал ей: схватил за воротник и отходил крапивым веником. Глядел Рваный Бок издали, как банит медведь крапивой Лису, и приговаривал:

— Так ее, дядя Спиридон, так, чтобы знала она, плутовка, как глупых на воровство подбивать.

Не скоро после этого захотелось Лисе еще раз отведать медвежьего горошка.

Что Пушок открыл

Поел Рваный Бок горошка, водички из родника похлебал, залез под елочку, вздремнуть приготовился. И тут примчался к нему Пушок, схватил за плечи, трясет, кричит:

— Открыл!.. Открыл!..

А больше и сказать ничего не может. Упал на траву, лапками на себя машет, рот разевает — сердце зашло. Шепчет:

— Открыл!.. Открыл!..

Сбегал Рваный Бок к родничку, водой друга обрызгал. Присел возле него, голову гладит, приговаривает:

— Успокойся, а то разорвется от волнения сердце и ска-

зять не успеешь, что же ты открыл. Заново кому-нибудь открывать придется.

Под действовали эти слова на Пушкиа, притих он. Отдышался, пришел в себя, заговорил:

— Лежу я сейчас у себя под кустиком и думаю: все нас, зайцев, трусами дразнят. А если бы не было нас? Если бы на земле одни львы были? Что бы тогда было? Подума- я и открыл.

— Что?

— А то: если бы на земле одни львы были, то среди них объявился бы лев-заяц. Кто-то из них да был бы всех слабее и трусливее.

— Ну и что?

— Как что?! — воскликнул Пушок. — Если может быть лев зайцем, то значит, и заяц может быть львом, среди... зайцев, конечно. Заяц-лев! Как звучит, а?

— Хорошо звучит. Есть что послушать.

— О! И может быть, я и есть этот заяц-лев.

— Это почему же ты? — поднялся Рваный Бок. — Я тоже могу быть им.

— Ты? Куда тебе. Ты разве забыл, как я тебя поборол два раза? У тебя грудь уже моей, и в глазах нет бодрости нужной. Я лев.

— Грудь у тебя пошире, да, — согласился Рваный Бок, — и поборол ты меня два раза, признаю. Зато у меня плечи покруче и уши покороче. И дед у меня ловким был, никто у нас в роще перед ним устоять не мог. Я заяц-лев.

И заспорили зайцы. А от спора до драки — одна оплеуха. Ахнул Рваный Бок ладонью по щеке Пушкиа — и понеслось. Колотят зайцы друг друга, пускают серый пух по ветру, кричат:

— Я лев!

— Нет, я лев!

А сова высунулась из дупла, жмурится, закрывается крылом от солнышка, никак разобрать не может, кто это там возится под елочкой. Послушаешь — вроде львы дерутся, а голоса — заячьи.

— Ухо-хо! Кто там? — спросила сова.

Услышали зайцы крик ее и присмирели: хоть и плохо видит сова днем, а все-таки видит. Разглядит кого-нибудь из них, и не сумеют они доказать даже, кто же из них — лев.

Поводила сова ушастью головой — тихо вокруг. Глазами круглыми поморгала:

— Странно, только что львы где-то рядом дрались, и уже не слышно никого.

Хохотнула и провалилась в дупло: до вечера еще далеко и можно поспать.

Увидели зайцы — пропала сова. На цыпочках, на цыпочках перебрались на полянку подальше и встали опять друг перед дружкой.

— Ну, — спрашивает Рваный Бок, — убедился ты теперь, что я заяц-лев? Я вон как тебя по щеке ахнул.

— Это ты теперь убедился, что я лев, — отвечает Пушок. — Я вон тебе какой фонарь под глазом зажег.

— Ах, так! — взвизгнул Рваный Бок и сжал кулаки. И полетели опять клочья заячьей шерсти.

Мимо волк Рыжий Загривок шел. Баранинки ему захотелось, да не знал он, где пастухи сегодня овечье стадо пасут. Решил у зайцев спросить. Они везде бегают, может, знают.

Свернул волк с тропы, идет к полянке, Рваный Бок спиной к нему стоял, а Пушок — лицом. Увидел он волка, вскрикнул как-то странно, по-козлиному — м-ме! — и кинулся бежать. А Рваный Бок так и заплясал от радости.

— Ага! — кричит. — Удираешь? То-то. Понял, наконец, что не ты, а я заяц-лев.

И тут слышит он — шуршит что-то сзади. Оборачивается — волк. И уже совсем близко. И вытянулись у зайца уши и сами собой ноги заработали.

С неделю потом ходил Рваный Бок по роще и удивлялся:

— И как я мог в минуту за Яблоневым оврагом оказаться? Не понимаю. И откуда во мне столько прыти взялось? Через двухметровые кусты перепрыгивал — во как бежал!

Удачливый друг

Заря еще только чуть зажигала край неба, когда Рваный Бок прибежал к другу и толкнул его в плечо:

— Вставай, Пушок.

Легонько толкнул, а Пушок так и подпрыгнул. Бежать было кинулся, да Рваный Бок остановил его.

— Куда ты? Я это.

— Ты? — удивился Пушок. — Что бродишь? Сам не спишь и мне не даешь.

— Не спится. Ночь, подкрадется кто-нибудь и обидит. Послушай, давай с тобой дом построим. С домом спокойнее будет. Закроемся с вечера на задвижку и будем спать до утра. И никто к нам не войдет, никто нас не тронет. Да и лето кончается, пора о зиме подумать.

Ох, как услышал Пушок про дом, так и подпрыгнул. В ладоши захлопал.

— Дом? — кричит.

— Дом, — говорит Рваный Бок.

— Построим? — кричит Пушок.

— Построим, — отвечает ему Рваный Бок.

— Ой, какой же ты молодец, Рваный Бок, до чего додумался!

Обнял Пушок друга, прижал к остренькой груди, потискал, отстранил. В глаза поглядел, по плечу похлопал.

— Дом? — кричит.

— Дом, — отвечает Рваный Бок.

— Построим? — кричит Пушок.

— Построим, — отвечает Рваный Бок.

— С окошками?

— С окошками.

— Ох, какая же у тебя голова светлая, Рваный Бок. Что придумал!

Прижал опять Пушок друга к остренькой груди, потискал его, по плечу похлопал. И говорит вдруг:

— Послушай, а зачем нам один дом на двоих иметь, тесниться? Давай два дома построим: ты — себе, я — себе. Ведь каждому можно дом иметь. Вон у медведей — у каждого своя берлога.

Теперь уже Рваный Бок обнимать друга кинулся.

— Свой? — кричит.

— Свой, — отвечает ему Пушок.

— На каждого?

— На каждого, — отвечает ему Пушок.

— Немедленно?

— Сейчас же!

— Пошли тогда в чащу.

И отправились зайцы бревнышки собирать. Время было раннее, но им так не терпелось поскорее начать дома себе строить, что они даже не стали дожидаться, когда солнышко взойдет.

Идет Рваный Бок по роще, смотрит — бревнышко лежит. Поглядел на него и пошел дальше.

— Одно, — говорит, — было бы два, тогда другое дело. А из-за одного и наклоняться не стоит.

Пушок за ним следом шел. Увидел бревнышко, подобрал его.

— Одно, — говорит, — есть. Еще одно найду — два будет. Так бревнышко к бревнышку и наберу сколько надо.

Отнес бревнышко к ореховому кусту, возле которого решил дом себе строить, вернулся в чащу. Идет, аукает:

— Ау! Как там у тебя, Рваный Бок? Нашел что-нибудь?

— Нет, — отвечает Рваный Бок и тоже спрашивает: — А ты?

— Я уже нашел, сделал почин.

«Смотри ты, удачливый какой друг у меня», — подумал

Рваный Бок и стал зорче по сторонам глядеть.

Идет, смотрит — дощечка на просеке лежит. Дед Матвей ехал на колхозную пасеку, обронил. Прошел мимо нее Рваный Бок.

— Было бы их две, а из-за одной и наклоняться не стоит, спину гнуть.

А Пушок идет следом, смотрит — дощечка лежит. Подобрал ее.

— Одна, — говорит, — есть. Еще одну найду — две будет. Так дощечка к дощечке и наберу сколько надо.

Отнес ее к ореховому кустику, вернулся, аукает:

— А-у! Где ты, Рваный Бок? Нашел что-нибудь?

— Нет пока, — откликается Рваный Бок. И тоже спрашивает: — А ты?

— Я опять нашел.

«Гляди ты, удачливый какой друг у меня, везет ему и везет», — подумал Рваный Бок и прошел мимо еще одного бревнышка, а Пушок шел за ним, подобрал.

Так бревнышко к бревнышку, дощечка к дощечке и набрал Пушок сколько нужно было и построил себе дом. С двумя крылечками, с палисадником. Глянул как-то Рваный Бок, а уж у друга и дым из трубы идет.

Сказал:

— А! Я еще и бревнышек набрать не успел, а уж он в своем доме печку топит. Что ж, кому, видно, как повезет.

И ушел в самую глубь рощи, может, там что отыскать удастся, может, хоть в этот день повезет ему.

Поджидал Лису Заяц

Прибрал Пушок в доме, наготовил еды всякой и побежал друга отыскивать. Решил на новоселье позвать его.

— Пусть он со мной порадуется.

Бежит по просеке, а навстречу ему Лиса. И не нужна она была Пушку, а повстречалась. Увидел ее Пушок и остановился. Лиса его тоже увидела. Глазки подмаслила, хвостом завияляла.

— Здравствуй, — говорит.

И шаг вперед сделала.

— Здравствуй, — отвечает Пушок.

И шаг назад сделал.

— Что же ты отступаешь? — спрашивает Лиса. — Я с тобой поговорить хочу.

И шаг вперед сделала.

— Говори оттуда, — отвечает заяц. — Я издали лучше слышу.

И еще шаг назад сделал.

И заговорила Лиса:

— Сказывают, ты дом построил?

— Построил, — отвечает Пушок.

— Сказывают, с двумя входами — парадным и черным.

— С двумя, — отвечает Пушок.

— Говорят, а я не верю. Приду посмотреть сегодня. Жди.

Как услышал это заяц, так и подпрыгнул: ох, недоброе замыслила Лиса. Да что делать будешь? Сказал чуть слышно:

— Приходи.

И забыл, куда шел. Домой побежал скорее. Набрал песку, насыпал в петли калиток, чтобы скрипели позвонче, затаился в сенах, ждет. Слышит — скрипнула калитка к парадному входу. Выскочил Пушок в черный и был таков.

На другой день они опять встретились. Увидел заяц Лису и остановился: и не близко и не далеко. Видеть видит его Лиса, а взять не может.

Говорит издали:

— Что ж ты обманул меня? Я приходила.

— А я ждал, — говорит Пушок. — Но ты, наверное, с парадного входа приходила, а я тебя у черного ждал. Думал, погнушаешься ты с парадного войти ко мне.

— Ну что теперь об этом говорить, — сказала Лиса. — Я к тебе сегодня приду посмотреть твой дом.

Что зайцу оставалось делать? Сказал он:

— Приходи.

И опять забыл, куда и зачем шел. Помчался домой скорее. Набрал песку, подсыпал в петли калиток, чтобы скрипели позвонче. Затаился в сенах, ждет. Слышит — скрипнула калитка к черному ходу. Выскочил Пушок в парадный и был таков.

Встречает его через день Лиса. Заранее увидел ее заяц. Остановился так же, как и в прошлый раз: и не близко и не далеко. Видеть видит его Лиса, а взять не может.

Говорит издали:

— Ну что же ты опять обманул меня? Я приходила.

— А я ждал, — говорит Пушок. — Но ты, наверное, с черного хода приходила, а я тебя у парадного ждал. Думал, что ты, как и в прошлый раз, честь мне окажешь: в парадную дверь войдешь.

— Что об этом говорить теперь, — сказала Лиса. — Беги домой. Мы сейчас с подружкой придем посмотреть твой дом.

Что зайцу оставалось делать? Сказал он:

— Приходите.

И помчался домой. На одну калитку повесил замок, на другую. И шмыгнул в чащу.

— Пусть, — говорит, — Лиса думает, что я еще не вернулся.

Ночевать Пушок домой не пошел. К Рваному Боку под елочку забрался. Жаловался ему:

— Замучила меня Лиса. И дом имею, а никакого покоя нет.

— Надо отучить ее.

— Как? Ума не приложу.

— Я знаю как. Да только опасное дело это.

— Я опасности не боюсь. Говори.

Оглянулся Рваный Бок вокруг: не подслушивает ли кто, и что-то зашептал другу на ухо. Слушал его Пушок и кивал головой:

— Хорошо, очень хорошо! Завтра мы так и сделаем.

Берлога медведя Спиридона

Нравилось медведю Спиридону капканы у охотников таскать. Поставит охотник капкан на лису или волка, а медведь Спиридон высмотрит и уволочет к берлоге. И накопилось таким порядком у медведя капканов целая дюжина. Начистит он их кирпичом, зарядит, расставит на ночь вокруг берлоги — подойди кто, попробуй.

К медведю Спиридону и пожаловали поутру зайцы. Время было раннее, но медведь был уже на ногах. Сидел на пне у берлоги и капканы кирпичом натирал, чтобы блестели.

Попросили зайцы:

— Дядь Спиридон, продай нам капкан.

— Капкан? — покосился медведь. — Зачем он вам?

— Лиса житья не дает. Хотим изловить ее и поговорить с ней. Мы ее потом отпустим. Попугаем только.

Отложил медведь Спиридон кирпич в сторону, задумался. Помочь зайцам надо, но продай капкан — одним капканом меньше станет, уже не будет дюжины.

Почесал медведь поясницу. Поглядел на утреннее небо. Послушал, о чем сорока стрекочет, молвил:

— Нет, капканы у меня не продаются. На денек-другой могу одолжить. Только вы мне за это в берлоге приберите, недосуг самому.

Лето на исходе, на деревьях уже листва зарумянилась, спать скоро на зиму заваливаться, а медведь Спиридон еще берлогу не чистил. Столько в ней мусора с прошлой осени накопилось! Одну постель зайцы два дня перетряхивали. Пыль подняли — не продохнуть.

Закроет Рваный Бок глаза, схватится лапками за живот и — ап-чхи! Смотрит — и Пушок за живот держится и тоже — ап-чхи! Так и чихали зайцы все время, пока чистили.

Зато уж и порядок в берлоге навели, какого у медведя никогда не было. Пол кленовыми листочками выстлали. Стены хвоей озеленили. На совесть поработали.

Кончили чистить, подвел Рваный Бок друга к двери, показал:

— Вот здесь медведь Спиридон стоял, когда меня за озорство из берлоги вышвыривал. Ох и прокатился я тогда на левом боку.

И вздохнул. Потом позвал медведя и говорит:

— Кончили. Видал, как убрали? В такой берлоге не только зимой — летом лапу сосать можно. Давай капкан.

Принес медведь Спиридон свой самый лучший капкан. Зарядил, подал зайцам.

— Смотрите, в этот пятачок лапой не ткните. Напрочь отшибет. Покалечитесь.

Приняли зайцы капкан от медведя. Повесили на палку и пошагали к лисьей норе.

Что присоветовал Лисе Волк

Тихо у лисьей норы. Подкрались зайцы поближе, заглянули внутрь — темно. Прислушались, приняхались — нет Лисы. Распрямили плечи, во весь рост встали.

Предложил Пушок:

— Давай, пока нет Лисы, поглядим, как живет она. Никогда не приходилось у Лисы в норе бывать.

— А если прихватит? — нахмурился Рваный Бок. — Ставь поскорее капкан да пошли.

— Не прихватит. Мы капканом прикроемся.

Не хотел Рваный Бок трусом себя перед Пушком показывать, согласился. Спустились зайцы в лисью нору, прикрылись капканом. Ползет Лиса, а капкан — щелк! — и поймает ее.

Побродили зайцы по лисьей норе, всю ее оглядели. Ничего интересного не нашли. Полезли наружу. Смотрят, а Лиса идет по тропинке и курицей помахивает. Увидела их, заспешила:

— Вы как здесь оказались?

— П-проведать тебя пришли, — соврал Пушок.

А Рваный Бок добавил:

— Проведать и поговорить с тобой.

— Тогда я вас съем.

Рваный Бок за друга нырнул, а Пушок придвинулся к краю норы, припугнул Лису:

— А мы тебя капканом поймаем.

Отшатнулась Лиса от норы. Хороши зайцы. Отъелись за

лето, жирные, но не рисковать же из-за них жизнью? Да и вообще, зачем торопиться? Захотят есть — сами вылезут.

Села Лиса у норы, сидит, курицу ест, на зайцев поглядывает. Осмелел Рваный Бок. Заговорить с ней попытался:

— Мы бы к тебе не пришли, если бы ты Пушка не донимала. И дом у него свой, а покоя нет. Ну что ты к нему пристала? Не хочет он тебя в гостях у себя видеть, а ты напрашиваешься.

Молчит Лиса, ест себе курицу. Пошевелил Рваный Бок ушами, снова заговорил:

— Если пообещаешь, что не будешь больше в гости напрашиваться к нему, и мы тебя тревожить не станем. Уйдем, и на этом деле конец. Не то еще три капкана принесем и все равно тебя изловим.

Управилась Лиса с курицей, обсосала косточки, закинула в кусты. Вытерла о живот ладошки и сидит молчит, на зайцев смотрит. Опять заговорил с ней Рваный Бок:

— Мы тебе зла не хотели причинить. Мы как думали? Поймаем тебя для безопасности в капкан, поговорим с тобой, возьмем с тебя честное слово, что ты не будешь приставать к Пушку, и отпустим. Что здесь плохого?

Рваный Бок спросил, а Лиса и ухом не повела, даже слова не обронила. Он собирался что-то еще сказать, да Пушок остановил:

— Брось, она твоих речей не понимает. На силу надеется да на хитрость. Что ж, посмотрим, кто кого перехитрит. Нас все-таки двое, а она — одна.

И затаились зайцы. Сидит Лиса, ждет, когда полезут они из норы. А день длинный выдался. Тянулся, тянулся, чуть к вечеру кончился.

Звезды небо истыкали — сидит Лиса. В полночь туман по роще пополз — сидит.

А зайцы пристроились друг возле дружки. Головы свесили, спят.

Сладенько похрапывают:

— Хр-рр.

Слипаются и у Лисы глаза, но она крепится, не спит.

На востоке заря заалела. Далеко на деревне петух пропел. Склонила Лиса голову на грудь, прошептала:

— Так еще посижу.

Глаза закрыла — может, с закрытыми глазами не так сильно спать хотеться будет.

Вздохнула.

И чудится Лисе, будто подошел к ней волк Рваный Загринок и спрашивает:

— Ты что, Лиса, сидишь?

— Да вот, — отвечает Лиса, — зайцев в норе у себя прихватила, а взять не могу — капканом прикрылись.

— А ты ткни в его пяточок палочкой, он и захлопнется. Медведь Спиридон всегда так делает, когда настороженный капкан в роще находит.

— И верно, — воскликнула Лиса. — И как я раньше до этого не додумалась.

Вскрикнула и очнулась.

Смотрит — капкан сдвинут. Нора пуста. И кто-то бойко улепetyивает через терновник.

На что Ивашка обиделся

Пришел медвежонок Ивашка к речке и видит: конец лету. Покрылась речка голубым ледком. Солнце красными огоньками в нем отражается, и каждый огонек подмигивает зовет будто:

«Что же ты, Ваня, на бережке стоишь? Идем кататься».

Спустился Ивашка на лед, потоптался у берега — держит, вроде. И все-таки дальше не решился идти: вдруг нет еще во льду крепости, подломится и... искупаешься. А купаться в осенней воде Ивашке никак не хотелось.

И тут видит он: бежит заяц Рваный Бок. Окликнул его Ивашка, приказал:

— Пройдись-ка по речке, а я погляжу.

Так рассудил Ивашка: лучше зайца послать, чем самому рисковать. Если даже и провалится Рваный Бок, ничего с ним не сделается. Будет скакать по роще — обсохнет!..

Зорко наблюдал Ивашка за зайцем. Видел: хорошо держит его лед, не гнется даже. А когда дошел заяц до середины речки, крикнул ему медвежонок:

— А теперь попрыгай, а я погляжу... Ну как, держит лед-то?

— Держит, — весело ответил Рваный Бок и покати́лся по речке.

Увидел это Ивашка и осмелел. Вылез на берег, разбежался и — ух! — поехал. Так и стрельнули во все стороны по льду белые стрелки, а на самой середине расступился лед, и — ульк! — ушел Ивашка под воду.

Вынырнул. Косматый. Перепуганный. В шерсти льдинки поблескивают. И голос дрожит.

— Ох!.. Ох!..

Долго Ивашка у речки бегал, обсыхал да грелся. А уж на зайца сердился — сказать даже страшно. Если бы попался он ему в эти холодные минуты, не скакать бы ему больше

по роще. Уверен был Ивашка, что схитрил Рваный Бок: не в полную силу прыгал.

— Оттого под ним и не провалился лед, а подо мной провалился, — говорил Ивашка и грозил кулаком. — Ну, погоди... Рваный Бок.

Прослышал Рваный Бок об угрозе Ивашки, к медведю Спиридону побежал:

— За что он на меня сердится? Я же честно прыгал, даже лапки отшиб. А почему подо мной не провалился, а под Ивашкой провалился лед, я и сам не знаю.

Некогда было медведю Спиридону с зайцем заниматься. К зиме он готовился. Берлогу утеплял.

К Пушку побежал Рваный Бок, ему на Ивашку пожаловался:

— Ну за что он на меня обиделся?

Но и Пушку не до него было, он тоже к зиме готовился: окошки обмазывал.

— Готовься и ты, — говорит.

А Рваному Боку что готовиться? Дом он себе строить не стал: с ним, оказывается, одни только хлопоты — ремонтируй его, утепляй. Да и покоя в нем нет: все знают, где искать тебя.

— Постройшь дом — и будешь прикован к нему. А так я вольный. Надоест под елочкой жить — под сосенкой устроюсь. Под сосенкой надоест — под валежину какую-нибудь переберусь. И никаких хлопот.

Снял Рваный Бок с себя серую летнюю шубку, повесил на ореховый куст, надел зимнюю белую.

— Вот и готов я к зиме. И никакого мне дома не надо. Глупый Пушок, силу только зря на дом тратил.

Вертихвост караулит сено

Зима в этот год легла снежная. Такие сугробы по роще наставила, не пройти. Пушок с вечера закрывался у себя в домике и спал до утра на теплой печке, а Рваный Бок под старой елью приют себе нашел — елочка его вся под снег ушла, не подлезть.

Спал Рваный Бок по ночам тревожно. Хрустнет сучок от мороза — поставит он уши торчком, послушает, не идет ли кто. Обвалится ком снега с макушки дерева, опять Рваный Бок уши настораживает: не волк ли крадется.

А один раз вполз он под ель, угнезвился, а сон не идет. Закроет Рваный Бок глаза, а они — раз! — и откроются, глядят в небо. И понял тогда Рваный Бок, что ему есть хочется. И сразу будто легче стало.

И потянулись петельки заячьих следов на деревню. А там — в сад дедушки Василия, к стожку сена. Так рассудил Рваный Бок:

— Дед сильный. У него коса есть. Разве ему тяжело прокормить одного зайца? Он же на нас, говорят, всю жизнь с ружьем охотился. Многих на мушку взял, так пусть хоть одного выкормит.

Топы-топ, топы-топ — припрыгал Рваный Бок к стожку и видит: сидит под ним долговязый пес Вертихвост и из-под нахмуренных бровей на него смотрит. И вдруг как зарычит:

— Сено вор-рвать идешь?

Так и присел Рваный Бок. А Вертихвост оскалил зубы — и к нему. Большой. Узколобый.

Прыгнул Заяц через смородиновый куст и — топы-топ, топы-топ — из сада, через поле, по овражку — в рощу. Мчится за ним Вертихвост, влаивает:

— Не уйдешь, догоню. Все р-равно догоню.

И догнал бы, может, если бы не волк Рыжий Загривок. Сидел он у опушки и от нечего делать звезды на небе пересчитывал. Опустил он голову и видит: катится белым комочком по полю заяц, а за ним что-то долговязое, узколобое. Присмотрелся получше, щелкнул зубами:

— Вертихвост! Пес деревенский!

Обида взяла волка.

— Как! Зайцев наших ловить? Нам самим мало, а тут еще собаки.

И шагнул Вертихвосту навстречу.

— Эге! — уперся Вертихвост лапами в снег и метра два еще на животе вперед проехал, к волку поближе.

А волк — вот он, уже совсем рядом: зубы оскалены, глаза горят.

Взвизгнул Вертихвост и про зайца забыл. Со страху не только мимо своего дома, но и мимо всей деревни пробежал.

Утром поехал Колька Грек за отцом в больницу. Вместе с ним и Полкан увязался. Бежал за санями, снежком похрупывал. Километров за десять от Марьевки повстречался им Вертихвост. Он медленно брел по дороге. Ресницы его были белыми от инея. Из-под них смотрели на Полкана два усталых глаза.

Полкан приостановился, спросил:

— Куда идешь, Вертихвост?

— Домой, — чуть слышно ответил Вертихвост.

— А где ты был?

— Я и сам не знаю, где я был, — ответил Вертихвост и пошел дальше.

Говорят, что после этой ночи его уже никто больше не

видел у стожка сена. Будто с вечера закрывается он у себя в конуре и не вылезает из нее до утра.

— Сено, — говорит, — дед Василия, пусть он и караулит его. У него для этого ружье есть.

Говорят, но кто знает, так это или нет. Может, оговаривают честного пса: ведь и такое бывает.

Когда тебе холодно

Весь день Рваный Бок проспал под елью, проснулся, когда уже ночь была и перемигивались звезды. Слышит, бегаёт кто-то по полянке и ухает:

— Ух!.. Ух!..

Высунулся заяц из-под ели, смотрит, а это Дед Мороз. Весь белый. На бороде сосульки позванивают. Топчется посреди полянки. Рукавицами хлопает, ухает.

— Что это у тебя, дедушка Мороз, вид какой взъерошенный? — окликнул его Рваный Бок из-под ели.

Поглядел Дед Мороз на зайца. На руки подул. Плечами подергал:

— Да вот такого холоду в рощу напустил — самому невтерпёж стало. Прозяб. Бегаю вот, греюсь.

И опять заплясал на полянке:

— Ух!.. Ух!..

А деревья в инее все. И луна из тумана встает холодная, прямо-таки ледяная. Покосился на нее Дед Мороз и затряс бородой:

— В такую ночь и замерзнуть недолго.

Видит Рваный Бок — в беде Дед Мороз. Думает: «Помочь ему надо». Подкрутил усы, присоветовал:

— А ты залезь, дедушка Мороз, под елку и заройся в снег. Быстро согреешься.

— Да ну?

— Да, да. Я всегда так делаю, когда мне холодно. Вот и сегодня весь день под елью в снегу проспал. Только вылезаю.

— Гляди ты, — покачал Дед Мороз белой бородой, — а я вот с самого утра и не присел ни разу: все бегаю, греюсь. Такого холоду в рощу напустил, что и дух захватывает.

И, побряхтывая, полез под сосну.

— Попробую, может, и правда согреюсь.

Зарылся в снег, только маленькую дырку оставил, чтобы дышалось полегче.

— Ну как? — прокричал ему Рваный Бок.

И ответил Дед Мороз, продымил снежок у его бороды:

— Ничего. Потеплее вроде.

— Вот и лежи, грейся, а я побегу, осинку позубрю. Пусто в животе, тоска какая-то, — сказал Рваный Бок и побежал по ночной роще.

У Маньяшина кургана побыл. У Ванина колодца побыл. По орешнику побродил. Увидел домик Пушка, свернул на огонек. Забрался на завалинку, в окошко поглядел.

Пушок стелил на печке постель, ко сну готовился. И позавидовал Рваный Бок другу:

— Мало того что в доме живет, еще и на печке спит, а я вот брожу по роще, мерзну.

И раздумье тут взяло его: может, стукнуть в окошко, попроситься «Пусти, Пушок, погреться».

И пустит он: друзьям не отказывают. Ведь если бы у него, у Рваного Бока, был дом и Пушок попросился бы к нему, разве бы он его не пустил?

— Когда тебе холодно, всегда надо идти к другу, — прошептал Рваный Бок и лапку было поднял, чтобы в окошко стукнуть, да не стукнул: стыдно с пустыми руками идти. Надо хоть какой-нибудь гостинец раздобыть. А то скажет Пушок: «Мало того что себе дом не стал строить и мне не помогал, так еще и без гостинца пришел».

И побежал Рваный Бок в Марьевку к леснику Левину. В сарае у лесника — лошадь, а возле сарая — стог сена, а у крыльца — ребячьи санки. Взял их Рваный Бок, наложил на них сена и повез в рощу.

Так рассудил он:

— Лесник у нас в роще сено косил, значит, это сено наше. Он из нашей березки санки сделал, значит, и санки наши.

Пушок уже спал, когда Рваный Бок постучался к нему в окошко. Пригрелся на печке, не вдруг проснулся. Прохрипел заспанным голосом:

— Кто там?

— Открывай, Пушок. Это я, Бок Рваный. В Марьевке был, гостинчик тебе привез.

Распахнул Пушок дверь перед другом. Обрадовался ему:

— Давно не видел тебя. Где пропадаешь?

— Да так, по роще все бегаю. Можно заночевать у тебя? Поздно к себе идти.

— Неужто нет! Ночуй, пожалуйста.

Сложили зайцы сено в сенах. Придавили сверху санками и полезли на печку. Лежали, шептались.

Перед утром сказал Пушок:

— Оставайся у меня жить.

— Ну, если тебе так хочется, останусь, — сказал Рваный Бок. — Я ведь всегда делаю все, о чем ты меня просишь.

И первый раз за всю зиму согрелся и уснул спокойно.

Дня через три решили зайцы побывать в Марьевке, поглядеть, что в селе делается.

Ночь была теплая, и ветер дул. А пока бродили зайцы по Марьевке, метель началась. Сыпучая. Все сверху донизу снегом занавесила.

Чувствуют зайцы — не дойти им до дому: темно и ветер встречный. А еще хуже — спрятаться негде. Пробираются вдоль плетня, загораживаются лапками, а метель хлещет по глазам, идти не дает. И дышать трудно.

Из сил выбились зайцы. Конец им приходит. В пору садись и помирай. Смотрят, чернеется что-то в саду у бабушки Степаниды. Подошли ближе — баня.

— Переночуем в ней, — предложил Рваный Бок. — Мыться до утра никто не придет, опасаться нечего.

Вошли зайцы в предбанник. Постояли, послушали, нет ли в бане кого. Перелезли через порог и дверь за собой закрыли.

Тепло в бане. Видать, топили недавно. Веником березовым пахнет. Внизу хорошо, а на полке — еще лучше.

— Совсем как у тебя на печке, — шепчет Рваный Бок и прижимается к другу.

Пригрелись зайцы и не заметили, как уснули.

Проснулся Рваный Бок, смотрит — светло в бане. И метель за окошком утихла. И кто-то кряхтит в предбаннике. Толкнул плечом друга:

— Вставай, Пушок. Попались. Идет кто-то.

Смотрят зайцы: приоткрылась дверь в баню, посошок бабушки Степаниды протиснулся, а за ним и бабушка Степанида, пригибаясь, вошла.

И рот раскрыла:

— А батюшки!

Глядит на полку, а зайцы с полка на нее смотрят. За ночь в саже вывозились. Черные. Длинноухие.

И остановилось у бабушки Степаниды в груди старенькое сердце. Хочет она перекреститься — рука не поднимается. Хочет крикнуть — голос осекся. Губы шевелятся, а слов нет.

Пошевелился Рваный Бок. Решил сказать он бабушке: «Не пугайся нас, бабушка. Мы сейчас уйдем». А бабушка вдруг как вскрикнет — и бежать, даже посошок выронила.

Немного погодя примчались к бане Николка с Костей. У Николки в руках отцовское ружье, у Кости — Вертихвост на веревочке. Подкрался Костя к двери, как распахнет ее во всю ширь, как закричит:

— Стреляй, Николка!

Но смотрят ребята, а стрелять-то и не в кого. Пусто в ба-

не. Только на полке немного заячьего пуха белеется. Походили ребята вокруг бани, стрельнули в небо и пошли домой.

Идут смеются: вечно эта бабушка Степанида придумывает что-нибудь. Прибежала домой белая, трясется вся:

— Хватайте ружье! Черти в бане моются.

Вот тебе и черти. Верь после этого бабушкам.

Ссора из-за снежного зайца

Сразу же после выюги оттепель началась. Вязким стал снег, в снежки играть можно. Сказал Рваный Бок Пушку:

— Пойдем лепить снежного зайца.

Обнял Пушок друга.

— Ну до чего у тебя, Рваный Бок, голова светлая. Обязательно что-нибудь придумаешь веселое.

Выбежали зайцы на поляну, лепить начали. Пушок, тот — раз-два! — и готово. Слепил себе зайца. Сел возле него, ножки вытянул, сидит, отдыхает.

А Рваный Бок знай себе лепит, старается. Сперва животик арбузиком скатал. Головку над ним пристроил. Где должны быть уши, прутики воткнул. Вместо носа шишку сосновую приладил. Губы землицей навел, брови навел — и заяц готов.

— Какой хороший, — позавидовал Пушок.

А Рваный Бок отряхнул снег с груди и говорит:

— Как же он может быть не хорошим, когда я его с тебя лепил. Похож?

— С меня? — посерел Пушок. — Это что же, по-твоему, у меня уши из прутиков? Это что же, по-твоему, у меня нос из шишки сосновой?

Подскочил и — раз-раз! — раскидал у Рваного Бока снежного зайца.

— Ах, так, — сказал Рваный Бок. — Ты что же, думаешь, если я у тебя в доме живу, по ночам на твоей печке греюсь, то ты можешь со мной делать все, что хочешь?

Подскочил и раскидал у Пушка снежного зайца. А Пушок схватил горсть снега и залепил Рваному Боку в ухо. А Рваный Бок, недолго думая, залепил ему в левый глаз. А Пушок поймал его за уши и — тык-тык-тык — носом в снег.

И зайцы подрались.

Вывался Рваный Бок, отбежал в сторону. Набрал снега, помял, поплевал, чтобы покрепче снежок получился, размахнулся и — чик! — Пушку между глаз.

Кувыркнулся Пушок на спину и лапки кверху. А Рваный Бок вытер кровь под носом и говорит:

— Пускай тебе сороки живот раскуют.

И пошел домой. Залез на печку. Вскоре и Пушок домой пришел. До вечера просидели они на печи молча. И за ужином не проронили ни слова. А на другой день как ни в чем не бывало сидели на полянке и лепили снежных зайцев.

Рваный Бок все носом водил, принюхивался. Вроде пахнет чем-то в роще. Не такой вроде воздух в ней, что зимой был. Что-то есть в нем особенное, а что — Рваный Бок никак понять не может.

И тут на нос ему — кап.

Поднял Рваный Бок голову. Думал, дождик, собирается. Но смотрит — небо чистое, ни единой тучки на нем. А капелька откуда-то на нос капнула. И на ухо капнула. И на ресничку.

Крутит Рваный Бок головой, ничего не понимает: что-то творится в роще. Не такая она стала, как была всю зиму. Пушок тоже носом крутит, тоже никак понять не может, что с рощей творится.

На ветке березы синичка пристроилась. Грудку огладила. Осмотрелась и весело тенькнула:

— Тинь!

— Пинь! — отозвалась ей с соседнего дерева подружка.

— Тюль!

— Пуль! — послышалось со всех сторон.

Роща ожила. Зашевелилась.

Зашевелился и медведь Спиридон в своей берлоге. Лапу изо рта вынул. Наружу вылез. Постоял. Пожмурился. Стукнул кулаком в дверь своего давнего соседа и товарища медведя Лаврентия.

— Вставай, Лаврентий, весна пришла.

— Так вот это что! — подпрыгнул Рваный Бок. — Весна!

Пушок тоже подпрыгнул и закричал:

— Весна!

Зайцы пристроились под ореховым кустиком и начали счесывать с себя зимний пух. А вокруг шумели, рассаживались по деревьям вернувшиеся с юга грачи.

Посадили зайцы морковку

Бурная в этом году весна была. Не успел медведь Спиридон с себя старую шерсть счесать, как уж снег оврагами в речку уполз, из-под прошлогодней опавшей листвы подснежники пробились. Тепло стало.

Рваный Бок ушел от Пушка.

— Теперь и под елочкой не замерзну. Спасибо тебе, выручил ты меня из беды. Такую студеную зиму одолеть помог.

— На том и жизнь стоит, чтобы помогать друг другу.

— Не думал я об этом раньше, а теперь всем попавшим в беду помогать буду.

— Ты думаешь, это так легко?

— Но я все равно буду. Честное слово, — сказал Рваный Бок и добавил: — Заходи ко мне. Всегда рад тебя видеть.

— Зайду, — пообещался Пушок и дня через три навестил друга.

Спал Рваный Бок. Всю ночь он лягушек на озере слушал, только уснул у себя под елочкой, а Пушок — толк-толк его под бок.

— Вставай. Разве можно сейчас спать? Ты погляди, что в полях делается. Сев идет. Тракторы на всю степь песни распевают. Идем глядеть.

Полдня бегали зайцы по полям, глядели, как колхозники хлеб сеют. После обеда в село свернули. Спрятались за огородом бабушки Степаниды. Припали к плетню, смотрят, как бабушка морковь сажает.

День был солнечный. Петухи пели. Празднично, залиvisто:

— Кири-ку-ку!

Только Рваному Боку не до петухов было. Просквозило его ночью на озере, чох напал. Закрылся Рваный Бок лапками, сморщился и — апчхи! — на весь огород. Да громко так, с высвистом.

Дрогнула бабушка Степанида. Посмотрела из-под ладони вокруг. Нет никого. Только за плетнем будто шепчется кто-то. И будто глядят на нее сквозь плетень четыре желтых глаза и не моргают.

Зашевелились у бабушки Степаниды седые волосы на голове. А два глаза за плетнем зажмурились и — апчхи! — чихнули на весь огород. Даже полынок прошлогодний закачался.

— Матушка-владычица! Черти!

Выронила бабушка Степанида мешочек с морковными семенами и затрусила по тропинке к дому:

— Николка!.. Николка!..

А Пушок перемахнул через плетень, схватил мешочек — и в рощу. Сели зайцы на крылечке домика Пушка, заглядывают в мешочек. Семена лапками помешивают.

— Сколько! — хлопает ушами Рваный Бок. — Вот если из каждого семечка морковку вырастить. Года на три есть хватит.

И предложил другу:

— Давай, Пушок, посеем эти семена. Будем все лето со свежей морковкой. И на зиму запасаем.

Обнял Пушок друга. Прижал к груди. По спине хлопает.

— Ну и голова у тебя! Что придумал! Я уж хотел выкинуть их. Думаю: зачем они нам. А ведь это же здорово — огород свой занимать. Не надо будет по чужим лазить.

Разрыхлили зайцы палочками землю в палисаднике. Посадили морковку. А пока сажали, кончился день. Звезды на небо высыпали. Ночь началась. На озере лягушки заквакали. Но не пошел Рваный Бок в эту ночь их песни слушать. Уселся в палисаднике и стал ждать: вот сейчас семена прорастут, распустится ботва, и появятся в земле красивые морковки.

Однако уж и за полночь перевалило. Туман по роще пошел. Тени редеть начали, а морковки все нет и нет.

Встревожился Рваный Бок. Вбежал в дом, растолкал Пушка на печке.

— Вставай. Нет морковки.

— Как нет? Почему нет? — вскочил Пушок.

А Рваный Бок отвернулся даже:

— Не взошла. Семена порченые, наверное, попались.

— Не взошла? — захохотал Пушок. — Чудак! За ней еще ухаживать надо. К осени морковка будет.

— К осени? — у Рваного Бока сузились глаза и открылся рот. — И-и, я думал, сейчас, сразу. Только ночь зря потерял.

— Сразу. Какой ты быстрый. Потопаешь, пока морковку вырастишь.

— Нет уж, пусть другие топают. Не для того жизнь дана, чтобы на огороде торчать. Я как-нибудь и без морковки обойдусь, — сказал Рваный Бок и решительно пошагал к себе под елочку.

С этого дня Рваный Бок и Пушок редко видятся стали. Пушок, тот все у домика своего вертится, за морковкой ухаживает. А Рваный Бок днем спит, а ночами до зари на озере пропадает, лягушек слушает.

Новое знакомство

Пристрастился Рваный Бок лягушек по ночам на озере слушать. Придет по вечерним сумеркам, сядет на берегу, ждет. Вот из-за полей луна выкатывается. Желтая. Большая. Ветерок дуть начинает. И слышит Рваный Бок: где-то совсем рядом, под корягой, лягушка потягивается, подружку зовет:

— Ку-ма? Ку-ма?

И тут же с противоположного берега отзываются на ее крик:

— Штво ты? Штво ты?

— Ох... Ох...

— Плы-ву, плы-ву...

Шлепанье. Плеск. Тихо.

Через минуту слева начинают шептаться:

— У-ор. У-ор.

— Я — твой. Я — твой.

— Н-не надо. Н-не надо.

— Ир-ра, Ир-ра.

И тут же из-под коряги высовываются две ехидные лягушачьи мордочки и шлепают губами:

— Шлы-шишь? Шлы-шишь?

— Вот-квак! Вот-квак!

И опять прячутся. И с середины озера доносится веселое:

— Кр-ра-сиво! Кр-ра-сиво!

— Красиво, — шепчет Рваный Бок и поводит ушами.

А озеро уже поет сотней голосов. И один другого краше. И не уходил бы Рваный Бок домой, так бы и слушал. Но небо с каждой минутой бледнеет. Заря загорается. Расходятся лягушки. Прощаются:

— По-ква. По-ква.

— Квак же твак? Квак же твак?

— Вот твак. Вот твак.

— О-ойр, о-ойр.

И все стихает.

Но Рваный Бок еще долго не уходит, слушает — не запоем ли еще кто. Лягушки молчат. И заяц нехотя бредет под елочку, а с наступлением вечера опять сидит у воды и слушает.

И вот один раз приходит Рваный Бок к озеру и видит: сидит на его месте заяц с длинными-длинными ушами. И усы у него подрагивают.

— Ты ч-чего здесь делаешь? — шагнул к нему Рваный Бок.

А заяц с длинными ушами попятился, попятился. И отвечает:

— Л-лягушек слушаю.

Видит Рваный Бок — боится его длинноухий. Как затопает ногами:

— Как ты смел моих лягушек слушать?

Кинулся было бежать заяц с длинными ушами, да поскользнулся и — бултых! — в озеро. Только брызги полетели. Вынырнул, похлопал по воде лапками — леп-леп-леп —

и опять опустился. А над ним — пузыри, пузыри. Потом еще раз вынырнул и снова пропал.

Видит Рваный Бок — плохо дело, тонет заяц-то. Забегал по берегу:

— Давай, давай лапку! Давай, давай лапку!

А заяц с длинными ушами покажется-покажется над водой и опять его нет. Покажется-покажется и снова пропадет. Потом уж и показываться перестал.

Охнул Рваный Бок и сиганул в озеро. Нащупал утопленника на дне, выволок на берег за уши.

Лежит заяц на зеленой травке и не дышит. Живот большой-большой, как гора, а сердце чуть бьется — тук-тук.

Вскрикнул Рваный Бок и ну зайца с длинными ушами откачивать. Забили у того два фонтанчика из ноздрей и живот опадать начал. Зашевелился заяц, вздохнул.

— Живой! — затормошил его Рваный Бок.

С земли приподнял. Посадил. Гладит его.

— Зашевелился! Живой. Тебя как зовут?

— Заяц Длинные Уши.

— А меня — Рваный Бок. Видал, царапины на боку? Это меня медведь Спиридон из берлоги вышвырнул. Да не плачь ты, не плачь. Я тебя не обижу. Слушай моих лягушек, мне не жалко. Это я так, попугать тебя хотел. А ты больно сильно испугался.

— Я всегда сильно пугаюсь. Сердце у меня робкое.

— А ты чей будешь? Я тебя вроде раньше у нас в роще не видел.

— Из Осинников я, — сказал заяц Длинные Уши. — Нельзя мне там жить стало, я и убежал к вам.

И начал рассказывать о себе.

Что медведи едят

С отцом рос заяц Длинные Уши. Пошли они один раз в гости к зайцу с Лысой Горы. Усадил он их за стол. Еды разной наставил. Зайчонком тогда заяц Длинные Уши был. Вернулись они домой, он и спрашивает отца:

— Отец, а что медведи едят?

— Не знаю, — отвечает он ему. — Я у медведей никогда в гостях не был.

— Почему?

— Не пришлось как-то.

Лежал ночью заяц Длинные Уши в постельке и думал: «Глупый отец! Жизнь прожил и не догадался к медведю в гости сходить. К зайцам ходит, а к медведю не догадался. Ну разве не глупый он после этого?»

И на другое же утро отправился заяц Длинные Уши в гости к медведю. Шел, думал: «Приду сейчас, усадит меня медведь за стол, угощать станет. И я узнаю, что медведи едят. И отцу расскажу. Пусть и он знает».

С пасеки медведь шел, мед в миске нес. Увидел зайца, обрадовался:

— Кстати пришел, длинноухий. Гости у меня. Проходи.

«Удачно я как день выбрал, — подумал заяц Длинные Уши. — Не только с одним медведем, со многими за столом посижу. Будет о чем отцу рассказать».

Вошли они в берлогу. Медведь и говорит гостям:

— Сейчас потешу вас.

И приказывает зайцу:

— Ну-ка, пляши, длинноухий. Повесели гостей моих.

— Я?!

— А кто ж еще, — сказал медведь. — Ну! — И так рыкнул на зайца, что у того и в глазах темно стало.

Запрыгал он перед медведем:

— Я уже пляшу. Пляшу я.

И в ладоши захлопал, чтобы веселее казаться.

Плясал заяц Длинные Уши и думал с радостью: «Хорошо хоть отец плясать меня научил, а то что бы я сейчас делал?»

Досыта наплясался, чуть дышит. Выставил его медведь за порог, приказал:

— Завтра приходи. В берлоге приберешь. После гостей в ней всегда мусора много.

— Тут-то и понял я, — рассказывал заяц Длинные Уши зайцу Рваный Бок, — почему отец мой к медведю в гости не ходит.

— И ты чистил у него берлогу? — спросил Рваный Бок.

— А как же! И спину ему чесал. Он, оказывается, очень любит, чтобы ему спину перед сном чесали. Чуть что сделать, бывало, зовет меня. А глядя на него, и другие медведи меня зазывать начали. А у меня сердце робкое, я не могу отказать. Помучился я, поработал на медведей и убежал из родной рощи. У вас поселился.

— Ну и правильно сделал, что убежал, — обнял его Рваный Бок. — Нечего этих медведей поваживать. Спины им чеши, в берлоге у них убирай, пляши перед ними. Пусть сами чешутся. Со мной жить будешь. Я тебя ничего делать заставлять не буду. Отдыхай.

Заяц Длинные Уши что-то сказать хотел, но тут под корягой лягушка потягиваться начала:

— Ку-ма? Ку-ма?

А слева зашептались:

— Ир-ра, Ир-ра.

А у противоположного берега заохали:

— О-ох! О-ох!

Приложил Рваный Бок палец к губам, прошептал:

— Т-с.

Притихли зайцы. Прижались друг к другу, слушают. Так и просидели они до утра. А поутру сказал Рваный Бок зайцу Длинные Уши:

— Вечером приходи. Опять слушать будем.

Лежал потом у себя под елочкой, думал: «С ним дружить буду. Не тот Пушок стал: домом обзавелся, огород насажал, поскучил. С зайцем Длинные Уши мы интереснее жить будем. Я это чувствую».

Как Федотку учили

Прибегает заяц Длинные Уши к другу, смотрит: сидит Рваный Бок под елочкой и, сложив губы трубочкой, дует:

— Фить... Фить...

— Ты что делаешь? — спрашивает у него заяц Длинные Уши.

— Свистеть учусь, — отвечает Рваный Бок.

— Зачем?

— Как зачем? Вот ты идешь по роще и молчишь, а можно идти и посвистывать, — сказал Рваный Бок.

И снова подул:

— Фить... Фить...

Мимо зайчонок бежал, плакал. Остановил его Рваный Бок, спрашивает:

— Ты чего это слезы льешь?

— Федотка обидел, — отвечает зайчонок.

— Федотка? — переспросил Рваный Бок. — Это щенок лопохий?

— Да. Играю я на лугу, а он подбежал ко мне, схватил за ухо, кричит: «Идем к деду Григорию, он из тебя шапку сделает». Чуть вырвался.

Успокоил Рваный Бок зайчонка:

— Не плачь. Нехорошо плакать.

Репкой угостил его. Вспомнил: дал он клятву Пушку, что будет помогать тем, кто в беду попал, сказал другу:

— Надо проучить Федотку, чтобы знал он, как маленьких обижать.

— Что ты, — попытлся заяц Длинные Уши, — он же собака. Хотя и маленькая, но собака.

— И собак учить надо. Готовься, — сказал Рваный Бок.

И подул:

— Фить... Фить...

В полночь к Федоткиной конуре подошли. Сквозь сон слышал Федотка, как кто-то осторожно подкрался к его постели. Почувствовал, что его взяли за ошейник и открыл глаза.

Ночь была ясная, лунная. За стеной в сарае тяжело вздохнула корова. Ягненок заблеял. Возле Федоткиной постели стояли двое: рядом — Рваный Бок, чуть дальше — заяц Длинные Уши. Он переступал с ноги на ногу, и усы его маленько подрагивали.

— Ты за что зайчонка обидел? — спросил Рваный Бок и кивнул другу. — Бери его! Потащили его к нашему медведю. Он с ним поговорит!

— Верти-и-хвост! — заверещал Федотка.

И сейчас же на соседнем дворе бойко отозвался пес Вертихвост:

— Я здесь, Федотушка!

Когда длинный узколобый Вертихвост просунулся в Федоткину конуру, зайцев там уже не было. Федотка лежал колбаской у стены и дрожал:

— Зайцы-ы!.. К медве-е-дю-у!..

Двое в одной яме

На другой день Вертихвост и Федотка, высунув языки, носились по Гореловской роще: зайцев отыскивали. Нашли их в орешнике.

— А! Вот вы где, — зарычал Вертихвост. — Я вам покажу, как наших щенков медведями пугать!..

— Мы вам покажем, — взвизгнул Федотка и мотнул длинными не по росту ушами.

Часа три кружили Рваный Бок и заяц Длинные Уши по орешнику, следы путали. Но Вертихвост легко распутывал их. Мчался за зайцами, лаял:

— Не уйдете.

Грозился и Федотка:

— Не уйдете, — а сам уже еле бежал.

Видит Рваный Бок — не уйти им от Вертихвоста. Крикнул что-то другу. Повернули они влево и помчались по узенькой тропке к Яблоневому оврагу. Мчится за ними следом Вертихвост — ветер в ушах свистит. А зайцы хвостики все ближе, ближе. Вот уж они совсем рядом. Еще прыжок и...

И тут вильнули зайцы в сторону. Выскользнула у Вертихвоста земля из-под ног, и полетел он в яму, что охотники еще в начале весны для волка вырыли. Стукнулся голо-

вой о стену. Вскочил, смотрит — летит на него сверху Федотка, болтает в воздухе ногами и вопит:

— Караул!

Весь день просидели Вертихвост с Федоткой в яме. На ночь сидеть остались. Темно было. Жутко. И есть хотелось. Где-то совсем рядом наверху филин ухал:

— У-ух! У-ух!

Прижимался Федотка к Вертихвосту, поскуливал. А Вертихвост глядел на далекие звезды и хотелось завывать ему от очтаiania, да боялся он: услышит волк, придет, куда бежать будешь?

Утром свесились над ямой две заячьи мордочки, захихикали:

— Живы еще?

И упал тут Вертихвост на колени и лапы кверху поднял. Ни перед кем не становился, а перед зайцами упал. Просит:

— Зайчики, милые, спасите хоть Федотку. Умрет он, есть хочет.

— Хочу, — проскулил Федотка и мотнул ушами.

— Хитрый, «спасите», — усмехнулся Рванный Бок. — А потом опять нас по роще гонять будете?

— Не будем.

— Врешь.

— Умереть мне на этом месте, если вру.

— Ешь тогда землю, клянись.

Схватил Вертихвост горсть земли, сунул в рот, пожевал, выплюнул — на земле поклялся.

Переглянулись зайцы. Сказал Рванный Бок:

— Надо помочь им, в беде ведь.

— Обидят потом.

— На земле поклялись, не тронут. А я дал слово Пушку, что буду всем помогать, кто в беду попал. Поучили мы их, хватит.

Пошептались зайцы между собой, скрылись. Долго не показывались. Вернулись с веревкой из лыка.

— Привязывай Федотку, тащить будем.

За Федоткой зайцы и Вертихвоста из ямы вытащили. И тут же отбежали подальше: мало ли что...

На всякий случай

Бежал заяц Длинные Уши к речке воды попить и ни о чем не думал. Бывает же так: идешь ты и в голове у тебя пусто, ни одной мысли нет. Так и с ним было. Бежит он и видит: лежит под кустом волк Рыжий Загривок. Может, спит, а может, и нет, но глаза закрыты.

Растерялся заяц. Что делать? Поздороваться? Вдруг

спит волк, потревожишь — обидится. Волки, они обидчивые. Пройти мимо и не сказать ничего? А вдруг не спит волк? Откроет глаза и спросит:

— Что же это ты, братец, мимо идешь и не здороваешься?

Топчется заяц на месте. Что делать? Как быть? Подумал он, подумал и решил поздороваться потихоньку. Если не спит волк — услышит, а если спит — не проснется: волки, говорят, крепко спят.

Так заяц Длинные Уши и сделал: прошел на цыпочках мимо волка и сказал чуть слышно:

— Здравствуй, волк.

А волк — ни гу-гу. Только брови у него вроде шевельнулись. Остановился заяц. Что если не спит волк? Прищурил глаза и глядит на него сквозь щелки. Пойдет он сейчас дальше, а волк поднимется и скажет:

— Погоди-ка.

Подойдет и щелкнет зубами.

— Что же это ты со мной как тихо здороваешься?

И обидится. А это очень плохо, когда на тебя волк обижается. И поэтому повернулся заяц Длинные Уши, прошел еще раз мимо волка, сказал во весь голос:

— Здравствуй, волк.

А волк и на этот раз ни гу-гу. Как лежал с закрытыми глазами, так и остался лежать. Совсем заяц Длинные Уши духом упал. Что делать? Идти дальше? А вдруг не спит волк, притворяется только спящим? Пойдет он, а волк поднимется и скажет:

— А ну, иди-ка сюда. Ты что же это? Обрадовался, что я сплю, и не разбудил, чтобы здоровья пожелать мне? Значит, ты не хочешь, чтобы я был здоровым?

И кто знает, что бы дальше было, если бы не филин. Надоело ему спать в дупле на правом боку, перевернулся он на левый да как ухнет. Подпрыгнул заяц Длинные Уши и кинулся бежать. Да прямо на медведя Спиридона. Летит, зубы ощерены, уши к спине прижаты. И такой у него был вид ошалелый, что медведь даже попятился, дорогу уступил ему.

Увидел дня через три его у Ванина колодца, покачал головой:

— А ты отчаянный. Бежал прошлый раз прямо на меня и не боялся. А ведь я мог и помять тебя. Я вон большой какой.

— Я знаю, — чуть слышно пролепетал заяц Длинные Уши. — Но только хоть и большой ты, я тебя в те минуты не видел, потому что я бежал с закрытыми глазами: филина испугался.

И глаза кулачками потер:

— Плохо быть зайцем. Перед каждым дрожи, каждому угождай.

Разжалобился медведь, глядя на него, сказал:

— Ладно уж, помогу я тебе. Напишу справку.

А у зайца и усы поползли книзу:

— Зачем она мне?

— Понадобится, — сказал медведь. — Я тебе дам очень хорошую справку. С ней тебе ни бегать, ни прятаться не надо будет.

Сел тут же у колодца и нацарапал на куске бересты: «Этот заяц — мой». И расписался: «Медведь Спиридон». Свернул в трубочку, подал зайцу.

— С такой справкой смело ходи по роще. Никто тебя не обидит.

Заяц Длинные Уши справку взял, да только ни разу не воспользовался ею: смелости не хватило показать ее. Так со справкой и бегал ото всех, даже от медведя Спиридона прятался. И знал, что не тронет он его, а все равно прятался.

Как стать смелым

Хоть и жил заяц Длинные Уши в Гореловской роще каких-нибудь месяца два, хорошо его уже знали все. Почти каждую среду рассказывала черепаха Кири-Бум у сосны с кривым сучком сказки о его трусости. Надоело это зайцу Длинные Уши. Прибегает он к Рваному Боку и говорит:

— Ну почему ты такой смелый, а я нет?

А Рваный Бок и говорит ему:

— А я наговор знаю.

— Какой наговор?

— А такой: проберись вечером на капустник бабушки Степаниды. В правом углу полынок увидишь. Сорви с него три листочка, разжуй и держи во рту, на небо поглядывай. Как только загорится на нем пятая звездочка, мчись к речке. Сядь у бережка и скажи:

Речка, речка,
Унеси мои ахи,
Унеси мои страхи
По полой воде.

— И все? — вскочил заяц Длинные Уши.

Но Рваный Бок остановил его:

— Больно ты быстро смелым сделаться хочешь. Пошепчешь над речкой, беги опять на капустник. Сорви с полын-

ка еще три листочка, разжуй и гляди на небо. Как только увидишь, что на нем осталось всего пять звездочек, глотай и мчись к речке. Умойся и иди спать. Когда проснешься, будешь самым смелым у нас в роще и никого не будешь бояться.

— Спасибо тебе, — сказал заяц Длинные Уши другу и побежал домой.

Вечером того же дня он сидел на капустнике бабушки Степаниды. Во рту его лежали три разжеванных полынных листочка, а глаза глядели в небо: как медленно загораются эти звезды!

Вдруг заяц сморщился — э-э! — выплюнул разжеванный полынок и побежал к речке. Сел у воды и давай язык мыть. А пока мыл, высыпало на небе звезд видимо-невидимо.

— Ладно, — вздохнул заяц Длинные Уши, — завтра приду.

И пришел. Сорвал с полынки три листочка, разжевал и сидит, на небо смотрит. Одна звездочка загорелась, вторая, третья... Но тут схватился заяц Длинные Уши за живот, закрыл глаза — э-э! — сплюнул. Высунул язык, открыл левый глаз. Смотрит, а в небе уже семь звезд горят.

Но не таким был заяц Длинные Уши, чтобы отступить от задуманного. На третий вечер он опять пришел на капустник бабушки Степаниды. Глянул на полынок, схватился за живот — э-э! — сплюнул и побежал к речке. Зачерпнул горсть воды.

— Ала-ла-ла, — прополоскал во рту.

Хотел было опять на капустник бежать, да слышит — смеется кто-то. Смотрит, а это Рваный Бок. Стоит на противоположном берегу и со смеху покатывается.

— Ну, как наговор мой? Помогает?

И понял тут заяц Длинные Уши, что подшутил над ним Рваный Бок, и обиделся. Ни слова не сказал, домой ушел. На другое утро наловил головастика в озере, завернул в лопух и отнес в родничок, из которого Рваный Бок воду пил.

— Напьется Рваный Бок, и заведутся у него в животе лягушки.

И тут зашуршало у него что-то позади. Оглянулся заяц Длинные Уши — Лиса. Вскрикнул и побежал. Далеко убежал, весь день потом назад дорогу отыскивал.

Пить захотел. Идет по роще, только о воде и думает. Смотрит, родничок у березы плещется. Припал к нему. Напился. Смотрит, а это тот самый родничок, куда он утром головастика напускал. И лопух вон валяется. И головастики плавают, рты разевают.

Сосчитал заяц головастика — нет одного. Сосчитал еще раз — так и есть, не хватает. И почувствовал заяц Длинные

Уши: зашевелилось у него в животе что-то. Так и присел он:

— Лягушка!..

А в животе — блюм-блюм — колыхнулось что-то.

— Квакает!

Всю ночь сидел заяц Длинные Уши у родничка, слушал, как в животе у него бултыхается что-то, и шептал:

— Лягушка.

А утром пересчитал головастика, а они все на месте. Пересчитал еще раз — так и есть, все. Обрадовался, выловил их, завернул в лопушок и отнес в озеро. Когда назад бежал, Рваного Бока увидел, предложил ему:

— Пойдем деда Назара наведаем.

— А я тебе как раз то же самое хотел предложить, — сказал Рванный Бок и протянул лапу: — Ну, здравствуй.

Потеря левого уха

Еще весной заметил Рванный Бок, где посадили марьевцы арбузы. Раза три навещался за лето, а как увидел, что начали поспевать арбузы, каждый день бывать начал. И друга с собой прихватывал. Прибегут зайцы, поглядят, где караульщик дедушка Назар, выскочат из кустов, схватят арбуз — и в рощу.

— Я вас, я вас, — замашет на них дедушка Назар палкой.

А зайцы укатят арбуз в рощу, спрячутся в кустах и едят, семечками друг в друга постреливают. Заигрались один раз и не заметили, как подошел дедушка Назар.

— А, — говорит, — вот вы где прячетесь, озорники.

Порскнули зайцы в стороны, только дед их и видел.

На другое утро с рассветом на бахчу пришли. Выбрали большущий арбуз и покатали к роще. Увидел их дедушка Назар, замахал палкой:

— Опять пришли, окаянные.

А зайцы будто не слышат. Пыхтят. Упираются, знай себе катят. Докатали до канавы, толкнули и сами следом скатились.

Подбежал дедушка Назар — нет зайцев. Один арбуз в канаве лежит. Подобрал его, лезет вверх, смотрит, а зайцы уж с другого конца бахчей арбуз покатали.

Взмахнул дедушка Назар рукой:

— Ах, озорники эдакие.

И засеменял к шалашу. В шалаше у деда ружье. Схватил он его, побежал за зайцами. А зайцы — шмыг! — и спрятались за арбуз. Одни уши торчат.

Прицелился дедушка Назар в левое крайнее ухо да как тарарахнет. Только — а-ах! — эхо по роще прокатилось.

Хоть и плохонькое у деда ружье было, а большого страху на зайцев нагнало. Ударились от бахчи — собаками не догнать.

И только за Яблоневым оврагом хватился заяц Длинные Уши, что нет у него одного уха.

С той поры и остался он с одним ухом. Но, несмотря на это, звали его все до конца жизни зайцем Длинные Уши.

Рваный Бок задумывается

Было воскресенье. Заяц Длинные Уши спал в орешнике, когда прибежал к нему Рваный Бок и толкнул ногой:

— Видал?

И сунул под нос две сочные красные морковки.

— Э-э, — вскочил заяц Длинные Уши. — У кого своровал?

— Своровал! Пушок вырастил... На, ешь!

Швырнул зайцу Длинные Уши морковку и пошел прочь.

Всю ночь ходил он по роще и о жизни своей думал. Незавидно она у него складывается как-то. У Пушка куда интереснее. У него и дом есть, и огород.

«Дом... Это ведь я придумал построить его. Придумать придумал, а построить не смог — терпения не хватило. А Пушок по моему совету построил и живет. И огород я посадить предложил, а морковку вырастить терпения не хватило. А Пушок вырастил и теперь всю зиму с морковью будет. До многого я додумался, а довести до конца не сумел: терпения не хватило. Легко жить хотел. Потому и стреляли в меня и собаками травили».

Всю ночь только об этом и думал, а утром отыскал зайца Длинные Уши, сказал ему:

— Решил я уйти из Гореловской рощи, где меня знают бездельником и озорником. Решил начать новую жизнь в Белоозерском лесу. Хочешь — идем со мной, не хочешь — уйду один.

— Куда я без тебя, — сказал заяц Длинные Уши и потрогал отстрелянное ухо.

Пошли они по роще. По пути к Пушку свернули.

Пушок на крыльчке сидел, морковь от ботвы очищал. Высокую кучу накидал.

— Видал? — шепнул Рваный Бок зайцу Длинные Уши.

А Пушку сказал:

— Может, и ты с нами пойдешь? Втроем веселее будет.

— Нет, — отказался Пушок. — Зачем я пойду из родной рощи? Мне здесь хорошо. Дом имею. Морковку вырастил. На зиму с лихвой хватит, а там еще посажу. Да и ты зря уходишь. По-новому жить и дома начать можно.

— Не скажи. Меня здесь все бездельником знают. Начни я по-новому жить, не поверят. Притворяется, скажут. Я лучше уйду. Да и имя у меня здесь какое-то несерьезное: Рваный Бок. А на новом месте я скажу, что меня зовут Сережа, все и поверят. И ты, когда писать письма будешь, не пиши «Зайцу Рваный Бок», а пиши так: «Белоозерский лес, зайцу Сереже».

— А дорогу-то в лес знаете?

— Кто-нибудь покажет.

— А может, останешься? Дом у меня большой и морковки вырастил вон сколько. Проживем.

— Это что? Опять лежать у тебя на печке да еще и есть твою морковь? Ни за что. Я стыд не весь потерял. Пойдем мы. Не поминай лихом, может, и обидел когда.

— Что ты, что ты, — дрогнул у Пушка голос.

Отвернулся он, выбрал две самые лучшие морковки, подал:

— Возьми, дорога большая, пригодятся. Может, и не встретимся больше.

— Эх, Пушок, — бросился Рваный Бок к другу и крепко-крепко к груди прижал. — К солнцу ты меня лицом повернул, спасибо тебе за это.

Обнялись зайцы. Уронили друг другу на плечи несколько светлых слезинок. Простились.

Долго стоял Пушок у края рощи и все смотрел, как Рваный Бок и заяц Длинные Уши степь пересекают.

Вот уж до половины не видно их.

Вот уж одни головы остались.

А вот уж и вовсе скрылись, и только далеко-далеко у горизонта покачиваются три заячьих уха — одно длинное и два чуть покороче. Потом и они пропали.

И грустно стало Пушку. Вернулся он домой. Сел на крылечко, сидит, смотрит на морковку, а на душе такое, словно потерял он что-то и теперь никогда-никогда не вернет.

До поздней ночи сидел Пушок на крылечке и все думал, думал, а потом поднялся, прошел в дом. Зажег лампу и сел у окошка писать письмо в Белоозерский лес зайцу Сереже. Придет Рваный Бок, а уж его письмо дожидается.

— Может, ему с моим письмом не так тоскливо и одиноко на чужбине будет. Мне грустно, но я-то дома, в родной роще.

И МЕДВЕДЬ
СПИРИДОН
УЧИЛСЯ





ПОЧЕМУ ЗВЕРИ ВРОЗЬ ЖИВУТ

Когда-то звери жили одной семьей — волки, лисы, медведи, зайцы — все вместе. И вздумалось им однажды щи сварить: никогда они ничего вареного не ели. Раздобыли кочан капусты, оставили на полянке Зайца караулить его, а сами пошли сучья собирать.

— Возьмите и меня с собой, — запросился Заяц.

Но звери сказали ему:

— Что ты унести можешь? Прутик какой-нибудь. Сиди уж, карауль.

И остался Заяц один на один с кочаном капусты. Похаживает вокруг него, ноздрями шмыгает — вкусно пахнет-то как! Присядет, лапками его пожмет — сочно хрустит-то как! Эх, сесть бы сейчас возле него, обхватить коленками и грызть бы, грызть... Но как сядешь, когда кочан-то не его — общий. Съешь — шуму не оберешься, а съесть очень хотелось или попробовать хотя бы.

Ходит Заяц вокруг капусты. Кочан большой, живот у Зайца маленький. Глотает Заяц слюнки, отмахивается от мошкар, разговаривает убедительно сам с собой:

— Нашли сидельца. Им там хорошо сучья собирать, у

них никакого соблазна нет, а тут вот майся, охраняй, а они, может, даже спасибо не скажут за это.

И решил тут Заяц, что за верную службу положен ему листок капусты. Взял и съел его. И стал кочан чуть-чуть поменьше, а живот у Зайца чуть-чуть побольше. А звери все не шли, а Заяц все похаживал по полянке да причмокивал:

— М-да, если у них сила, так они и приказывать могут? А если ты маленький, то ты уж и в подотчете у них. Скажали — карауль. И не поперечишь. Приневолили.

И вдруг решительно шагнул к капусте.

— Чего это, — говорит, — я самого себя томить буду? Есть же в этом кочане моя доля? Есть. Так какая разница, когда я ее съем, сейчас или чуть позже? Мне сейчас хочется.

Прикинул на глазок, сколько должно выпасть на его долю, и съел. И стал кочан еще чуть меньше, а живот у Зайца еще чуть больше.

Сидит Заяц, ножки калачиком — хмурится. Хоть и не особенно это у него хорошо получается, но все-таки хмурится, ворчит:

— Чего это они не идут так долго? Тут измаешься, слюной изойдешь, пока они варить соберутся. Да и зачем варить? Капуста и в сыром виде вкусная. Я убедился — вкусная.

Говорит, а сам все ближе, ближе к вилку подвигается. Придвинулся вплотную и сжевал еще несколько листков.

— Я, — говорит, — меньше всех. И мне, как маленькому, побольше доля положена.

Так листик по листику и раздел Заяц кочан до самой кочерыжки. И только тут спохватился:

— Что же я наделал?

И слышит, пробирается кто-то сквозь чашу, шебаршит листьями.

— Сейчас мне попадет, — перетрусил Заяц. — Не вытерпел, скажут, съел общий кочан. Эх ты...

Но так как был он умным Зайцем, то и не стал дожидаться, когда соберутся все и начнут стыдить его, нырнул в кусты, только его и видели.

А на поляну с охапкой ровненьких сухих палочек вышла Лиса. Бросила их на траву, вздохнула:

— Устала, пока донесла. Ну да ладно, наварим сейчас щей и наедемся... Э, а где же кочан наш?

Ширк, ширк Лиса по полянке — нет капусты, одна кочерыжка валяется, съел кто-то. И Зайца нет. А сквозь чашу, слышно, шагает Барсук и самого себя хвалит:

— Я, наверное, первым иду. Я вон как торопился — хватал и хватал. Я молодец.

Охнула Лиса:

— Увидят меня сейчас возле кочерыжки и подумают, что это я капусту съела. И будут стыдить. За чужой грех краснеть придется.

Но так как Лиса была умной, то и не стала дожидаться, когда соберутся все, кинулась в кусты, только шорох пошел по ним. И не догадывалась раньше, что в ней прити столько. А на поляну Барсук вышел, дрова принес. Посмотрел — нет никого, похвалил себя:

— Так и есть, я первый. Не зря же я старался — хватал и хватал. Молодец я. Наварим сейчас щей и узнаем, какие они на вкус, щи вареные... Но я что-то капусты нашей не вижу. И Зайца нет почему-то.

Бросил Барсук дрова и давай полянку обшаривать. Наткнулся на капустную кочерыжку и рот разинул:

— Съел кто-то.

И слышит: Медведь сквозь чащу продирается, басит на весь лес:

— Эх, мелкота! Что вы там принесете? Ни дыма, ни огня от ваших дров не будет. Что в вас силы? Вот я так почти целое дерево волоку, потому что я Медведь.

— Попался, — охнул Барсук и присел от страха. — Увидит меня Медведь с кочерыжкой и скажет, что это я съел капусту. Вот это, скажет, молодец!

Но так как Барсук был умным Барсуком, то он не стал дожидаться, когда соберутся все, кинулся в кусты — и был таков, а Медведь вышел на поляну, осмотрелся, покачал нечесаной головой:

— Нет еще никого. Эх, мелкота! Нашли, гляди, теперь по сучку и донести не могут. Не то что я — почти целое дерево приволок, потому что я Медведь. Сейчас разожжем с Зайцем костер и начнем щи варить. Пока остальные придут, а уж у нас и щи булькают.

Но смотрит Медведь: один он посреди полянки. Зайца нет. В траве обглоданная капустная кочерыжка валяется, а издали доносится тоненький голосок Ежа:

— Я тоже прутик в общий костер несу. Мне тоже дадите щец похлебать, я ведь тоже проголодался. И я ведь тоже ваш.

— Втюхался! — обмер Медведь. — Подумают на меня теперь. Скажут: «Съел Медведь кочан капусты и не поделился ни с кем, потому что Медведь». Стыдобища-то какая!

И так как Медведь был умным Медведем, то он не стал дожидаться, пока соберутся на поляну звери и увидят его, большого, возле маленькой обглоданной капустной кочерыжки. И хоть ленив бегать был, бросился со всех ног в кусты и залег у себя в берлоге.

И пошла с той поры у зверей дружба врозь. Прячутся друг от друга по кустам, стыдятся в глаза поглядеть. И все ищут Зайца, чтобы признался по-честному, что это он съел капусту. Зайцу признаться не трудно, да не уверен он, что его за уши трепать не станут, оттого и носится по лесу, прячется ото всех.

БАРСУК ФИЛЬКА

Жили по соседству в Гореловской роще два медведя: медведь Спиридон и медведь Лаврентий. В добре жили — сердце в сердце. По праздникам в гости друг к дружке хаживали, медком угощались. А неподалеку от них барсук Филька жил. Прижимистый, диковатый — и сам ни к кому, и к нему никто. И завидно было ему, что медведи живут дружно. Вот и решил он поссорить их. Приходит к медведю Лаврентию и ну нашептывать ему в ухо:

— Жалко мне тебя, Лаврентий. Доверчивый ты больно, совсем простак. Считаешь другом медведя Спиридона, а он ходит по роще и посмеивается над тобой. «Лопух, говорит, медведь Лаврентий. Не успеешь порог его берлоги переступить, а уж он мед на стол тащит — угощайся. Я, говорит, к нему только за тем и хожу, чтобы мед есть. Он, разиня, нараспашку живет — приходи, пользуйся. Ну я и пользуюсь!»

— Врешь! — рявкнул медведь Лаврентий. — Врешь, Филька, оговариваешь Спиридона. Не один день знаю его. Гляди, я в гневе несдержан бываю. Зашибу невзначай до смерти.

Перепугался Филька: ох, в недобрый час подвернулся, надавит чуть покрепче медведь — и дух из него вон. Подлое дело, оказывается, легко начать, да не знаешь, каков конец будет. Не рад уж Филька, что и врать начал, да на попятную идти поздно: слишком далеко зашел. Говорит:

— Крик, Лаврентий, не беседа, кричать и дурак может. А если я вру, пусть провалюсь я на этом месте.

Страшной клятвой поклялся барсук.

Смотрит медведь Лаврентий: сейчас расступится земля и примет Фильку. Но тот как стоял, так и остался стоять, а земля даже и не ворохнулась под ним. И тогда поверил медведь всему, что сказал барсук. За стол усадил его, миску меда на чистую скатерть поставил, угощает, жалуется:

— Как она, жизнь-то, повернуться может, а! В глаза, значит, друг, а за глаза — лопух, а я-то верил... Эх, Спиридон, Спиридон...

А Филька ест мед и поддакивает:

— С друзьями уж так: в радости они сыщут, а в горести забудут. Сегодня их полна берлога, а завтра и здравств-

вуй сказать некому. Объели, опили — и поминай как звали. Нет уж, лучше самому себе жить. И радость и горе — все твое, все от тебя. Неужто ты, Лаврентий, умом еще не дорос, чтобы понять это?

Говорил Филька, а сам мед за обе щеки уписывал. Наелся до сини в глазах, до полной сытости, а остатки слил в корец и унес домой — пригодится. Отдохнул после сладкого обеда, а к вечеру, близко к сумеркам, к медведю Спиридону подался. Пришел и ну нашептывать в мягкое слушающее ухо:

— У медведя Лаврентия в гостях был сейчас. Что он говорит о тебе, сказать даже страшно! Говорит, что ты жулик, что ты делаешь только вид, что живешь честно, а сам мед потихоньку из его ульев по ночам ворует.

Поднялся медведь Спиридон, натопорчился:

— Врешь, Филька, врешь! Ух и язык у тебя блудлив, что коза. С ветру говоришь, с чужого дыма. Не мог Лаврентий обо мне сказать такое. Мы же с ним с детства друг друга знаем. Сколько раков на речке вместе переловили, сколько репьев друг у дружки со спины vybrали. Он же друг мой!

А Филька щурит глазки, подбородком кивает, говорит, что бисер на нитку нижез — блеска к блеску:

— Друзья, Спиридон, они разные бывают: и верные и неверные. Ты с другом по вечерам на заваulinке посиживаешь, на вечернюю зорю смотришь, а он камень против тебя за пазухой держит, булыжник такой. И не увидишь, как по башке жахнет. Нет, горе одолеет — никто не пригреет. А если говорю я неправду, то пусть сгорю я на этом месте, и даже дыма от меня пусть не будет.

Страшной клятвой поклялся барсук.

Медведь Спиридон даже попятился от страха: сейчас запылает Филька. А Филька как стоял, так и остался стоять, еще поднял прутик с земли, колечко из него свивать начал. И тогда поверил медведь всему, что говорил барсук, и обмер от обиды. Заахал:

— А, лучшим другом облихован! Ах, Лаврентий, Лаврентий! Я в тебе души не чаял, а ты вон обо мне говоришь что: жулик я. Да я за всю мою жизнь никакой корыстью не замарал себя, не то чтобы на чужое позариться. Да и зачем меня чужое, когда у меня своего девать некуда.

А тут и ужинать пора приспела. Притащил медведь огромную миску меда. Поставил на стол перед барсуком, дал ему ложку.

— Ешь, Филька. Если бы не ты, я бы и теперь не знал, что не друг мне Лаврентий. В глаза мне одно говорит, а на стороне — другое.

Чмокал Филька вкусными медовыми губами, соглашался:

— Что верно, то верно: друг, он ведь что месяц — то он большой во всю ширь, то маленький на нови, то за облако спрятался, то опять светит. Без друзей куда легче живется. Друг — это ведь одно беспокойство. То сам к тебе в гости плетется, то тебя к себе в гости зовет. Нет уж, лучше без друзей жить, чтобы тебе никто не мешал и чтобы ты никому помехой не был.

Говорит так Филька, а сам знай черпает мед из миски. За всю жизнь столько не видел, сколько съесть ухитрился. Чуть из-за стола вылез. Домой не пошел — у медведя Спиридона ночевать остался.

«Утром позавтракаю у него, все дома не есть, а обедать опять к Лаврентию пойду», — думал он, устраиваясь в медвежьей постели. А она вся из камыша связана, на такой мягко и крепко спится — до самого солнышка.

Спит Филька, похрапывает, а медведя Спиридона и сон не берет. Ночь выдалась паркая, туманистая. Ворочается медведь с боку на бок, сопит. Взымает в груди сердце растревоженное: нелегко друзей-то терять. «Ах, Лаврентий, Лаврентий, ни за что ты ославил меня, ни за что оглаголил. Эх, не зря говорят, что камень друга ударяет больнее...»

Ворочался, ворочался Спиридон, кряхтел, кряхтел, поднялся среди ночи. Решил пойти к Лаврентию, разбудить его и всю обиду свою в глаза ему сказать.

Но будить медведя Лаврентия не пришлось. Не спал он. Сидел на завалинке, душой скорбел: «Ах, Спиридон, Спиридон...» А он вот он, медведь-то Спиридон, сам идет к нему, нахмуренный, ненастный. Подошел и ну корить, выговаривать:

— Что ж ты, Лаврентий, пал-то как, враньем себя грязнишь. Небылицы обо мне плетешь, будто жулик я, мед из твоих ульев ворую по ночам, а я и не корыстен вовсе. Зачем лжешь?

Отвернулся медведь Лаврентий. Говорит, а голос глухой, печальный, будто и не медвежий вовсе:

— Не в том углу сидишь, Спиридон, не те песни поешь. Не говорил я о тебе такое. Это ты вон ходишь по роще, смеешься надо мной, что лопух я, медом тебя в дело и не в дело кормлю.

— Что ты, поклеп, небывальщина это, — затоптался медведь Спиридон, — чтобы я да о тебе говорил такое!

И тут поняли медведи, что обманул их Филька, поссорить задумал, а им и невдогад. В душу вполз, как змея запазушная.

Что ж, жаль кулака, да надо бить дурака, а то неуче-

ным жизнь проживет, петлять будет. Пришли медведи в берлогу к Спиридону, подняли потихоньку матрац с Филькой, отнесли к речке и опустили на воду.

Сказали:

— Лаком ты, милый, к меду, да попей-ка воду. Плыви, крапивное семя, из нашей рощи.

И пошли к медведю Лаврентию спать.

Проснулся Филька перед утром. Лежит в заревом затишье, нежится, глаз не открывает, думает: «Позавтракаю сейчас у Спиридона, а обедать к Лаврентию пойду. Так и буду кормиться возле них, медок посасывать. С умом жить — в достатке быть. Врать — не мякину жевать, не подавишься».

И слышит он тут — булькает у него под матрацем что-то. Ощупался со всех сторон, а под него уж и вода подсочилась. Вскочил, смотрит: плывет он на медвежьем матраце по речке, несет его речка мимо поемистых берегов неизвестно куда, а на заревой воде рыба взыгрывает.

Перепугался барсук, побурел от страха: до одного берега далеко, а до другого еще дальше — по самой середине правит.

— Караул! — кричит. — Тону! Помогите!

Подхватило его крик эхо, понесло по роще и по тальникам поречным. Услышал его медведь Спиридон, сказал своему соседу медведю Лаврентию:

— Слышь, Лаврентий, как вопит голосисто? Проснулся, значит, семя крапивное.

— Пусть повопит, может, урок этот ему на пользу пойдет, а то ишь — кривью жить вздумал, — ответил медведь Лаврентий, переваливаясь на другой бок, и захрапел снова: ночью-то недоспал.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Жил на кургане Хомяк. Рядом с ним на том кургане жил Суслик. И был у Суслика кусочек зеркальца. Суслик целыми днями сидел с ним у своего домика на крылечке и показывал Хомяку солнечного зайчика. Говорил:

— У нас с тобой, сосед, на двоих одно солнышко и один солнечный зайчик.

Хомяку было обидно, что у него нет зеркальца и нет своего солнечного зайчика. И однажды, когда Суслика не случилось дома, Хомяк забрался к нему и унес зеркальце. Завернул его в тряпочку, спрятал к себе под подушку и сказал:

— Зеркальце теперь мое и солнечный зайчик тоже мой. Теперь я его буду показывать Суслику.

Всю ночь ему снилось, будто сидит он у своего домика на крылечке и ловит в зеркальце солнышко. Просыпаясь, он говорил:

— Завтра будет так, как снится сегодня.

Утром он достал из-под подушки зеркальце и хотел было бежать с ним на улицу, но остановился. Нельзя ему показываться с ним на кургане. Увидит Суслик и скажет:

— Так это ты украл мое зеркальце?

И Хомяку будет стыдно. И потому завернул Хомяк поскорее зеркальце опять в тряпочку и сунул под подушку. Весь день сидел он скучный на крылечке своего домика, а Суслик скучал у себя на крылечке. И говорил грустному Хомяку грустный Суслик:

— У нас с тобой, сосед, одно в небе на двоих солнышко и нет ни одного солнечного зайчика, потому что кто-то украл у меня зеркальце.

Так было и на другой день, и на третий, и много-много дней. Тосковал о солнечном зайчике Суслик, тосковал о солнечном зайчике и Хомяк. И однажды не вытерпел, достал зеркальце и отнес Суслику, когда его не было дома.

Утром прибежал к нему Суслик и забарабанил в окошко:

— Идем скорее! Я нашел свое зеркальце, и сейчас у нас с тобой опять будет солнечный зайчик.

И все опять стало хорошо. По целым дням они сидят каждый возле своего домика и окликаются. Суслик ловит в зеркальце солнышко и говорит Хомяку:

— У нас с тобой, сосед, на двоих одно солнышко в небе и на двоих один солнечный зайчик.

А Хомяк говорит Суслику:

— Что ж, пусть лучше будет один зайчик на двоих, чем ни у тебя, ни у меня не будет.

Вот только не знает Суслик, зачем он так говорит.

САМОЕ ГОРЬКОЕ

Шел Волк из деревни и нес на плече барана, а Лиса высунулась из окошка, машет лапкой:

— Во-olk, что мимо идешь? Сверни на минутку. Чай ты устал. Посиди на завалинке.

«Ох, — думает Волк, — и хитра Лиса. Баранинки моей отведасть захотела, оттого и зовет посидеть на завалинке. Но и я не дурак, чтобы делиться с нею бараном моим. Я за ним вон куда ходил, в меня даже стреляли два раза. На завалинке я у нее, конечно, посижу, но до барана моего даже дотронуться не позволю: я баловству не потворщик. И все-таки

интересно будет посмотреть, как она меня объегоривать будет, какие вокруг меня петли выплестать начнет».

Так Волк подумал, а вслух сказал:

— Отдохнуть можно. Я и впрямь притомился. Путь не близкий, да и ноша не из легких.

И свернул к Лисьей избушке. Положил барана во всю длину на заваulinke: пусть поглядит Лиса, позавидует, губами почмокает. Сел и пот со лба допухом вытирает и по нечаянности по губам провел, поморщился:

— Фу, горький какой.

А Лиса так и встрепенулась вся:

— Это допух-то горький? О, тогда ты, милый, не знаешь, что такое настоящая горечь. Эхе-хе, до таких лет дожить и не знать.

Любопытно стало Волку.

— А что? — спрашивает.

— Ишь ты, — сказала Лиса, — как ты легко узнать хочешь, что в жизни самое горькое. Ты пошевели мозгами, догадайся.

И приложил Волк лапу ко лбу, погрузил себя в думу глубокую. Долго сидел, шевелил мозгами, догадался:

— Кора осиновая!

— Правильно, — сказала Лиса. — Ох и горькая кора осиновая. Я один раз попробовала и три дня плевалась, зато уж навсегда решила: эта еда не для меня. Но не это в жизни самое горькое.

— Что же тогда?

— Эко ты, какой ушлый, — сказала Лиса. — Как ты легко узнать хочешь, что в жизни самое горькое. Ты пошевели мозгами, догадайся.

И опять приложил Волк лапу ко лбу, погрузил себя в думу глубокую. Долго сидел так, шевелил мозгами. Догадался:

— Перец красный!

— Правильно, — сказала Лиса. — Горек перец красный. Я один раз попробовала и три дня косоротилась, зато уж навсегда решила: пусть его другие едят. Но не это в жизни самое горькое.

— Что же тогда?

— Ишь ты, ловкий какой. Как ты легко узнать хочешь, что в жизни самое горькое. Ты пошевели мозгами, догадайся.

И приложил Волк опять лапу ко лбу, погрузил себя в самую глубокую думу. Долго сидел, шевелил мозгами, но так ни до чего и не додумался. Попросил:

— Скажи сама!

И сказала Лиса:

— Самое горькое в жизни — это попросить у тебя баранинки.

— Это почему же?

— Попросишь, а ты не дашь. Вот это и будет настоящая горечь.

— А вот и неправда твоя, — сказал Волк и отодрал заднюю баранью ногу, подал Лисе в окошко. — Нет, попросить у меня баранины — не самое горькое.

— Верно, — согласилась Лиса. — Теперь вижу: ошиблась я. Правильно ты говорил: перец в жизни — самое горькое. Но ведь ошибиться всякий может, и я тоже.

— То-то, говорил я тебе. В другой раз не спорь со мной, — сказал Волк и взвалил на плечо барана, понес домой.

И когда уже влезал в свое волчье логово, вдруг вспомнил, что он не хотел даже позволить Лисе дотронуться до своего барана, а тут, нате-ка пожалуйста, сам, как букет цветов, протянул ей в окошко самую лучшую заднюю баранью ногу.

— Нет, — сказал Волк, — самое горькое в жизни — это когда пообедают тебя вокруг пальца, а ты догадаешься об этом уже только дома.

И ЗАЯЦ БЫЛ НА ИМЕНИНАХ

Справлял медведь Спиридон свой день рождения. Все звери к нему в гости собрались. Заяц тоже пришел. Пораньше из дому вышел, первым пришел.

«Ну что ж, — думает. — Первому мне и место за столом первое. Будут все приходить и видеть: сидит кто? Медведь. А дальше кто? Я, Заяц, и ко мне, к Заяцу, отношение будет особое».

Сидит он так, хорошо о себе думает и слышит — чух, чух, чух! — Лиса пришла, очищается, в порядок себя приводит. Вошла и с порога:

— Здравствуй, Спиридон. С днем рождения тебя... Ну-ка подвинься, косой, я с именинничком-то рядом посижу.

И продвинула Заяца на второе место.

«Ну и что? — думает Заяц. — Второе место за таким огромным столом очень хорошее место. Будут все приходить и видеть: сидит кто? Медведь. А дальше кто? А, Лиса какая-то. А да-а-альше кто? Я, Заяц, и ко мне, к Заяцу, отношение будет особое».

Сидит он так, хорошо о себе думает и слышит: чух, чух, чух! — Барсук пришел, тоже очищается, в порядок себя приводит. Вошел и к Медведю:

— Здорово, Спиридон. Что, еще один год прожил? Ну что ж, так год за годом и доживешь до конца своей жизни... Ну-ка, подвинься, рыжая, я с именинничком-то рядом посижу.

И двинул Лису плечом, а вместе с ней и Заяц продвинулся. Сидит он и думает:

«Ну и что? Третье место за таким огромным столом очень хорошее место. Будут все приходить и видеть: сидит кто? Медведь. А дальше кто? А, Барсук какой-то. А дальше кто? А, Лиса какая-то. А да-а-льше кто? Я, Заяц, и ко мне, к Зайцу, отношение будет особое».

Сидит он так, хорошо о себе думает и слышит — чух, чух, чух! — Волк пришел, очищается, тоже в порядок себя приводит. Вошел и с порога:

— Здорово, Спиридон!.. Как-то так получается, что ни ты ко мне, ни я к тебе в будни в гости не ходим... Ну-ка подвинься, Барсук, я с именинником-то рядом посижу.

И как двинул Барсука плечом, так все и поехали по лавке. Вместе со всеми и Заяц поехал. Потом еще приходили звери и еще. И все двигали и двигали Зайца. И вот уж удвигали его, ему и места за столом не оказалось, да и со стола все порасхватили, взять ему нечего.

А звери поели, поплясали, домой пошли. Вместе со всеми пошел и Заяц. Идет, есть ему хочется, а он поднял с земли соломинку и ковыряет в зубах: пусть хоть другие думают, что он тоже был у Медведя на именинах и отведал медвежье угощение.

ГОРДЫЙ ПЕТУХ

Жил во дворе у бабушки Танахи Петух. Так себе петушок — маленький, слабенький. Да бабушке лучшего и не надо было: кукарекает и ладно. Зато Петух с этим мириться никак не хотел.

— Не может быть, чтобы я был самым слабым петухом во всей деревне. Есть на чем-нибудь дворе петух и послабее меня, — говорил он.

И шел с деревенскими петухами силой меряться. Бывало, так намеряется, что еле домой бредет, но голову высоко держит.

— Ничего, — говорит, — завтра к петуху дедушки Назара схожу. Еще с ним не дрался, — пылкого нрава был Петух.

Так из двора во двор по всей деревне прошел и везде бит был. Но гордыни в нем от этого ничуть не убывало. При-

шел домой с последней битвы, присел у забора, чуть дышит, а все-таки говорит:

— Это еще не все. Вокруг вон сколько деревень разных. Запоют на заре, только слушай, и я знаю: есть где-нибудь в этих деревнях петух послабее меня. Его только найти надо и показать всем.

На другое же утро отправился Петух бабушки Танахи на Белое Озеро — с белоозерскими петухами силой меряться. В полдень прибежала оттуда Хохлатка к курам бабушки Танахи и закричала:

— Ой, бегите скорее! Там вашему Петуху наши так дали, что он даже идти не может. Лежит под кустом бузины и крылышками подергивает. Совсем почти мертвый.

Побежали куры, смотрят и не узнают своего Петуха: весь-то он исклеван, весь искровавлен. Подхватили они его под крылышки, поставили на ноги, повели.

Идет Петух, шатается, выпячивает узенькую грудь, кукарекает:

— Неужели я самый последний по всей округе? Не хочу быть последним. Пусть не первый я, пусть не второй, но и не последний.

И оглядывается в сторону Белого Озера, всхлипывает:

— На этот раз ваша взяла, но я вот отлежусь немного и еще раз наведаюсь к вам. И к романовским петухам схожу, вот увидите. Живет он где-то, петух послабее меня. Его нужно только найти и показать всем.

Дома уложили его куры на мягкую постель, кудахтали над ним:

— Не ходи больше к ним, Петя, добьют они тебя. Они вон громалы какие, смотреть даже страшно. Кроха ты перед ними.

Моргал Петух подбитым глазом, хорохорился:

— Это я только ростом не взял, а духу во мне столько, что его на всех петухов хватить может. Отлежусь и пойду. Не может быть, чтобы я был самым последним петухом во всей округе. Да что я, счастьем обойденный, что ли!

И отвернулся к стене. А как только почувствовал, что может снова на ногах стоять, поднялся и пошел в Романовку. Вечером принесли его оттуда романовские петухи и подкинули в подворотню.

— Заберите Петуха вашего. Дышит еще...

И пришлось Петуху бабушки Танахи опять отлеживаться. Ничего, отлежался. Поднялся на ноги и говорит:

— Пойду я. Земля большая. Много на ней петухов живет всяких. И есть где-нибудь среди них петух и послабее меня. Его нужно только найти и показать всем. Вернусь, когда найду, до этого не ждите.

Простился с курами и пошел. Долго они шли за ним, ку-дахтали, просили не ходить, но он так и не вернулся. И где он теперь, никто не знает. Может, все еще идет ищет, а может, сложил уже у околицы какого-нибудь села гордую голову, и степные ветры спели над ним одну из своих печальных песен.

КАК ПРОХОЖИЙ ДРУГОМ СТАЛ

Ходил Суслик на поле за колосками. Устал. Чуть плетется домой. Увидел домик Хомяка. «Дай, — думает, — посижу возле него на камушке, отдохну».

— Разреши, Хомяк, посидеть на твоём камушке. Устал я.

— Посиди, — сказал Хомяк.

Сидел Суслик, отдыхал, говорил, что нынешнее лето не то, что прошлое: в прошлом году хлеба вызябли, и травы было мало, а нынешнее лето и травное, и хлебное.

— Рожь, вишь, какая умолотистая, не успевают машины от комбайнов отъезжать, — говорил Суслик, а Хомяк глядел на него и думал — прохожий.

Посидели они так, поговорили и разошлись.

Дня через два опять случилось Суслику мимо домика Хомяка идти. И опять он притомился, отдохнуть ему захотелось. Остановился он, попросил:

— Разреши, Хомяк, посидеть на твоём камушке. Устал я.

— Посиди, — разрешил Хомяк и добавил: — Припаривает сегодня, к дождю, знать.

Сидел Суслик, отдыхал, говорил, что он дождя не боится, что он уже три отнорка зерном засыпал, что ему теперь не только дожди, и зима не страшна. Радовался, что у него во всем удача, а Хомяк глядел на него и думал — знакомый.

Дня через два опять случилось Суслику мимо домика Хомяка идти. Увидел его Хомяк, окликнул:

— Что мимо идешь? Сверни на минутку.

— Да я не устал сегодня, — отвечает Суслик, — не несу ничего. Так просто прогуливаюсь по полю.

— А ты просто так сверни. Посидим, словечком-другим перекинемся. О себе расскажи. Где живешь, есть ли дети?

Сидел Суслик на камушке возле Хомяка, рассказывал ему о себе, что и жена ему попалась хорошая, согласно живут они с ней, и дети растут не больно баловливые, нельзя жаловаться. Рассказывал Суслик о себе, а Хомяк глядел на него и думал: «Приятель, скрасил мне денек беседой своей».

Посидели они так, поговорили и разошлись.

С неделю после этого не видел Хомяк Суслика. До этого столько не видел и — ничего, а тут неделю не показывался Суслик и затосковал Хомяк. И все как-то иным стало: вроде и месяц по ночам не светит, и роса не ложится.

Сказал жене:

— Что-то Суслика давно не видно. Уж не заболел ли он? Пойду проведаю.

Вышел ко двору, а Суслик — вот он, сам к нему бежит.

— Что пропадал долго? — спросил его Хомяк.

— Да жена прихворнула, — ответил Суслик, — ухаживал за нею.

— Ну и как?

— Да теперь ничего. На поправку пошла. Сегодня даже на постели посидела.

— Вот и хорошо, — сказал Хомяк. — Пусть ветры унесут кручину твою и пусть смотрит опять солнышко в окошко к тебе.

Сидел Суслик на камушке, рассказывал Хомяку о жене своей, а Хомяк глядел на него и думал: «Друг, возле него сердце теплеет и ему возле меня тепло».

Раньше они не знали друг друга, а теперь их часто видят вместе, и от Суслика к домику Хомяка проторена дорожка.

БРАНИТ ЛИСА МЕДВЕДЯ

Навадился медведь Тяжелая Лапа к Лисе в гости ходить. Не успеет через порог перенести себя, а уж спрашивает:

— Чем ты меня, Лисонька, сегодня потчевать будешь?

Так и хочется Лисе крикнуть: «Колом по башке!»

Совсем медведь одолел ее. Но как крикнешь? Он, медведь-то Тяжелая Лапа скуп на слова, зато щедр на затрецины. Кто от него в роще только не плакивал! Он такое сотворить может, что и голоса навсегда лишишься.

Крепилась Лиса, хоть и надоело ей кормить медведя, крепилась. И вот как-то поймала она куропатку в роще, ошипала ее, ожарила, только есть собралась, а медведь лезет через порог, несет свою особу.

— Здравствуй, Лисонька. Что смотришь-то на меня? Я это, я.

Сообщил и по-хозяйски за стол вдвинулся. Смахнул на пол крошки со столешницы, прогудел:

— Ну, чем ты меня сегодня потчевать будешь? Готов я.

«Ну, — думает Лиса, — была не была, а сейчас я тебя, мохнач, ожгу словом огненным. Все выскажу, все. Больше терпеть не буду. Хватит тебе объедать меня».

И сказала:

— Бессрамный ты, ни стыда в тебе, ни совести. За космы бы тебя да мордой в стол, чтобы аж чашки зазвенели.

И поднялся медведь Тяжелая Лапа во весь рост, грохнул могучим голосищем:

— Что-о?!

У Лисы и сердце сразу в пятки ушло, маленькой она себя почувствовала. Совсем иным голосом запела:

— Совесть, говорю, у тебя нет. Не мог ты разве, бесстыдник, раньше прийти? Уж я ждала тебя, ждала, все окошки проглядела. Куропатку вон ожарила, вишь румяная какая. Боялась — не остыла бы.

— А, тогда другое дело, — опустил медведь на лавку и куропатку к себе придвинул.

Наклонился над нею, носом водит, приглядывается, с какого конца есть ее. Жалко Лисе куропатку стало. «Ну, — думает, — сейчас уж я тебе все скажу, косолапый. Пора тебя отучить от моего дома, дармоед ноздрястый».

И сказала:

— И все же ни стыда в тебе, ни совести. Что ты на мою куропатку глаза палишь, что носом над нею водишь, беспутный?

— Что-о? — забасил медведь и с лавки приподниматься начал.

И опять у Лисы сердце в пятки ушло. Совсем она иным голосом заговорила:

— Бессовестный, говорю, что ты на такую аппетитную куропатку смотришь? Ее поскорее есть надо.

— А, ну тогда другое дело, — прогудел медведь и в два жевка съел куропатку.

Поднялся из-за стола, пошел к порогу.

«Ну, — думает Лиса, — уж сейчас я тебе, объедало, все скажу. Оставил меня голодать в выходной день».

И сказала:

— Не приходи ко мне больше, окаянный. Замаял ты меня до слезы в глазу.

— Что-о?! — повернулся медведь.

И сразу понежнела Лиса, помела хвостом:

— Не приходи, говорю, ко мне больше поздно так. Уж я всегда жду, жду. Измечусь по окошкам, а тебя все нет и нет.

— А, это другое дело, а то уж я подумал... — прогудел медведь и головой покачал. — Ох и язык у тебя, у бевсовки! Так и колетса, острый такой. Ну уж ладно, так и быть, я завтра пораньше приду.

И пришел. Только Лиса гуся поджарила, а медведь лезет через порог, кряхтит:

— Здравствуй, Лисонька, это опять я. Ну, чем ты меня, хорошая, сегодня угощать будешь?

Лиса даже покраснела вся от гнева:

— Раскаткой по башке! — кричит.

— Что-о?! — возвысился над нею медведь.

И простонала Лиса:

— Раскаткой по башке, говорю, угостила бы тебя, если бы не люб ты был мне, а то вон гуся приготовила, укропом его присыпала. Что у порога стоишь, отаптываешься? В красный угол проходи. Я дорогих гостей в красном углу встречаю с полотенцем через плечо.

— А, — прогудел медведь Тяжелая Лапа и за стол вдвинулся. — А мне уж подумалось... Ну да ладно. Где твой гусь-то?.. У, мясистый какой. И пахнет вкусно, на всю избу. Волоки его сюда скорее.

РАДОСТЬ ШАКАЛА

Жадным рос Шакал, жадным вырос, большой эконо́м был. Все греб к себе, прятал. Жену учитывал во всем, попрекал: то долго спит она, нерадивая, постель мнет, то ест много, ломтищами огромными — сразу за двоих.

— Мне и надо много, — оправдывалась жена. — Сын у меня грудничок. Не поем я как следует, и молока у меня не будет кормить его.

— Будет, — говорит Шакал, — ты в теле. Поела немного и ладно. Лишняя еда баловством зовется и не в пользу идет, в разор вводит. Так-то.

Исхудала его жена, кожа да кости остались, пока сына на ноги поставила. Идет, бывало, и ветром ее качает. А Шакал все меньше и меньше еды ей давал.

Не вытерпела она однажды, заплакала:

— Слабею я, — говорит, — хожу еле. У меня ведь круглый год говенье, до костей изговелась. Плачу.

— Ничего, слезы, что слюнки: потекут да обсохнут, — сказал Шакал и успокоил жену: — Скоро сына отдадим, одним ртом у нас меньше станет, наешься тогда. И опять войдешь в тело. Потерпи, я-то терплю. Съел крупицу, похлебал водицы и сыт. Больше терпела, немного уж потерпи.

И терпела она. Из последних сил тянулась. Вырос сын. Стал Шакал к свадьбе готовиться. Как представил, сколько нужно всего, и голову от жадности потерял. Сам высох и жену высушил. Только и слышно было, как он покрикивает на нее да попрекает:

— И что ты все жуешь и жуешь, расточительница. Я от

тебя помощи жду, а от тебя дождешься ее, как от вора добра. И как в тебе столько еды помещается?

— Да ведь изголодалась я, — начнет она, бывало, жаловаться, а он цыкнет на нее, зубами для остротки прищелкнет:

— Мне разве не хочется? Да я креплюсь. Соберутся гости, чем я их угощать буду? Ты об этом подумала? Конечно, тебе зачем думать? С тебя спрос маленький: не ты, я хозяйин, обо мне и говорить потом будут — не угостил. Не радешь ты о чести семьи нашей. А я и по ночам не сплю, все ворочаюсь, и во сне-то думаю — сэкономить бы что, для свадьбы побережь.

А за неделю до свадьбы сказал жене:

— Ну, жена, отделим в воскресенье сына, и конец нашим мукам. Только ты уж эту неделю поднапрягись, не ешь совсем, поэкономить нужно немножко. В воскресенье за все сразу и наедемся, поблинничаем. Родительница ты своему сыну, понимать должна.

А жена его уж так обессиленна, что и слова сказать не может, только глядит на него и даже глазами не моргает — сил нет.

В хлопотах пролетела неделя. Собрались в воскресенье к Шакалу гости. Усадил он их за стол, раздал всем ложки. К жене повернулся:

— А тебе, жена, и ложки не хватило. Ну да ладно, ты ведь хозяйка, тебе и так приятно за общим столом посидеть — твой сын женится.

Смотрит, а ее и нет за столом.

— Где это она? — забеспокоился Шакал: Уж не в кладовой ли, не запасы ли мои поедает, бесстыжая!

А запасов у него разных столько было, что и за три зимы не поест. Кинулся он к ним — целы они, только плесенью покрылись, прозеленели.

Запасы целы, а жены нет возле них. Шакал в спальню — наверное, спит-лежит, постель мнет, нерадивая. Уж она такая у него. У нее будто дыра в горсти: что ни возьмет, все вытекает.

И точно: в спальне была жена его. Только не живая уже, мертвая. Всю жизнь в голоде жила и на свадьбе сына не пришлось досыта наесться — не дотянула.

Всплеснул Шакал лапами:

— Горе-то какое!..

Но тут же просиял весь радостью:

— Хорошо, — говорит, — что она сегодня умерла: заодно уж вместе со свадьбой и поминки справлю. Дважды не расходоваться.

И пошел к гостям радостный.

ХОДИЛ ЕЖИК В СТРАНУ ЗАМОРСКУЮ

Никогда не случалось Ежику в заморских странах бывать, но от перелетных птиц много он о них всякого слышал и любил говорить при случае:

— У нас что, вот в стране заморской...

И начинал рассказывать. И выходило по его рассказу, что в заморских странах и леса выше, чем у нас, и птицы в них поют звонче, и вода в родниках ядренее. Пьешь и зубы скрипят.

— Одно слово — заморские страны. В них все заморское, не наше. Все хоть немножко, да получше, чем у нас, — говорил Ежик.

И мечтал, не пряча тоски своей:

— Эх, побывать бы хоть в одной какой-нибудь стране заморской! Ну почему я не птица? Вамахнул бы крыльями и полетел.

— В заморскую страну не только на крыльях, и пешком попасть можно, — сказал Хомяк. — Я уж сколько раз там бывал.

— Ну и как там? — заблестел Ежик маленькими глазами.

— Все так, как ты говоришь: и выше, и звонче, и ядренее.

— Послушай, своди меня в страну заморскую, я, знаешь, как тогда рассказывать буду! Иссох я в мечтах о ней.

— Сводить можно, — сказал Хомяк, — да только идти туда с завязанными глазами надо.

— Зачем это?

— Потому что пеший путь в заморскую страну только я знаю. А это моя тайна.

— Ну коли так, — сказал Ежик, — завязывай мне глаза.

И выдвинул вперед остренькую мордочку, решился.

Целую неделю водил его Хомяк с завязанными глазами по родному лесу, а потом привел его на ту же поляну, с которой ушли они, и снял с его глаз повязку.

— Вот, — говорит, — перед тобой и страна заморская. Смотри досыта.

Смотрит Ежик — вот это да, куда попал он! Деревья вокруг вершинами кверху стоят и все луной облитые. А травы густые и дымятся росой белодымной. Из-за куста синичка-пухлячок свисточек подает. Вот это роща! В такой жить никогда не надоест.

Воздух Ежик понюхал, и сердце его радостью взыграло.

— Чистый какой! У нас вроде и такой, а совсем не такой: нет в нашем воздухе запахов этих тонких заморских. А звезды какие яркие! Частые, все небо словно блестками

утыкано. Что значит страна заморская: звезды в ней и то другие. Благоговею, благоговею!

Всю ночь ходил Ежик по родной роще и все удивлялся ей, ахал:

— Красотища какая! — И все повторял: — Благоговею! Благоговею!

А когда взошло, выпуталось из-за деревьев солнце, совсем голову потерял. Кричит Хомяку суматошливо:

— Смотри, смотри, какое солнце в заморской стране круглое. И какое большое! Наше рядом с ним, что горошина рядом с арбузом. А сосны как вытянулись! У нас хоть бы одна такая стройная была, посмотреть не на что. Благоговею!

Родничок увидел, водички из него похлебал и опять заахал:

— А родничок-то ишь как под солнцем бликует. И совсем как наш, очень похож, а вода (куда нашей до нее, сквозистая какая, дно видать) — сама сласть! Весь день можно пить и все пить будет хотеться. И голубь, слышь, в чаще, совсем не по-нашему курлычет. Что значит страна заморская, голуби в ней и те на ином языке изъясняются. На всю жизнь теперь рассказывать хватит. А ты что же не удивляешься?

— Чему же удивляться? — сказал Хомяк. — Я это каждый день вижу.

— Ну?! Счастливый ты какой. А можно мне здесь... навсегда остаться? Больно хорошо здесь, самое место для жизни.

— Оставайся, — разрешил Хомяк, — полезай вон под тот куст боярышника и живи.

Глянул Ежик, куда Хомяк показывал, и лапками всплеснул:

— Смотри ты, совсем как мой куст, под которым я в нашей роще живу. И паук вон так же ловушки нанитил. Да, вроде и такой же куст, а совсем не такой. На этом и листьев больше, и пораскидистее он моего, больше тени дает. Эх! Даже боярышники в заморской стране не такие, как у нас — побоярышестее... А-а-а, а ты откуда тут взялась? — это Ежик, заикаясь от неожиданности, у жены спросил, которая вдруг выкатилась серым комышком из-за куста. А она, как увидела его, так и подкатилась к нему счастливая:

— Вернулся! Пропавший, у меня уж и сердце по тебе изболело. Думала, пропал ты, ведь целую неделю дома не был. Ты, поди, есть хочешь? Ишь нос как вытянулся, заострился как.

И только тут понял Ежик, что посмеялся Хомяк над

ним. И помутилось все перед глазами его, все сразу померкло, ушла благодать. Ничего не сказал ему. И жене не сказал ничего. Только ссутулился вдруг и ушел к себе в домик. И после этого никто никогда больше не слышал от Ежика ничего о заморских странах.

ОСИНА БОБРА СЕРЕГИ

Задумали бобры перегородить речку плотиной и пошли в рощу осинки валить. Бобер Серега со всеми вместе пошел. Выбрал самую толстую осину и стал подрезать ее.

Поглядел на него товарищ, посоветовал:

— Потоньше выбери. С этой тебе не справиться.

— Много ты смыслишь, — отмахнулся от него бобер Серега и знай себе сидит возле осины, подрезает ее.

Решил он принести самую большую, чтобы лежала она в плотине самая заметная и чтобы все говорили о ней:

— Это осина бобра Сереги.

Отнесли бобры к речке по одной осинке, еще пришли, а Серега все сидит, подрезает свою.

Отнесли бобры еще по осинке и еще пришли, а Серега все сидит, потеет возле своей, все еще никак повалить ее не может. Думает о товарищах:

«Пусть носят. Осинки у них тоненькие, смешаются в плотине и не отличишь потом, где чья. А моя осина видная, ее ни с чьей не спутаешь. Она вон какая».

Долго резал бобер Серега свою осину. Подрезал-таки, повалил. Очистил от сучьев, потащил к речке... да не тут-то было: дернул, а осина ни с места. Дернул еще — ни на шаг не продвинулся. Толчется возле нее бобер Серега, пыхтит. И за тонкий конец потянет, и за толстый — все с тем же успехом. Лапы ободрал, грудь оцарапал — не тащится осина да и только, лежит во всю длину.

А товарищи его все носят и носят к речке осинки. Нанесли сколько надо было, и построили плотину. Ходит по ней бобер Серега, говорит:

— Ну вот, все осинки одинаковые. Отгадай, где чья. А вот если бы я свою принес, она бы сразу всем в глаза бросалась, потому что вон огромная какая.

Но осина его и сейчас у всех на виду. Где повалил ее бобер Серега, там она и лежит. И когда случается бобрам проходить мимо нее, говорят они с улыбкой:

— Это осина бобра Сереги.

У всех она на виду лежит, самая заметная. Но бобра Серегу это почему-то не радует.

Было это давно, еще в ту пору, когда появились на земле первые птицы. Собрались они однажды вместе и стали совет держать: кому и где жить. Кулик тоже прилетел. Бегаёт вокруг, крыльями взмахивает:

— Ах, только бы не ошибиться, промашку не дать.

Уговор был: кто какое место выберет, то уж навсегда. Вот и боялся Кулик, как бы не обмануться, не обидеть себя. На всех глядел с подозрением. Уверен был: все только для того и собрались вместе, чтобы его, Кулика, обойти похитрее.

Увидел Кулик: за лугом широко отсвечивает что-то, закричал поскорее:

— Я поселюсь вон у того, поблескивающего.

Стали отговаривать его птицы:

— Что ты, это же болото. Выбери себе что-нибудь почище: озеро или рощу какую.

Но чем сильнее отговаривали Кулика птицы, тем больше казалось ему, что хитрят они, сообщая обьегоривают его.

— Знаю я вас, — кричит. — Сами хотите там поселиться, вот и отговариваете. Не выйдет. Я вас, мошенников, насквозь вижу и даже дальше. Вам не провести меня. Я первый выбрал это место, мне и жить там.

Поспорили с ним птицы, поспорили и отступились:

— Селись, — говорят, — шут с тобой. Куликай там до скончания века, раз ты темный такой — товарищам не веришь.

Полетел Кулик. Летит, поварчивает:

— Хитрецы! Обмануть меня метили. Но я не дураком родился, на то у меня и голова большая на плечах, чтобы в обиду себя не давать.

Прилетает он к тому месту, что издали так заманчиво поблескивало, смотрит, а это и впрямь болото, тусклое, загнившее. Тиной от него тянет. Видит Кулик — нехорошее место выбрал. Да делать нечего: решенного не перерешить. Сел у болота и давай нахваливать его во всю ширь своей большой головы:

— Чудо болото! Мечта, а не болото. Всю жизнь можно искать и болотистее не найти... Ишь как пузырится, будто живое! Дышит будто.

Свил себе Кулик гнездо у берега, женился и стал жить в нем семейно. Так до сих пор и живет у своего болота. И надоело оно ему — жуть как, но виду Кулик не подает. Правда, забудется иногда, повесит голову и сидит, грустный, серый. И мысли у него в это время грустные, серые: ошибся он тогда при дележке, не то место для жизни выбрал,

правильно тогда говорили товарищи — выбери что-нибудь другое! Не послушался.

Сидит так Кулик, печалится, но чуть завидит кого, тут же встрепенется и давай кричать:

— Ах, какое болото! До чего расчудесное у меня болото — самое разболотное из всех болот.

Пусть хоть другие думают, что ему хорошо, что ему счастливо.

БАХТА

Это только теперь земля наша старенькой стала, морщинами оврагов покрылась, взбугрилась вершинами гор, а когда-то она была молодой и все на ней только-только рождалось. Родилось однажды и первое Озеро. Лежало оно в своих молоденьких берегах и думало. И думы его были светлыми, чистыми, молодыми, как отраженное в нем небо.

Думало Озеро: вот придут к нему травы, поселятся на его берегах птицы и будет возле него и зелено и весело. И когда пришли и встали у его берега три цветка, три друга — Трилистник, Белокрыльник и Сабельник, — сказало:

— Вам здесь хорошо будет: я буду досыта поить вас водой.

— Смотрите, какое приветливое озеро, — сказал товарищам Трилистник. И предложил: — Давайте сделаем для него что-нибудь такое, чем оно могло бы гордиться.

Сабельник подумал и сказал:

— Давайте украсим его берега такими цветами, каких еще никогда на земле не было.

И весной поднял он над собой темно-красные цветы из пяти лепестков. Не цветы — звезды огненные.

Колыхнулось Озеро, плеснуло в берег волной:

— Вот это да!

И Трилистник с Белокрыльником подтвердили:

— Что да, то да!

А Белокрыльник даже добавил при этом:

— Лучше, чем у Сабельника, мне цветов не создать, поэтому я придумаю какие-нибудь необыкновенные ягоды.

Он думал всю весну, а к середине лета поднял над собой гроздь красных ягод. Таких ягод больше ни у кого в округе не было, и они были далеко видны.

Колыхнулось Озеро, плеснуло в берег волной:

— Вот это да!

И Сабельник с Трилистником подтвердили:

— Что да, то да!

А Трилистник даже добавил при этом:

— Никогда мне не создать ни лучших, чем у Сабельника, цветов, ни лучших, чем у Белокрыльника, ягод. Поэтому я придумаю для Озера что-нибудь другое.

Он думал все лето, а когда пришло время рассеивать семена, воскликнул:

— Я рассею семена по Озеру. Они прорастут, и Озеро станет зеленым.

Так он и сделал: засеял Озеро своими семенами. На следующую осень он опять засеял его, и так засеял его год за годом и засеял от берега до берега. И от берега до берега Озеро стало зеленым. Колыхнулось оно, плеснуло в берег волной:

— Вот это да!

И Сабельник с Белокрыльником подтвердили:

— Что да, то да!

А Белокрыльник даже добавил при этом:

— Ты здорово придумал, Трилистник: сделать Озеро зеленым. Но надо его сделать еще зеленее. Мы поможем тебе с Сабельником.

И они тоже стали засеивать Озеро своими семенами. Они прошли по нему от берега до берега, а следом за ними проползли мхи и укрыли Озеро толстой зеленой кошкой. И не стало на земле Озера, превратилось оно в болото, и начали тонуть в нем звери. Увидел это Трилистник и понял: вместо радости беду принес он Озеру. Сказал товарищам:

— Ошиблись мы немного. Не надо нам было на воду спускаться. Надо было у берега расти. Идемте к берегу.

Но Сабельник с Белокрыльником только посмеялись над ним:

— Чудак ты чудак! Ты же замечательно придумал: сделать Озеро зеленым. Теперь оно зеленое, — сказали они и остались, где были.

И тогда Трилистник один пошел к берегу. Встал возле него и поднял над собой крупную кисть бело-розовых цветов. Закачал ею из стороны в сторону, предупреждая:

— Будьте осторожны: дальше — болото, гиблое место.

И звери перестали сворачивать к Озеру. Не поправилось это Сабельнику с Белокрыльником, и они перебрались жить на соседнее озеро и его превратили в болото. Но следом за ними пришел и встал у берега Трилистник. Поднял над собой, как фонарь, бело-розовую кисть цветов, и все опять слышали его голос:

— Будьте осторожны...

Ему верили и обходили болото стороной.

С той поры, когда случилось это, прошла не одна тысяча лет. Много озер превратили в болото Сабельник с Белокрыльником. И к берегу каждого из них пришел и встал Трили-

стник. В ненастье и вёдро, днем и ночью стоит он, как часовой, и предупреждает:

— Дальше — болото, будьте осторожны, гиблое место.

И за эту верную службу ему дали еще одно имя — Вахта. И теперь все на земле знают: туда, где стоит Вахта-Трилистник, идти нельзя — там болото.

МЕДВЕЖЬЯ БЕРЛОГА

Жил в лесу Медведь. Берлога у него была большая-пребольшая. Медведь был добрым, всех пускал к себе: летом — от дождя спрятаться, зимой — погреться. И каждый ему за это старался добром отплатить. Увидит, бывало, Волк — косяк у двери покосился, скажет:

— Подправить надо. Все дверью хлопаем. Одному Медведю за всем не углядеть.

Возьмет топор и подправит.

Увидит, бывало, Лиса — занавески на окнах запылились. Скажет:

— Постирать надо. Все содомим. Медведю одному не управиться.

Нальет в корыто воды и стирает.

Увидит, бывало, Заяц — намусорено в берлоге. Скажет:

— Подмести надо. Все сорим. Медведю одному не углядеть за чистотой.

Сбегает к оврагу, веник наломает, подметет. Чисто в берлоге, уютно. Хорошо всем.

И сказал как-то Медведь:

— Знаете, подарю-ка я вам эту берлогу. Живите. Я себе другую построю.

И подарил.

И все пошло по-другому. Увидит Волк — косяк у двери покосился. Скажет:

— Починить, что ли?

Но тут же подумает: «А почему это я чинить должен? И Барсук дверью хлопает. Пусть он и чинит». А Барсук на Енота смотрит, Енот — на Крота, и никто не чинит.

Увидит Лиса — занавески запылились на окнах. Скажет:

— Постирать, что ли?

Но тут же подумает: «А почему это я должна стирать их? И Куница пылит. Пусть она и стирает». А Куница смотрит на Белку, Белка — на Ласку, и никто не стирает.

Увидит Заяц — намусорено в берлоге, скажет:

— Подмести, что ли?

Но тут же подумает: «А почему это я должен мести?

Суслик тоже мусорит, пусть он и метет». А Суслик смотрит на Хомяка, Хомяк — на Байбака, и не метет никто.

И вскоре в берлоге столько мусора накопилось всякого, что ступить некуда. Углы заплесневели, стены покосились, потолок провис. Поглядел как-то Волк и сказал:

— Опасно жить в такой берлоге.

И другие согласились:

— Опасно.

И перестали ходить в берлогу. Летом кто где под дождем мокнет, зимой кто где от мороза хоронится. И к Медведю не идут — стыдно: он им берлогу свою подарил, а они ее не уберегли.

НЕПОХОЖИЕ ПРОХОЖИЕ

Упала на нору Енота осинка и прикрыла вход в нее. Енота дома не было. На охоте был Енот. Приходит он домой, смотрит — не войти ему внутрь. Всполошился:

— Как же быть мне? Мне снаружи стоять никак нельзя. У меня в норе — енотики. А уж день кончается. Мне кормить их надо.

Совсем было Енот духом упал, а потом смотрит — осинка-то тоненькая, тощенькая. В такой и тяжести, гляди, нет.

— Сейчас, — говорит, — вздохну поглубже, поднатужусь и отодвину ее в сторону.

Мимо Барсук бежал. Услышал его слова, приостановился:

— О чем это ты тут?

— Да вон осинка упала и вход в нору прикрыла. Я сперва было растерялся, голову повесил, а потом смотрю — ничего же страшного нет.

— Как нет! Это же осина, дерево, прелью не тронутое. Беда-то у тебя какая!

— Какая там беда, — усмехнулся Енот, — вздохну сейчас поглубже, поднатужусь и отодвину в сторону.

А Барсук зааикал:

— Ай, ай, быстрый ты какой! Нет, брат, выше ветра головы не носи. Осине-то, гляди, лет двадцать будет. А тебе сколько?

— Три года.

— То-то и оно — три года, а ты — вздохну. Двадцать лет и три года — разница. Слаб ты против нее: двадцать лет она тяжести набирала, а ты всего три года силы копил и — вздохну. Не захлебнись, гляди.

Осмотрел Енот себя — и впрямь слабоват он против осины. Вон она разлеглась как — во все стороны сучья

кинула. А Барсук похаживает вокруг, лапами всплескивает:
— Ай, ай, сучьев-то сколько! И каждый за землю держится. Не оторвать, ни за что не оторвать — у тебя же всего четыре лапы-то!

Смотрит Енот — и верно: всего четыре у него лапы-то, где ему с осинищей справиться. И повесил голову. А Барсук побегал еще немного, поайкал:

— Ай-ай-ай, беда-то какая!

И побежал дальше. А Енот у норы своей остался. Сидит, губами чмокает, вздыхает:

— Что же мне теперь делать? У меня же в норе — енотики.

Мимо Мышка бежала. Услышала его слова. Остановилась:

— О чем это ты?

— Да вон осинища на мою нору упала, вход закрыла, а у меня в норе енотики. Мне кормить их надо. Мне снаружи стоять никак нельзя.

Обежала Мышка осину вокруг, сказала:

— Ну и чего же ты сидишь? Носом клюешь, горишься. Бери и отодвигай ее в сторону.

— Отодвинь попробуй. Это же осина, дерево, прелью не тронутое.

Обежала Мышка опять осину вокруг, сказала:

— Да какая же это осина? Осинка-недоросток. Чего ты, глупый, на себя страх нагоняешь? Ты сытенький, не закормыш какой-нибудь. Переполошился. Бери и отодвигай в сторону.

Сказала так Мышка и словно бархоткой по сердцу провела — так Еноту славно стало. Но вспомнил он Барсука и опять голову повесил:

— Куда мне! Осине-то двадцать лет, а мне всего три года.

— Двадцать лет! Нашел чем пугать себя. Да она все эти двадцать лет на месте простояла, на ветру сохла, а ты три года по земле бегал, сил набирался. Ты посмотри на себя, какой ты крепыш. У тебя вон грудь круглая какая. И плечи покатые.

Осмотрел Енот себя — точно, круглая у него грудь и плечи покатые. Может, и впрямь попытаться? Но вспомнил Барсука, сказал:

— Да, у нее вон сучьев сколько. И каждый за землю держится. Сдвинь ее попробуй.

Обежала Мышка осину вокруг, сказала:

— Какие же это сучья? Так, веточки зеленые. Сорока сядет — и закачаются. Присмотрись-ка лучше.

Смотрит Енот: точно, какие там сучья — ветки зеленые,

да и не держатся они вовсе за землю, а отталкиваются от нее. Может, попытаться все-таки?

А Мышка топчется рядом, подбадривает:

— Берись, берись, не робей. Поднимешь сейчас, я ухну, — и отбросишь ты эту осинишку в сторону.

Взялся Енот и чувствует — точно, не такая уж осина и тяжелая, а если еще ухнет сейчас Мышка, то и вовсе в ней весу никакого не останется. Двинет он ее, и откроется вход в нору.

И ухнула Мышка:

— Ух!

Двинул Енот осинку и увидел ребят своих. Обрадовался:

— Вот спасибо тебе, Мышка! Выручила ты меня.

Сидел он потом у себя в норе, кормил ребятшек и думал: «Барсук прошел — силу отнял, Мышка прошла — силу дала. Какие прохожие разные бывают».

ОСОБАЯ ТАЙНА

Проведала Сорока, что у Зайца есть какая-то тайна, и расстрезвонила по лесу:

— Есть у Зайца тайна особая, я это знаю точно. Вот только выведать не смогла, какая.

Прослышала об этом Лиса и побежала к Зайцу. Может, проведал он, как незаметно прокрасться в колхозный птичник и разжиться курицей артельной? Вот было бы кстати в канун субботы.

Прибегает, спрашивает:

— Говорят, у тебя есть какая-то особая тайна.

— Есть, — отвечает Заяц.

— Ну-ка, скажи мне ее, чтобы я знала.

— Нет, — говорит Заяц, — не могу.

— Не можешь? — наежилась Лиса и схватила Зайца за шиворот. — Ах ты, косина желтоглазая, да я нажму сейчас на тебя покрепче, и дух из тебя вон.

— Ну что ж, — сказал Заяц, — дух из меня уйдет, зато тайна во мне останется.

Сказал так Заяц, и отпустила его Лиса: «Ладно, — думает, — я каким-нибудь иным путем выведаю его тайну, а умрет Заяц — ни с чем останусь». И ушла домой к себе.

А Сорока расстрезвонила по лесу, что вот приходила к Зайцу Лиса, грозилась убить его, но Заяц все-таки не сказал ей, что же у него за особая тайна такая.

— Лисе не сказал, а мне скажет, — решил Волк и отправился к Зайцу. Может, знает он, как неслышно подобрать-

ся к колхозной кошаре и повольничать перед воскресеньем?

Пришел Волк к Зайцу, спрашивает:

— Говорят, у тебя есть какая-то особая тайна? Ну-ка скажи мне ее.

— Тайна у меня есть, — отвечает Заяц, — но сказать ее тебе я не могу при всем моем трепете перед тобой.

— Не можешь?! — осерчал Волк и схватил Зайца за задние ноги. — Ах ты, бестия косая, некрещеная. Да я сейчас за дерзость твою о пенек тебя, и дух из тебя вон!

— Лисе сказал и тебе говорю: пусть уходит из меня дух, зато тайна моя при мне останется, — пропищал Заяц.

И Волк отпустил его. «Ладно, — думает, — я как-нибудь иначе выведаю его тайну, а умрет Заяц — ничего не узнаешь, сам же и в убытке будешь».

И ушел. А Сорока растрезвонила по лесу, что вот и Волк приходил к Зайцу, грозился убить его, а Заяц все-таки устоял, не выдал ему своей особой тайны.

Дошла эта весть до Медведя. Задумался Медведь: какая еще такая у Зайца может быть особая тайна? Он вроде весь на виду. Может, проведал, как пробраться неслышно на колхозную пасеку и в ульях похозяйничать?

— Надо пойти, расспросить его, — сказал Медведь и пошел к Зайцу.

Встретил его у речки, спрашивает:

— Правду, что ль, говорят, что есть у тебя какая-то тайна особая?

— Есть, Иваныч, — отвечает Заяц.

— Говорят, Лиса к тебе приходила, и ты не сказал ей?

— Не сказал, Иваныч.

— И Волку, говорят, не сказал?

— Не сказал, Иваныч.

— Неужели и мне не скажешь?

— Тебе бы можно, Иваныч, да никак нельзя. И не по-нуждай ты меня властью своей всемогущей.

— Это почему же?

— Место здесь больно видное. Сразу все догадаются, что я тебе свою тайну говорю. Обидятся, что им не сказал, а тебе все выдал — от и до. И найдут чем досадить мне. Уж лучше не зажигать пожар, чем потом тушить его.

— Ну что ж, это резонно. Пойдем, козь, тогда к тебе.

Замаялся Заяц. На небо поглядел, по земле глазами полелозил, молвил:

— Ко мне бы можно, Иваныч, да никак нельзя. Беда может быть. Сгорим оба в огне ее всеохватном. Увидят, пошли мы с тобой, и скажут: Заяц Медведя повел к себе, при всех повел, чтобы тайну ему открыть свою в уединении домашнем.

— Пойдем, коль, тогда ко мне.

— И это бы можно, Иваныч, и даже хорошо бы, да... нельзя: не та видимость. Увидят, пошли мы, и прокатится шепоток по лесу: Медведь Зайца к себе повел, чтобы тайну его наедине выведать. Ты уж один иди, а за мной пришли кого-нибудь, будто в гости зовешь меня.

На том и порешили. Прибежал Заяц домой. Сидит на завалянке, а Сорока летит:

— Иди скорее, косой, тебя Медведь в гости зовет.

Пришел Заяц, остановился у порога. Ужинал Медведь, пробасил:

— Ну, говори свою тайну особую, слушаю я. Одни мы, без свидетелей.

Затоптался Заяц:

— Оно бы можно, Иваныч, да... нельзя... Неловко как-то: ты за столом сидишь, я у порога стою. Увидит кто, скажет: вовсе Медведь и не в гости Зайца позвал (нужен ему гость такой!), а чтобы тайну его выведать без свидетелей. Да и я могу подумать, что ты гнушаешься со мной за одним столом посидеть, из одного самовара чай попить.

— Что ты, — сказал Медведь и пригласил Зайца к столу, — просто мне хочется поскорее тайну твою узнать.

— А куда тебе спешить, Иваныч? И так ты самый первый узнаешь ее. Первый и единственный, — сказал Заяц и придвинул поближе тарелку с блинами.

Поблиинничал, наелся до отвала, нацедил кваску из жбана, выпил и глаза вытаращил:

— Вот это квасок! Пока пьешь, весь переморщишься.

И когда поел и попил, говорить не спешил: покачался в качалке медвежьей, приемник покрутил, последние новости послушал. А Медведь все торопил его:

— Ну что же ты? Говори. Умаял ты меня совсем ожиданием.

Поковырял Заяц в зубах для важности зубочисткой, сказал:

— Ну что ж, теперь я могу тебе, Иваныч, и открыть мою тайну. Всю жизнь мне мечталось побывать в гостях у тебя. И чтобы ты сам меня пригласил. Посидеть за столом твоим, в качалке твоей покачаться, послушать приемник твой. Это и была моя особая тайна. И можно сказать — мечта.

— И только-то?!

— Только. Другой у меня тайны, Иваныч, нет и никогда не было. Сбылась мечта моя: побывал я в гостях у тебя, да еще и в субботу! На всю жизнь мне радость эта... А теперь разреши мне домой пойти. Засиделся я у тебя, поздно уж. Жена хоть и знает, что ты меня в гости позвал, но все равно волноваться будет.

ОТЧЕГО ОСИНА ГОРЬКАЯ

Еще когда Бобер бобренком был, заметил он, что отец его, чуть заспорит с женой, к осине бежит. Встанет перед ней и вот говорит, вот говорит что-то.

Спросил он его:

— Зачем это ты, отец, к осине бегаешь?

— Горечь свою отношу ей. Жизнь доживаю я с твоей матерью, а еще ни разу не ударил ее словом тяжелым. Все, что хочется иногда ей сказать, осине говорю. Оттого и живем мы с нею в ладу, не ссоримся. А где лад — там и клад, там и счастье.

Отец это сказал, а бобренок запомнил. Вырос, Бобром стал, семьей обзавелся. Обиделся как-то на жену, хотел было ее словом огненным ожечь, да отцовскую присказку вспомнил: где лад — там и клад... А слово горячее так и вертится на языке, так и просится, чтобы его сказали. И чувствует Бобер: если не скажет он его, покоя не будет.

Выскочил он из своей хатки и побежал к осине, к которой отец в свое время бегал. Все сказал ей, что жене сказать хотел. И сразу легче на душе стало, отмяк. Веселым домой вернулся. И жена его весело встретила. И было у них все хорошо.

Однажды опять поспорили они — в семье такое бывает. И опять захотелось Бобру слово погорячее выкатить из себя и опалить им сердце жены побольнее, но вспомнил присказку отцовскую: где лад — там и клад, и побежал к осине. Побранился на нее, облегчил душу.

Так и повелось у Бобра: чуть размолвится с женой, к осине бежит. И говорили о нем в роще:

— Это он свой семейный клад бережет.

А глядя на него, и другие бобры стали к осине бегать.

— А что, — говорят, — выскажешь ей обиду свою, и остынет сердце.

«Оттого я и горькая, — думает Осина, — что бобры ко мне свою горечь несут. Ну да ладно, пусть я одна буду в роще у нас горькая, зато другие будут счастливы...»

МЕДВЕДЬ БОЛЬШАЯ ГОЛОВА

Крепко обижал Волк Заяца. Не давал прохода ни ему, ни его жене, ни детям его. Так и держал все время Заяц ухо настороже. При каждом шорохе вздрагивал: не идет ли Волк, не готовит ли еще какую беду. Все терпел Заяц, поплачет и ладно. А когда изловил Волк возле Ванина колодца его единственного сына, пошел к Медведю:

— Защити, Потапыч. Ты как-никак — голова у нас, хозяин рощи. Рыкни на него хоть раз для острастки. Житъя не стало. Додавит он меня где-нибудь.

Говорит Заяц, а сам так плачет, так плачет, что, глядя на него, Медведь сам едва не расплакался. Вскочил из-за стола — за столом сидел, суп с клецками хлебал, — забегал по берлогу.

— Ах он пес, ах он разбойник! Да как он посмел? Ишь расхрабрился. Ну погоди, учиню взыск по всей строгости. Я, брат, бью хоть и редко, да метко. После моего удара не встают.

Бранил Медведь Волка, а сам думал: да, надо бы помочь Заяцу — беззащитный он. Но помочь ему — наказать Волка, а наказывать Волка не дело: все-таки это — Волк.

Как быть Медведю? Как перед Зайцем не уронить себя и Волка не обидеть? Есть над чем подумать хозяину рощи, есть над чем голову поломать. Подумал Медведь, покряхтел для пущей важности, опустился на скамью дубовую, сказал, отдуваясь:

— Что ж, с Волком все ясно — пес он. Но вот от тебя, Заяц, не ожидал я такого. Жаловаться, значит, пришел? Эх ты! И не постыдился. Ну был бы ты Зайчихой, другое бы дело, а ты же как-никак Заяц, глава семьи своей, и жалуешься. Подумай, к лицу ли тебе это.

Подумал Заяц, согласился:

— Верно, не мужское это дело.

— Осознал? То-то. Тогда будем считать, что ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал: не хочу ронять тебя в глазах рощи. Ну, будь здоров.

И нежно так, заботливо проводил Заяца до порога.

Ушел Заяц, но от своего не отступился: жену к Медведю послал. Сидел Медведь на лесине, мед ел, облизывался: ловко у него вышло как — и Заяцу посочувствовал, и Волка не беспокоил. Глядь, а Зайчиха идет к нему по тропинке.

Побурел Медведь — идет, длинноухая! Сейчас настроение испортит. Беда с этими зайцами.

А Зайчиха подошла и залилась слезами:

— С жалобой к тебе, Потапыч. Помоги, край пришел. Совсем житъя от Волка не стало. Вчера сына у Ванина колодца поймал, сегодня дочку остановил у речки. Припугни ты его, серого, может, уймется.

Вскочил медведь, замахал кулачищами:

— Ах он пес, ах он разбойник! Ну я ему... Ну он у меня... Пока еще я хозяин рощи, и чтобы в моей роще такое... Обидеть Заяца всякий горазд, а вот пожалеть его, слезы ему утереть некому.

Пошумел Медведь, ногами потопал, кулаками помахал. Сел, пот со лба смахнул полотенцем, поманил Зайчиху:

— Подойди-ка, милая, поближе... Что ж, с Волком все ясно — пес он. А вот от тебя... не ожидал я этого. Что ж ты подвела-то меня как? Я о тебе высоко думал, а ты вон как низко держишь себя: жалуешься. И не постыдилась идти ко мне с этим?

— Так ведь житья от Волка не стало, Потапыч, совсем он нас дадавливает. Поневоле вздыхаешь.

— Понимаю, я все, милая, понимаю и сочувствую, сама видела, как я кулаками махал, но чтобы ты ко мне с жалобой — этого понять не могу. Пришла, наскрипела в уши, щеки ослезила — эх ты!

— Но ты же сам говорил, Потапыч, Зайцу моему, что жалуются только женщины, я и пришла.

— Вижу и дивлюсь: ты — и стоишь передо мной! Верно, жалуются женщины, но какие? Слабые. Духом слабые. А тебя я всегда считал сильной. Говори, сильная ты или нет?

— Сильная, — прошелестела Зайчиха.

А Медведь так и подпрыгнул на лесине:

— Вот видишь — сильная! Так тебе ли, сильной, духом сильной, жалобами марать себя? Подумай, за свое ли дело взялась ты.

Подумала Зайчиха, согласилась:

— Верно: не за свое дело взялась я.

— Поняла теперь? — просипел Медведь. — Ну что ж, будем тогда считать, что ты мне ничего не говорила, а я ничего не слышал: не хочу ронять тебя в глазах рощи, — и по доброму, без крика, проводил Зайчиху домой.

Ушла она, а Медведь сидел на лесине, доедал мед, хвалил себя:

— Да, нелегко это — быть хозяином рощи: и Зайца хочется защитить, и Волка не обидеть. Вон я как умно уладил все — и Зайцу посочувствовал и Волка не обеспокоил. Большую голову на плечах иметь надо, чтобы улаживать так. Не зря меня зовут у нас в роще — медведь Большая Голова. Большая и есть: со всем справляется.

ПЕРВАЯ ПТИЦА

Встретились Ворона с Вороном и разговорились. О чем? Как всегда, люди при встрече говорят о людях, птицы — о птицах. Послушал Ворон, как поет в роще Дрозд, сказал:

— Хорошая птица Дрозд.

— Это чем же? — спросила Ворона.

— Песня у него звонка. Слышишь, поет как.

— В птице не песня главное — красота, — сказала Ворона.

И оба замолчали. Помолчали немного, сказал Ворон:

— Ты, пожалуй, права, Ворона. И верно, что за птица Дрозд. Вот Иволга! Крылышки золотистые. И сама вся точеная будто, будто из солнышка собрана. Красивая птица Иволга.

— Ну и нашел птицу — Иволгу, — сказала Ворона. — Красивая она, да, но без песни. Без своей песни. Чужие поет. А что это за птица, у которой даже песни своей нет?

И опять оба замолчали. Помолчали немного, сказал Ворон:

— Ты, пожалуй, права, Ворона. Верно, птица должна быть и красивой, и с песней. Вот Удод, например. Весь как радуга, глаз не оторвешь. И поет. Начнет гугукать, ни с чьей песню его не спутаешь.

А Ворона засмеялась:

— Тоже мне птица — Удод. Разве в птице главное красота и песня? Птица почему птицей зовется? Потому что у нее есть крылья и она летает. А у Идода какой полет? Нырком да все понизу, как будто уворовал что и от стыда прячется.

И оба замолчали опять. Помолчали немного, сказал Ворон:

— Ты, пожалуй, права, Ворона. Верно. Опять я махнул: про полет-то я и забыл. Сокол — вот кто у нас в роще первая птица: под самым небом летает. И глаз имеет острый. За двести метров стрекозу видит.

Но покачала серая Ворона серой головой, сказала:

— Летает Сокол высоко, да. И глаза у него острые, да. Но какие они у него? Навыкате. Вылупленные глаза у него. И нос крючком.

И тогда развел Ворон крылья в стороны и сказал:

— Что ж, неужели у нас в лесу птицы нет, которая и по красоте, и по песне, и по другим статьям первой была бы?

— Что ты, — сказала Ворона. — Как можно лесу без первой птицы быть? Есть такая птица.

— Кто же она тогда?

— А ты догадайся. Посмотри на меня и догадайся.

Поглядел Ворон на Ворону, долго глядел. Догадался:

— Сизоворонка!

И еще больше посерела Ворона, сникла.

— Ну что, — говорит, — за птица Сизоворонка. Красивая она, да, но живет в норе и вечно простужена — хрипит. Разве может она быть первой птицей? Первая птица — она со всех сторон первая, лучшая из всех.

И начал Ворон перечислять всех птиц, что знал. Уж очень узнать ему хотелось, кто же в лесу первая птица. Но Ворона всех хаяла, у всех какой-нибудь, да находила изъян. И тогда развел Ворон крылья в стороны:

— Так неужели у нас нет ее, птицы первой?

— Как это можно, чтобы не было ее, — сказала Ворона. — Есть, и даже близко.

— Где же она тогда? — спросил Ворон.

А Ворона выгнула шею черную, оправила перья растрепанные и придвинулась к нему поближе:

— А ты догадайся. Посмотри на меня и... догадайся. Ну догадайся же!..

ПРАВИЛЬНЫЙ ЗАЯЦ

Побегал заяц Андропка по роще, попрятался ото всех и понял: сила у сильных. И если хочешь, чтобы они не обижали тебя, держись к ним поближе, войди в доверие к ним. А самый сильный в лесу — медведь, к нему и решил Андропка поближе держаться, понравиться ему решил. Чуть что, бывало, бежит к нему за советом. Лето на порог — он в берлогу к медведю.

— Помоги, Михайло Иванович, наставь на путь верный. Кроме тебя никому задачи не решить моей. Только твоему великому уму под силу она.

Обовьет медведя словами липучими, польстит ему, он и подobreет, разнежится.

— Чего тебе? — гудит.

А Андропка поближе к нему придвигается.

— Да вот посоветоваться пришел к тебе, Михайло Иванович: пора ли мне морковку рыть.

А откуда медведю знать — пора зайцу морковку рыть или нет. Он морковью не кормится. Но приятно медведю, что Андропка за советом к нему пришел. Другие зайцы, даже когда позовет он их, в кусты кидаются, а Андропка сам, без зова пришел. Особый заяц, правильный.

И спрашивал медведь у зайца:

— А сам-то ты как мыслишь?

— Да вроде рановато. Тощенькая она еще, Михайло Иванович.

— Тогда погоди, — решительно советовал ему медведь. — Поспешешь, всех насмешишь. Зачем тебе на смеху быть.

Идет Андропка домой, рассказывает всем:

— У Михайла Иваныча был сейчас. Вот голова! Недюжинного ума медведь. Совет с ним держал: пора ли морков-

ку рыть. «Погоди, говорит. Спешить в таком деле не надо». Все знает. Как советует он, так и сделаю — спешить не буду.

А ступит, бывало, осень на порог — опять заяц к медведю бежит.

— Помогли, Михайло Иваныч, наставь на путь верный. У тебя ведь голова — другой такой не найти, разумнейшая из разумных.

Польстит медведю, и отмякнет у того сердце.

— Чего тебе? — гудит.

— Посоветоваться к тебе пришел, ума твоего набраться: пора или не пора капусту на деревенских огородах зубрить.

А откуда медведю знать: пора или не пора зайцу капусту зубрить? Медведь капусту не ест. Но приятно ему, что Андропка за советом к нему пришел. Другие зайцы бегут от него, даже когда он позовет их, а Андропка сам, без зова пришел. Особый, правильный заяц.

И спрашивал медведь у зайца:

— А сам-то ты как думаешь?

— Да вроде пора. Морозцем ее уже поприжало. В самый раз вроде. В соку капустка.

— Тогда беги и зубри, — решительно советовал ему медведь. — Упустишь время — потом не наверстаешь. Я вон сколько в жизни упустил всякого, а теперь каюсь.

И шел заяц опять домой, хвастался:

— У Михайла Иваныча был сейчас. Ну что за голова! Недюжинного ума медвежище, все знает. Совет с ним держал: не пора ли капусту на огородах зубрить. Говорит: «Пора, Андропка, беги, а то опоздаешь». Побегу сейчас. Как он советует, так и сделаю. Я всегда по его совету живу.

Встретил однажды Андропка зайчиху на просеке весной. глянул на нее, всплеснул ушами и помчался со всех ног к медведю.

— Помогли, пожалуйста.

— Чего тебе? — прогудел медведь Михайло.

— Посоветуй скорее, — приплясывал от нетерпения заяц, — пора или не пора мне жениться?

А откуда медведю знать: пора зайцу жениться или нет? Но и без совета оставить Андропку не хочется. Он один только из всей рожи и ходит к нему за советом. Спросил:

— А сам-то ты как думаешь?

— Думаю что пора, — припрыгивал заяц. — Очень хочется.

— Тогда женись, — решительно посоветовал ему медведь Михайло. — Только и жениться, пока молодой. Составишься, кто за тебя пойдет? Кому ты будешь нужен?

Летел после этого заяц по роще, кричал всем:

— Опять у Михайла Иваныча был, совет с ним держал. Недюжинного ума медведище, во всем разбирается. Жениться мне посоветовал. Свататься бегу.

И всегда так: сходит к медведю и хвастает. Слушают его звери и думают: «Андропка-то запросто у медведя в гостях бывает. Надо подальше от него держаться, а то притиснешь невзначай, беды потом не оберешься».

Доволен был Андропка. Смело по роще ходил, весь страх потерял, не гнулся, как бывало. Говорил всем с гордостью:

— Оттого у меня все в жизни складно получается, что я без совета Михайла Иваныча ничего не делаю. Его советами живу.

Доволен был и медведь Михайло. И тоже ходил по роще и говорил всем:

— Глядите, не обижайте Андропку. Он заяц правильный. Пока моего совета не спросит, ни за какое дело не возьмется. Оттого и не ошибается ни в чем. Жениться собрался и то ко мне за советом прибежал. Очень правильный заяц.

НЕСПЕТАЯ ПЕСНЯ

Возвратились весной из жарких стран птицы. Вместе со всеми и Жулан прилетел. Все песни с утра до вечера распевают, а он покачивается на ветке вяза над речкой, помаргивает глазками.

— Ну и песни у вас! Вроде поете, а послушать нечего — чили-чили. Вот я запою.

— Чего ж не поешь ты? — спрашивали птицы.

— Спою еще, — отвечал Жулан. — Весна только началась, успею. Я на пустяки себя тратить не стану. Песню, не подумавши, не сложить. Думаю я. И уж такую песню придумаю, какой ни у кого нет и никогда не было — серьезнейшую, всеохватную.

Сказал и опять закачался на ветке. Качался, качался и прокачался всю весну. Спрашивают птицы:

— Что ж не поешь ты?

— Весна прошла, — отвечает Жулан, — а летом кто ж песни поет? Бездельники только. Летом птенцов растить надо.

— Птенцы и у нас в гнездах есть. Мы растим их, но и петь не забываем. Утром на зорьке поем, вечером на зорьке поем.

— Это разве песня — впопыхах. Я так не могу, — сказал Жулан и закачался на ветке. — Я уж если петь, так

петь: основательно, серьезно, а не как вы — чили-чили. Вот запою — услышите, как петь надо, если песня для тебя не забава, а жизнь твоя.

— Но ведь весна-то прошла, — напомнили птицы, — а ты так и не спел ничего.

— Другая придет. Много еще весен будет впереди, — говорил Жулан. — Я только еще жить начинаю.

И была еще весна. И опять все птицы пели, а Жулан покачивался на ветке вяза, помаргивал глазками, говорил:

— Это разве песни — все то же чили да чили. Вот я запою.

— Что ж не поешь ты? — спрашивали птицы.

— Думаю, — говорил Жулан. — Вы что же, хотели всеохватную песню не думавши спеть?

— Так ты и в прошлом году думал.

— А я думаю серьезно, не на один день.

— Так ведь и эта весна на исходе.

— Будут и еще весны, — сказал Жулан. — Зато уж сочиню я песню, всем лесом подхватите, хором петь мою песню будете, и не один год — века.

Но проходили весны, а Жулан все не пел и не пел своей песни, качался на ветке вяза да помаргивал глазками. Все качался и качался и прокачался всю жизнь, состарился.

Спрашивают его птицы:

— Где же песня твоя всеохватная?

— Какая уж теперь песня, — сказал Жулан. — Стар я стал для песен. Песни пусть молодые поют, восходящие. Они поголосистее.

— Э-эх, — сказали птицы, — а хвастался «спою, спою», а про нас говорил «чили-чили», а у тебя, оказывается, и песни-то не было. Беспесенным был ты.

— Как это не было у меня песни, — встрепенулся Жулан. — Была, да все как-то, знаете, времени не было спеть ее: то гнездо надо было строить, то птенцов кормить. Неспетой моя песня осталась. Звездой, не вспыхнувшей в небе, прожила во мне.

Так сказал Жулан, но птицы ему не поверили.

— Была бы, — говорят, — у тебя песня, ты бы утром пораньше встал, вечером попозже бы лег, но все-таки спел бы свою песню.

ЗАГРОЗИЛ

Страх как любил капризничать медвежонок Ивашка. Добудет мать на деревне ягненка, принесет к берлогу, положит перед ним, скажет:

— Ешь, моя радость, поправляйся.

Сидит косолапая «радость» над ягненком, морщится:
— Не хочу ягненка, давай мне гуся.

И идет Медведица гуся добывать. Единственный у нее сыночек Ивашка, и хочется ей, чтобы рос он у нее без нужды и без горя.

Только рос Ивашка, как бельмо в глазу. Помыкал матерью, изгилялся над нею. А однажды такую штуку выкинул. Наловила Медведица раков в речке, несет домой.

— Угощайся, соколик мой.

А «соколик» отвернулся, брови сдвинул, и лапой — в сторону:

— Я тебя с медом жду, а ты раков принесла.

— Как же, — удивилась Медведица. — Ты же вчера сам раков просил.

— То было вчера, а сегодня меду давай. Сегодня я меду хочу.

Горько стало Медведице. Целый день она в речке воду меряла, продрогла вся — и не угодила. Схватила она Ивашку за ухо:

— Ах ты, кряхтун сиволапый! — и ну из стороны в сторону водить, приговаривать: — Не измывайся над матерью, не капризничай!

А напоследок шлепка дала. Откатился от нее Ивашка кубарем, кричит:

— С голоду умерить хочешь, да? Утоплю-усь пойду!

А Медведица и говорит:

— Топись, леший косматый, топись, душегубец! Я без тебя хоть вздохну свободно. Совсем ты меня умаял.

Надрал Ивашка лыка, сел под березой, веревку вьет, попугивает:

— Ох, мать, в тихой воде омуты глубокие. Гляди — удавку вью.

— Вей, вей, сыночек, да покрепче — не оборвалась чтоб.

Свил Ивашка веревку, нашел камень, привязал к шее. Говорит:

— Смотри, мать, камень уже привязал.

— Привязывай, сынок, привязывай да потуже — не отвязалась чтоб.

Повернулся Ивашка и покосолапил к реке. Веревка длинная, камень по коленкам колотит, а Ивашка шажки все короче, короче делает. Остановился у воды, кричит через правое плечо:

— Смотри, мать, пришел. Сейчас топиться буду.

А Медведица сидит у берлоги, приговаривает:

— Топись, сынок, топись. Вода-то сегодня теплая, приятная, в такой только и топиться.

Забрел Ивашка по колено в воду, поднял над головой камень:

— Смотри, мать, брошу сейчас, и не будет у тебя Ивашки.

— Бросай, сынок, бросай, не томи себя.

Осторожно опустил камень Ивашка. Нос под воду спрята, сам весь снаружи остался. И на мать украдкой поглядывает.

Вскочила тогда Медведица, схватила Ивашку за загривок и ну в речку окунать, приговаривать:

— Топись, леший косматый, топись, мучитель.

Да вглубь его, вглубь тащит!

— Ой! Тону-у, — взревел Ивашка и — буль-буль! — пустил пузыри.

Вынырнул, кричит суматошливо:

— Ой, совсем утонул! — и — буль-буль! — опять пузыри пустил.

А Медведица знай окунает его. И так наокунала, что Ивашка еле до берлоги добрался. И полдня на завалинке икал, приходил в себя.

И что вы думаете? С этого времени всякая охота у него топиться пропала. И капризничать перестал.

КАК ОДУВАНЧИК СТАЛ СОЛНЦЕМ

На пригорке, весь в беленьких парашютиках, подрагивал на ночном ветерке Одуванчик. Над ним среди звезд, сидя на облаках, плыла куда-то Луна. Одуванчик крикнул ей снизу:

— Ты куда это собралась, Луна?

— В Страну Света, — ответила она ему. — Я хочу стать яркой, как солнце, и такой же теплой. Жди меня, я взойду с востока.

Она опустилась за горизонт, и туда же, за горизонт, потекли с земли сумерки. Небо посветлело, и в нем, светлом, угасли звезды. Вышла из-за горизонта Зорька и сказала:

— Сейчас взойдет солнце.

Одуванчик был уверен, что это будет Луна. Она захотела стать солнцем и стала им. Наверное, в Стране Света, куда она ушла, каждый может стать солнцем, если захочет. А почему бы и ему, Одуванчику, не испытать счастья?

И Одуванчик воскликнул, встряхивая пушистой головкой:

— Неси меня, Ветер, в Страну Света. Я тоже хочу стать солнцем.

— Хорошо, — согласился Ветер. — Только ты закрой

глаза, потому что в Стране Света очень ярко и ты можешь ослепнуть.

Одуванчик сделал так, как велел Ветер, и тут же почувствовал, что поднимается кверху. Через минуту он уже думал: «Я, наверное, лечу уже под самым небом. Еще мгновение, и я коснусь его».

Потом он приземлился, уверенный, что Ветер принес его в Страну Света, и стал ждать, когда его начнут превращать в солнце.

Был дождь. Много дождей. Кто-то ходил поблизости, блеял по-овечьи и щипал пожухлую траву. Кто-то наступил на его семечко-сердце и вдавил в землю. Но даже в эту страшную минуту Одуванчик помнил завет Ветра — не смотреть. И не смотрел.

«Наверное, всегда бывает больно, когда превращаешься в солнце, — подумал Одуванчик и сдержался, не закричал от боли.

Вскоре зима прикрыла его высокими снегами и он уснул. Проснулся Одуванчик уже весной. Проснулся от шороха и бульканья. Прислушался и понял, что это шуршит, оседая, снег, а булькают, пробираясь к оврагу, ручейки. Они спешили, подгоняли друг друга:

— Скорее, скорее! Как бы не опоздать...

Снега уходили, солнца становилось больше. Одуванчик отогрелся, пустил в землю корень и стал расти.

«Наверное, теперь мне уже можно смотреть», — подумал он и раскрыл свой глазок. От сердечка его во все стороны брызнули желтые лепестки-лучики.

К Одуванчику бежали ребяташки и кричали:

— Смотрите, он похож на солнышко!

Одуванчик смотрел на них снизу вверх и улыбался. Ему хотелось сказать им: «Каждый может стать маленьким солнцем, если отправится в Страну Света...» Но он не знал, как ребятам сказать об этом: они не знали языка цветов, а он не умел разговаривать на их языке. И потому он молча глядел на них и улыбался.

И МЕДВЕДЬ СПИРИДОН УЧИЛСЯ

Не только теперь, в старости, но и смолоду медведь Спиридон и медведь Лаврентий соседями были. У медведя Спиридона, бывало, для всех двери открыты. Всех он, бывало, приветствует, всех угощает.

— У меня, — говорит, — есть, значит, у всех есть. Последнее отдам. А если у меня нет, то уж не судите: и рад бы последнее отдать, да отдавать нечего — у самого столько же.

Как говорил, так и делал. Добудет что, половину сам съест, а половину знакомым раздаст. На следующий день опять добывать идет. Смеется, бывало, над ним медведь Лаврентий:

— Незкономный ты какой, Спиридон. Не раздал бы вчера своего барана, он бы тебе сегодня как пригодился: не надо было бы никуда ходить. Лежал бы себе в берлоге, как я вон, да почесывался.

Да, медведь Лаврентий, тот совсем иначе жил. Скуповат был.

— Все, что есть у меня, — говорил он, — это мое. Сегодня мне не надо, а завтра, смотришь, и пригодится. Не одним днем живем.

И в другом рознились медведи. Медведь Спиридон, тот ух какой уважительный был. Позовет кто помочь, никогда не откажет. И работает всегда на совесть. А медведь Лаврентий — тот нет, тот зря силу свою не расходовал.

— Я лучше, — говорит, — в берлоге полежу или в речкекупаюсь. Моя сила мне самому сгодиться может.

Да, легко жил медведь Лаврентий, ничем не отягощал себя. Медведь Спиридон даже позавидовал ему однажды. Пришел и попросил:

— Научи меня жить по-твоему. Я сметливый, быстро все схватываю. Устал я, знаешь, немного от доброты своей.

Похлопал его медведь Лаврентий по плечу:

— То-то, понял наконец, что ты не солнышко в небе, всех добротой своей не обогреешь. Да и солнце, оно тоже не для каждого одинаково. Сидишь под ним — солнечно тебе, зашел в тень — тенисто. Понял, значит? Добро, оставайся у меня. Поживешь со мной, научишься, как жить надо, чтобы тебе всегда хорошо было. А сейчас на охоту идем.

Сходили они на деревню, принесли по барану. Одного съели, а одного на завтрашний день оставили.

— Завтра уж нам не ходить, понял? — сказал медведь Лаврентий. — С запасцем, брат, жить надо.

— Неопытен я был, — присел медведь Спиридон на завалянку к Лаврентию поближе. — Неучен был, не понимал. Теперь вижу: лучше так, как ты живешь. Точно, приберегать надо, о завтрашнем дне думать.

Мимо Волк по тропинке шел, печальный-препечальный, серый-пресерый. Голова опущена, хвост по траве волочется. Окликнул его медведь Лаврентий:

— Ты что идешь не идешь — голову повесил?

— На деревню ходил, не добыл ничего. Чем детей сейчас кормить буду, ума не приложу. А у меня их пятеро.

Посочувствовал ему медведь Лаврентий:

— Да, плохо это, когда есть нечего.

— Чего уж хуже, — сказал Волк и посмотрел на медведя Спиридона полными слез глазами.

Жалко медведю Спиридону стало его. Никогда он не видел, как волки плачут. Расчувствовался, говорит:

— Давай, Лаврентий, выручим его. Он, Волк-то, в нужде, ему помочь надо. У нас есть, у него нет, давай поделимся.

Покрахтел медведь Лаврентий. Не хотелось ему припрятанного барана отдавать Волку, но ведь не скажешь теперь, что у тебя нет его, когда сосед выдал. Вынес из берлоги, отдал Волку:

— Бери, корми ребят своих.

И загорелись у Волка глаза радостью. Прибодрился он.

— Вот спасибо, выручили! Дети, пятеро их у меня, их же ведь кормить чем-то надо.

Весь день ходил потом медведь Лаврентий по берлоге и все говорил:

— Ты помнишь, Спиридон, какие глаза у Волка были? Никогда я таких глаз не видел.

И ночью все поталкивал его в бок, будил:

— Спишь, Спиридон? А я никак уснуть не могу. Все о Волке думаю. Какие глаза у него были! Вот так и стоят они передо мной со слезами непролившимися.

— Спи ты, — отмахивался медведь Спиридон, — завтра на деревню чуть свет идти, отдохнуть надо.

Затихал медведь Лаврентий, а немного погодя опять начинал возиться и толкать медведя Спиридона под бок:

— Вот обрадовался серый, а! И не думал, что мы можем помочь ему, а мы взяли и помогли. Пусть порадует, счастливым побудет.

Утром сходили они на село, добыли кое-что на завтрак себе. Лишнего не брали, Лаврентий не велел:

— А то опять отдадим кому-нибудь, и душа болеть будет, а так нет у нас и давать не надо, а значит, и не болеть нам с тобой.

— Ну что ж, не болеть так не болеть, будем здоровыми ходить и спокойными, — согласился медведь Спиридон, получив еще один урок от медведя Лаврентия.

Позавтракали они. Берлогу убрали.

— А теперь ложись в тень и отдыхай, — сказал медведь Лаврентий. — Я всегда так делаю после завтрака, чтобы жирок завязался. Когда есть жирок в тебе, не такой долгой зима кажется, и никакие холода тебе не страшны.

Прилег медведь Спиридон с ним рядом. Лежит, смотрит: барсук Филька из домика своего вышел. Худой, облезлый, уши висят. Еле идет. Сделает шаг, постоит, отдышится и еще шаг делает.

— Куда это ты, Филька, собрался? — окликнул его медведь Спиридон.

— К речке схожу, — отвечает барсук, — может, хоть лягушку поймаю. Болею вот, совсем ослаб.

— Куда ж ты пойдешь такой? Тебя самого лягушки изловят и утопят в речке.

— А что же мне делать? Есть-то ведь надо что-то. Я уж и так три дня не ел ничего, только в потолок глядел.

И положил медведь Спиридон лапу на плечо другу:

— Давай, Лаврентий, поможем болящему, из беды его вызволим. Больной ведь.

— Чем же мы поможем ему? У нас у самих ничего нет. Лишнего же не брали.

— Лишнего нет, зато сила есть, давай поможем. Мы с тобой здоровые и лежим, а он больной и идет.

Не хотелось медведю Лаврентию подниматься с лужайки, но и отказать стыдно было, поднялся. Спустились они с медведем Спиридоном к речке, наловили раков. Полдня по брюхо в воде лазали. Наловили все-таки. Принесли барсуку:

— Ешь, Филька, да поправляйся.

А тот и не верит даже. Думал — шутят медведи, когда сказали, что раков из речки принесут, какая им корысть ловить их для него. А они и впрямь принесли целое лукошко. И постель ему перестелили, чтобы легче Фильке выздоравливалось. Прослезился Филька.

— Эх, — говорит, — ведь я сегодня погибать шел. Спасли вы меня, спасибо. Жив буду — не забуду.

И в эту ночь опять долго не мог уснуть медведь Лаврентий, все ворочался, толкал медведя Спиридона под бок:

— Ты помнишь, Спиридон, как плакал Филька? Помнишь, какие у него слезы по щекам текли? Круглые, с горошину. Я таких ядреных слез и не видел никогда.

— Спи ты, — отмахивался от него медведь Спиридон и прикрывался подушкой. — Завтра же опять рыбачить идти.

Так и повелось у них: сперва медведь Спиридон уговаривал медведя Лаврентия поделиться едой с кем-нибудь, а уж потом и сам медведь Лаврентий чуть что — предлагал, бывало:

— Поделимся, Спиридон? Мы с тобой еще добудем.

И помогать приохотился. Совсем мало лежать стал. Поговаривал:

— Хотя мы с тобой, Спиридон, и не солинышко, хоть мы и не согреем всех добротой своей, но кое-кого согреть все-таки можем.

И однажды сказал медведю Спиридону:

— Иди, Спиридон, домой. Пока я собирался учить тебя своей жизни, твоей выучился. И иной мне теперь не надо.

ОДНАЖДЫ
СЛУЧАЙ БЫЛ...





ЗАЯЧЬЯ НЕДЕЛЯ

Встретил Волк Зайца в понедельник и сказал ему на доброотно отстоявшемся волчьем языке:

— Я тебя съем.

— Это невозможно, — говорит Заяц. — Нельзя меня сегодня есть. Именины у бабушки. Не приду — обидится. Скажет: один у меня внук, и тот не пришел поздравить меня. Вот уж поздравлю...

— Ладно, — сказал Волк, — я тебя завтра съем.

Встретил Волк Зайца во вторник, спрашивает:

— Сходил к бабушке?

— Сходил, — отвечает Заяц.

— Ну тогда я тебя съем.

— Это невозможно, — говорит Заяц. — Нельзя меня и сегодня есть. Договорились мы с другом за морковкой на деревню идти. Не приду, скажет: испугался, струсил. Вот уж схожу...

— Хорошо, — сказал Волк, — я тебя завтра съем.

Встретил Волк Зайца в среду.

— Ну, — говорит, — теперь уж я тебя съем.

— Это невозможно, — говорит Заяц. — Нельзя меня

сегодня есть. Обещался Белке помочь домик строить. Не приду, скажет: обманул. А кто ей без меня поможет? Вот уж помогу ей...

— Хорошо, — говорит Волк, — я тебя завтра съем.

Встретил Волк Зайца в четверг, спрашивает:

— Построил Белке дом?

— Построил, — отвечает Заяц.

— Тогда я тебя съем.

— Это невозможно, — говорит Заяц, — нельзя меня и сегодня есть. Пригласил я на прошлой неделе Ежика в гости. Придет — а меня нет. Так, скажет, соседи не делают. Вот уж встречу его...

— Ладно, — говорит Волк, — подожду еще денек.

Встретил Волк Зайца в пятницу.

— Теперь уж, — говорит, — я тебя съем.

— Это невозможно, — говорит Заяц. — Нельзя меня и сегодня есть. Собрание у нас вечером. Председателя заячьего выбирать будем. Вдруг выберут меня, а меня нет. Никогда в председателях не сиживал, а очень хочется председателем побыть. Вот уж пройдут выборы...

— Хорошо, — говорит Волк, — я тебя завтра съем.

Встретил Волк Зайца в субботу.

— Все, — говорит, — сегодня уж я тебя съем.

— Это невозможно, — говорит Заяц. — Как же ты меня съешь, если я даже с товарищами не попрощался. Вот, скажут, гордый какой: умер и не попрощался с нами. Вот попрощаюсь...

— Ладно, — говорит Волк, — неделю ждал — еще день подожду.

Встретил Волк Зайца в воскресенье.

— Ну теперь-то уж, — говорит, — я тебя съем.

— Это невозможно, — говорит Заяц, — нельзя меня сегодня есть. Воскресенье сегодня. Все веселятся, а ты меня есть будешь. Подумай-ка, хорошо ли это? Празднично ли?..

— Ах ты, плесень косая, — изругался Волк, — неделю только зря из-за тебя потерял. Давно бы другого, не такого занятого зайца съел. Пошел прочь!

Удирал Заяц от Волка, думал:

«Плохое наше заячье житие: перед каждым Волком изворачивайся, душой криви, а был бы я посильнее...»

Но сильным он не был и потому поскорее скрылся в осиннике.

Бежит щенок Федотка мимо колодца и думает: дай погляжу, что в нем. Впрыгнул на сруб, смотрит: далеко внизу — голубым квадратиком вода, а из воды смотрит на Федотку щенок с длинными не по росту ушами и не моргает.

— Здорово! — крикнул ему Федотка сверху.

— ...орова, — отозвался щенок из колодца и ушами мотнул, а вода как была спокойная, так и не шелохнулась даже.

Любопытно стало Федотке, и захотелось ему поближе к щенку присмотреться. Свесился он над колодцем пониже, и тут то ли подтолкнул его сзади кто, то ли еще почему, но только шагнул Федотка вперед, сказал самому себе: «Ну, Федотушка, будь здоров», — и полетел в колодец.

Двадцать четыре метра летел до воды, но не разбился, дыхание только перехватило от страха. Леп-леп-леп — лапками по воде, взобрался на приступку в углу, поднял голову, смотрит: далеко вверх — голубым квадратиком небо.

«Эх, — думает Федотка, — чуть было в воспоминания не угодил. Это как же я теперь отсюда выберусь?»

Смотрит — бадья сверху спускается, бабушка это Степанида за водой пришла.

«Ну, — думает Федотка, — теперь я спасен».

Подтащил к себе бадью, сел в нее и поехал наверх. Едет, доски считает, улыбается: будет теперь о чем собакам на деревне рассказывать.

А бабушка вертит себе и вертит ручку колодца, вертит и вертит, а потом глянула, а он — сидит! И дрогнуло у бабушки в груди старенькое сердце — водяной!

Взвизгнула она и зарысила от колодца к дому, а Федотка — у-у! — поехал в бадье вниз и — ульк! — искупался еще раз. Выбрался опять на приступку в углу. Сидит, обтекает. Слышит: дед Григорий, муж бабушки Степаниды, к колодцу прихромал. Прикрылся ладонями, чтобы видеть лучше, долго вниз глядит. Федотка даже в угол вжался, чтобы дед не увидел его, и когда поехала вверх бадья, не сел в нее: дед не бабка, испугаться не испугается, а по шее нахлопает. А кому же это хочется в летний жаркий день на виду у всей деревни по шее схлопотать?

Слышит Федотка, как там, наверху, перелил дед из бадьи в ведро воду, выругался:

— О, прибежала, старая: водяной, водяной в нашем колодце объявился. Сама ты водяной в юбке!

И похромал к дому, а Федотка в колодце остался. Сидит, ночи дождался: днем далеко видно, увидят — сидит

он в бадье и — у-у-у! — поезжай опять в колодец. А день-то вон только начался, до вечера сколько раз съездить можно! Пожалуй, доездишься до того, что и ехать наверх некому будет.

Сидел Федотка в колодце, поскуливал, ребрышками подрагивал, ночи дожидался. В полночь пришла с фермы тетка Лукерья. Хватилась, а воды нет, за ведро она — и к колодцу. И Федотка решил попытать счастья. Сел в бадью, погрузился в жуткую холодную воду, весь погрузился, одни поздри сверху остались. Сидит, дышит, а когда стал подъезжать кверху, совсем затонул.

Смело взяла тетка Лукерья бадью, смело поставила ее на сруб колодца, а Федотка — буль! — и появился.

— Фу, — говорит, — чуть не задохнулся.

И это в двенадцать-то часов ночи!

Охнула тетка Лукерья и не помнит, как у себя на печке оказалась под теплым стеганым одеялом. А Федотка в это время улепетывал от колодца, взматывал длинными не по росту ушами и думал:

«Только бы никто меня не поймал и обратно в колодец не отправил».

Но никто его и не собирався ловить, только долго после этого доставали из колодца муругую Федоткину шерсть и дивились: откуда она взялась там. Да бабушка Степанида ходила по селу и говорила всем:

— Водяной в нашем колодце объявился. Вот истинный крест — водяной. Вытащила я бадью, а он — сидит.

Да тетка Лукерья, никогда ни в какую нечистую силу до этого не веровавшая, в водяного уверовала и тоже ходила по нашему селу и говорила всем:

— Верно, есть в нашем колодце водяной. Я его сама видела, вот только поближе не смогла разглядеть какой он из себя. Помню только, что он фыркает и что у него есть уши.

БОЛЬШОЙ СОСЕД

В Гореловской роще, на Маньяшином кургане, жила маленькая серенькая Мышка. И все у нее было: и хитрая норка с отнорками, и зерно в закромах — живи да радуйся, а вот радости-то как раз у Мышки и не было. Жили рядом с нею такие же, как она, маленькие мурашки, маленькие букашки, а Мышке хотелось иметь большого соседа, и чтобы он в гости к ней ходил, и чтобы Мышка к нему в гости ходила.

Ей так хотелось иметь большого соседа, что он ей даже во сне снился: большой, громадный, ворочается в кургане, аж деревья покачиваются. И когда поселился рядом с Мыш-

кой Суслик, обрадовалась Мышка: вот он, большой-то сосед, появился наконец-то.

И в первое же воскресенье прибежала навестить Суслика.

— Здравствуй, Суслик. Я Мышка, соседка твоя, в гости пришла к тебе.

— Пришла так пришла, — пробурчал Суслик, — к столу проходи, чего у порога-то стоять.

Прошла Мышка. Сходил Суслик в кладовую, принес горсть зерен, высыпал перед ней:

— Угощайся, коли пришла.

А много ли Мышке надо? Съела два зернышка и сыта. Закланилась:

— А теперь ты ко мне, сосед, приходи. Я ждать буду.

— А что? Приду, — сказал Суслик.

И точно: на следующее воскресенье пришел к Мышке в гости. Увидела его Мышка, обрадовалась:

— Ой, кого я вижу! Прходи, сосед, к столу, будь гостем.

Прошел Суслик. А Мышка ко двору выбежала, известила всех, счастливая:

— Ой, кто ко мне пришел, ко мне Суслик пришел! Мой большой сосед у меня в гостях сидит.

А сама к закрому сбегала, принесла горсть зерен, высыпала перед Сусликом.

— Угощайся, сосед, кушай на здоровье.

Мышке дня бы на три хватило, а Суслик — чаф-чаф! — съел и сидит глядит, что дальше будет. Сбегала Мышка еще к закрому, еще две горсти зерен принесла. Ей с лихвой на неделю хватило бы, а Суслик — чаф-чаф! — съел и сидит глядит, что дальше будет.

Видит Мышка такое дело, смутилась. Всегда такой щебетуньей была, а тут чуть выговорила:

— Что ж ты у пустого стола-то сидеть будешь? Пойдем прямо к закрому.

Привела его в кладовку, угощает:

— Угощайся, пожалуйста, не стесняйся.

А чего Суслику стесняться? Он в гостях, он не воровать пришел. Он как сел, так ползакрома и съел.

«Ого, — ужаснулась Мышка, — мне нужно месяц есть, чтобы столько съесть». А вслух сказала:

— Приходи, сосед, еще ко мне в гости, я ждать буду.

— А что? — сказал Суслик. — Приду. У тебя хорошо. Я теперь к тебе часто ходить буду. Мне у тебя нравится.

— Приходи, — сказала Мышка, а ночью, когда спали все, собрала она потихоньку свои манатки и перебралась жить на соседний курган.

— Большого, — говорит, — соседа иметь хорошо, но только если он к тебе в гости не ходит.

РОС У ОКОЛИЦЫ ДУБОК

Родился у околицы села Дубок. Увидели его козлята, позарились на листочки. И объели их.

— Что вы делаете? — набежал на них Ветер. — Он же может вырасти и стать дубом.

— Нашей деревне дубы не нужны, — сказали козлята. — Нам и чилижника хватит.

«Ну нет, — подумал Дубок, — я так просто не сдамся». Оправился маленько и пошел в рост. Поднялся, чтобы его козлята достать не смогли.

Козлятам он теперь был не по росту. Но увидели его телята. Позарились на его листочки, объели их.

— Что вы делаете? — набежал на них Ветер. — Он же может вырасти и стать дубом.

— Нашей деревне дубы не нужны, — сказали телята. — Нам и ракитника хватит.

«Ну нет, — подумал Дубок, — я так просто не сдамся». Оправился маленько и пошел в рост. Поднялся, повыше, чтобы его телята достать не смогли.

Телятам он был теперь не по росту. Но увидели его лошади. Позарились на его листочки, объели их.

— Что вы делаете? — набежал на них Ветер. — Он же может вырасти и стать дубом.

— Нашей деревне дубы не нужны, — сказали лошади. — Нам хватит и верб.

«Ну нет, — подумал Дубок, — я так просто не сдамся». Оправился маленько и опять пошел в рост. Поднялся, расправил плечи и стал большим и могучим.

И заблеяли козлята:

— Вот и у нашей деревни Дуб есть.

Замычали телята:

— Наш Дуб. У нашей деревни вырос.

— А как же, — заржали лошади, — нашей деревне без Дуба нельзя.

И часто, когда становится жарко, лошади приходят под широкую тень его. Стоят и дремлют, слушают, как свистит в темных дуплах Ветер. Дупел было бы меньше у Дуба, если бы не ошипывали его когда-то козлята, не обирали его листочки телята, если бы не объедали его лошади. Но кто же знал тогда, что тоненький неуклюжий стебелек разрастется в такое могучее дерево!

ВИЛЯЙ

Жил у бабушки Агафьи пес Вилляй. Встарь еще жил, а до сих пор у нас на селе его помнят. Правда, Виллем его только дразнили, имя у него другое было, а какое — забыли все. Виллем его прозвали, когда он еще кутенком-ползуном был. Стоило, бывало, кому-нибудь остановиться возле него, как уж он хвостиком начинал повиливать.

— Трусись? — спрашивали его братья.

— Нет, — отвечал он.

— А чего хвостом водишь?

— Да это чтобы видели все, что я живой.

Так было, пока он ползуном был, но и когда подрос, не изменился. Стоило, бывало, кому-нибудь глянуть на него по-строже, а уж он начинал изгибаться, поскудивать, хвостом вилять.

— Трусись? — спрашивали его, бывало, соседские собаки.

— Нет, — отвечал он.

— А чего же ты перед каждым прохожим гнешься и хвостом виляешь?

— Да это чтобы видели все, что молодой я и у меня все в движении.

И когда старость его пригорбила, все таким же остался. Бывало, кого ни увидит, тому и кланяется, виляет хвостом обтрепанным.

— Трусись? — спрашивали его седые, уважаемые на селе псы.

— Нет, — отвечал он.

— А чего ж хвостом повиливаешь?

— Да чтобы видели все, что хоть и стар я, а гибок: вон как хвост гнется.

И трунили над ним щенки-шалуны при встрече:

— Дедушка Вилляй, хвостом повиляй, — и в открытую смеялись.

И он не обижался на них, говорил:

— Какие вы шутники, ребятишки, шутите над стариком. А я вот хоть и стар, а извивист, все во мне живет.

Давно уж он помер, а его все еще помнят на селе у нас. Правда, настоящее имя давно забыли, а вот что он Виллем был — помнят. Извивистый был пес, запомнился.

ВЕРБЛЮД С ИЗЪЯНОМ

Рождались на земле лошади, рождались коровы. Родился однажды и Верблюд. Поднялся на ноги, повел плечами. Чувствует — что-то есть у него на спине. Оглядывается — горб.

— Это еще зачем? — говорит.

Попробовал стряхнуть его — не стряхивается, торчит к небу лохматой шишкой. Ну торчит, и шут с ним, Верблюду успокоиться бы на этом. Что поделаешь, если таким родился?

Но сказал самому себе Верблюд:

— Если я с изъяном, значит, и другие не лучше. Только мой изъян сразу всем в глаза бросается, а у других его взглянуть надо.

И стал Верблюд изъяны у всех выискивать. Услышал — хвалят Соловья птицы, сказал:

— А поглядите, Соловей-то — серый.

— Зато песня у него какая, — напомнили птицы.

— Ну, знаете, песня песней, — сказал Верблюд, — а серость серостью.

И пошел по лесу, голову высоко задрал, как будто хорошее дело сделал. Идет, слышит — зайцы под кустом о Медведке разговор ведут. Хвалят его.

Остановился, сказал:

— А вы заметили: Медведь-то — косолапый.

— Зато он добрый, — напомнили зайцы, — никого зря не обидит.

— Ну, знаете, доброта добротой, а косолапость косолапостью, — сказал Верблюд и пошел дальше, а голову еще выше задрал, как будто еще одно доброе дело сделал.

Идет, слышит — говорят деревья о Месяце, хвалят его — ясный какой. Остановился, сказал:

— А вы знаете, оказывается, Месяц не своим светом светит.

— И все-таки он ясный, — напомнили деревья.

— Ну, знаете, ясность ясностью, а свой свет — это свой свет, — сказал Верблюд и пошел дальше.

Идет он по лесу, поглядывает искоса на свой горб и говорит:

— Все мы горбаты, только у каждого из нас свой горб. Иногда вроде и нет его, и все-таки он есть. Вон солнце, все как будто солнечное, а приглядитесь повнимательнее — с пятнами!

Говорит так Верблюд и высоко поднимает свою узенькую головку.

КОЗЛЕНОК И ЯШКА

Поглядел как-то Козленок на козла Яшку и видит: рога у Яшки хоть и высокие, но тупые и назад загнуты, а у него, у Козленка, остренькие, прямые, и он ими может ух как боднуть Яшку. И предложил Яшке:

— Давай с тобой, Яшка, бодаться.

Яшка лежал в тени под ивой. Отдыхал после еды. Посмотрел на Козленка посоловевшими от жары глазами, сказал тихо:

— Иди, милый, куда шел.

«Чувствует, что мои рога поострее, и робеет», — подумал Козленок и топнул тоненькой ножкой:

— Я пришел бодаться с тобой. Становись.

Но вставать Яшке не хотелось: он сытно поел, да и жарко было. Но и не хотелось обижать Козленка: поиграть ему, глупому, хочется.

Сказал Яшка:

— Жарко мне. И спать я хочу. Пободайся еще с кем-нибудь.

«А, — думает Козленок, — робеет Яшка. Только такого, робкого, и бодать его». И кольнул Яшку остренькими рожками в бок.

— Вставай. Я лежачего не бью. Лоб в лоб давай.

— Уйди, не донимай, — фыркнул Яшка.

— Не уйду, пока не пободаюсь с тобой. Вставай! — топнул Козленок и еще кольнул Яшку остренькими рожками.

Поднялся Яшка. Перешел под клен к оврагу. Может, здесь даст Козленок подремать ему. Но Козленок увидел — пошел Яшка, подумал: «Испугался. Почувствовал, какие у меня рожки колючие, и отступил!»

Догнал, пырнул Яшку под бок:

— Стой! Куда уходишь? Бодаться давай.

— Оставь меня, — фырчал Яшка. — Отойди.

— Не оставлю. Не отойду. Подставляй лоб, бодать тебя буду.

И Яшка подставил:

— Бодай, дьяволенок, шут с тобой.

Обрадовался Козленок. Поднялся на задние ножки и как даст в широкий с проседью лоб Яшки. И полетел в овраг.

Выбрался наверх, сказал:

— А ну, давай боднемся еще раз. Это я поскользнулся.

И еще раз в овраге оказался. Карабкался из него, думал:

«Как так? Мои же рожки и прямее и острее, чем у Яшки, а его почему-то бьют крепче. Я вон даже на ногах устоять не могу. Если попробовать еще раз...»

Но поглядел — далеко до красивой лететь, и не стал пробовать.

Проезжал дедушка Василий по мосту, вез яблоки из колхозного сада. И уронил одно в речку. Подхватила его речка и понесла, приглядываясь, кому бы подарить. Увидела — Енот с бережка ладошки полощет, подкатила ему:

— Угощайся.

Обрадовался Енот красному яблоку. Ест, думает: «Это, наверно, речка за то мне подарила его, что я ее проведать пришел. Что ж, я и завтра приду».

На другой день Енот пораньше встал, чтобы кто не опередил его. Прибежал, встал на камень, водой оглаженный, ждет, когда речка ему красное яблоко на песок выкатит.

Ждет-пождет, не несет ему речка яблока. Почему бы это? Подумал Енот и догадался: не знала речка, что придет он, потому и не приготовила для него яблоко. Откашлялся и сказал громко, чтобы слышно было:

— Завтра я опять приду тебя проведать, речка.

И пришел. Встал у берега. Ждет-пождет — нет яблока. Почему бы это? И догадался Енот — глядит теперь на него речка и думает: подарила ему яблоко, а уж он и за вторым идет. Охочий на дармовое.

Стыдно Еноту стало. Ушел он в лес и с месяц не показывался у речки, выдержку самому себе дал. А через месяц пошел. Шел, думал: «Теперь-то уж обязательно речка меня яблоком встретит — вон сколько не был».

Но речка и на этот раз не принесла ему яблока.

Удивился Енот — почему бы это? Подумал и догадался: обиделась речка. Дескать, не дала ему еще одно яблоко, он и ходить перестал, целый месяц не был.

И чтобы доказать речке, что он, Енот, не такой, как она думает о нем, что он не яблоками дружбу мерит, стал Енот каждый день приходить к речке. Придет, встанет на бережке, скажет:

— Пришел я.

Постоит на камне, водой оглаженном, водички похлеба-ет. Скажет, вздохнет будто:

— Завтра опять приду.

И приходит. Стоит на бережке, на воду смотрит. Верит Енот, увидит когда-нибудь речка, что он просто так к ней приходит, по дружбе, и прикатит к его ногам еще одно красное яблоко.

Стоял Кабан под дубом и ел желуди. Мимо Мышонок бежал. И ему захотелось желудей отведать. Попросился:

— Дядя Кабан, можно и я с тобой есть буду? Мама у меня заболела. Один я.

— Ешь, — разрешил Кабан и подвинулся, дал место Мышонку.

Едят они, а Мышонок и говорит:

— Ох ты и чавкаешь, дядя Кабан, ну как свинья.

Хрюкнул на него Кабан и прогнал со своей делянки:

— Вон отсюда!..

Прибежал Мышонок домой. Рассказал матери, как дело было. Забранилась на него Мышка:

— Как же ты мог Кабану сказать такое? Ведь свинья — мать его. Иди сейчас же и извинись.

А как извиниться, не сказала. Прибежал Мышонок к дубу. Встал перед Кабаном, пискнул:

— Прости меня, дядя Кабан. Я не знал, что твоя мать — свинья! Если бы я знал, что ты сын свиньи, я бы никогда не сказал, что ты ешь по-свински.

— Вон отсюда! — затопал Кабан и прогнал Мышонка со своей делянки.

Прибежал Мышонок домой, рассказал матери, как дело было. Забранилась на него Мышка:

— Ну кто же так извиняется? По-хорошему же надо. А ты опять обидел его. Иди по-хорошему извинись.

Но как извиняются по-хорошему, не сказала. Прибежал Мышонок к дубу. Говорит Кабану:

— Знаешь, дядя Кабан, хотя твоя мать и свинья, хоть и чавкаешь ты по-свински, хоть и пахнет от тебя свиньей...

Собирался Мышонок сказать дальше: «Все же ты Кабан, и Кабан хороший», — но не успел. Кинулся к нему Кабан, поддел пяточком и отшвырнул в сторону.

— Скройся с глаз, или разорву в клочья!

Прибежал Мышонок домой. Рассказал матери, как дело было. Забранилась на него Мышка.

— Разве так извиняются?

Поучила, как извиняться надо. Побежал Мышонок. Увидел его Кабан и пошел прочь от дуба:

«Ешь, — думает, — мои желуди. Я себе еще натрясу, только не вводи меня во зло. Могу не сдержаться я и такое с тобой сделать, что и самому потом стыдно будет».

Увидел Мышонок — уходит Кабан, подумал, глядя ему вслед:

«Эх и спесивый ты, дядя Кабан. Ушел и даже выслушать

меня не захотел. А ведь я прибежал сказать тебе, что хоть ты и сын свиньи и чавкаешь по-свински, все-таки ты не свинья, а Кабан и Кабан добрый. Вот ушел и целую делянку желудей мне оставил».

ЗАЯЧИЙ ПЛЕТЕНЬ

Построил себе Заяц дом и решил огородить его плетнем. Да повыше решил плетень выплести, чтобы никто не видел, что у него во дворе делается.

И представилось Зайцу: выплел он вокруг своего дома плетень высокий-превысокий. Идет вдоль него Медведь, шею вытягивает, на цыпочки привстает, хочется ему поглядеть, что там у Зайца во дворе делается, да не может: не по росту Медведю плетень заячий.

Остановился Медведь, спрашивает:

«Отгораживаешься, значит, от меня? Хоронишься?»

Ох как представил себе это Заяц, так тут же сразу и решил:

— Нет, выплету я вокруг своего дома плетень чуть-чуть пониже, чтобы Медведь видел, что у меня во дворе делается, а Волк и остальные все — ничего.

И представилось Зайцу: выплел он себе плетень чуть ниже. Идет вдоль него Медведь и все видит, что у Зайца во дворе делается, а Волк бежит вдоль плетня, тянет шею. Ему тоже хочется посмотреть, что там у Зайца во дворе делается, да не может — не по росту Волку плетень заячий.

Остановился тогда Волк и говорит:

«Медведю, значит, можно глядеть во двор к тебе, а мне нельзя?»

Ох как представил себе это Заяц, так тут же сразу и решил:

— Нет, выплету я себе плетень еще чуть пониже, чтобы Медведь с Волком видели, что у меня во дворе делается, а уж Лиса и остальные все — никто.

И представилось Зайцу: выплел он себе плетень еще чуть ниже. Идут вдоль него Медведь с Волком и все видят, что у Зайца во дворе делается, а Лиса бежит вдоль плетня, припрыгивает, хочется и ей заглянуть во двор к Зайцу, да не может она — не по росту Лисе плетень заячий.

Остановилась тогда Лиса и говорит:

«Медведю с Волком, значит, можно глядеть во двор к тебе, а мне нельзя?»

Ох как представил себе это Заяц, так тут же сразу и решил:

— Нет, выплету я свой плетень еще чуть ниже, чтобы Медведь, Волк и Лиса видели, что у меня во дворе делается, а уж остальные все — никто.

И представилось Зайцу: выплел он себе плетень еще чуть ниже. Идут вдоль него Медведь, Волк и Лиса и все видят, что у него во дворе делается, а Мышка, серенькая Мышка, бежит вдоль плетня, на цыпочки привстает, подпрыгивает. Хочется и ей заглянуть во двор к Зайцу, посмотреть, что же у него там делается, да не может: не по росту Мышке плетень зайчий.

Присела она тогда и говорит:

«А, если я маленькая, если я серенькая, то от меня отгораживается даже Заяц!..»

Представил себе это Заяц и стыдно ему стало перед маленькой Мышкой: только от нее одной и отгородился он вроде. Махнул лапой:

— Да не буду я никакого плетня плести. Пусть все глядят, что у меня во дворе делается. Я бессекретный, мне себя за высокий забор хоронить нечего.

ЛЕЗ МУРАВЕЙ НА СОСНУ

В роще еще была ночь, но Муравей уже проснулся у себя в муравейнике и тихо чтобы никого не потревожить, начал пробираться по темному коридору наружу. Выбирался он долго и, когда выбрался, увидел, что в рощу входит рассвет. Значит, там, в полях за рощей, загорается заря.

Звезды уже начали блекнуть и осыпаться с неба, как осыпаются с деревьев отзеленевшие листья. Неподалеку, в дупле липы, засыпая, прохохотал сильным голосом филин.

— Не опоздать бы, — сказал Муравей и полез на сосну.

Он не видел, что следом за ним, крадучись, вышел из муравейника сосед его и тоже стал взбираться на сосну. Сосед заметил, что каждое утро Муравей, таясь ото всех, залезает зачем-то на сосну, и решил вызнать, что он на ней делает. Хитрой сноровки был сосед, все ему знать хотелось.

Муравей лез быстро. Он немного проспал сегодня и потому торопился. Сосед едва успевал за ним. И был осторожен. Он даже сопеть боялся, чтобы Муравей не услышал. Одним громким вздохом можно загубить все, а губить не хотелось.

«Дело опасное, — подбадривал он самого себя, — поостеречься надо. Объявишься — и не узнаешь, что Муравей на сосне прячет».

А что Муравей чего-то прячет на сосне, сосед не сомневался, иначе зачем бы он на нее каждое утро лазил.

«Сегодня узнаю. Он еще умом короток, чтобы обхитрить меня. Выслежу, не таких выслеживал».

Муравей вскарабкался на самую макушку сосны и стал смотреть в сторону востока. Там розовые дымились в заре облака. Муравей глядел на них и шептал:

— Скоро. Уже скоро. Я вижу — близко уже.

И глаза его были розовыми от зари.

Сосед тоже смотрел в сторону востока. Видел небо. Оно упиралось в окраек поля, и заря как будто бы старалась поджечь его. Ничего особенного перед собой он не видел.

И вдруг Муравей закричал:

— Вот оно! Выкатывается. Значит, и сегодня оно будет светить нам!

— Кто? — не выдержал и спросил сосед.

И только тут Муравей увидел его, и глаза его засветились радостью:

— Ты тоже здесь? Ты тоже пришел посмотреть, как расцветает солнце! Правда, в его восходе есть что-то такое... такое? Я каждый день поднимаюсь сюда, чтобы посмотреть, как оно всходит из-за полей.

Сосед ничего не сказал на это. Сопя, он понуро пополз вниз. Он думал: у Муравья на сосне что-то спрятано, может, что-то из еды, и тот поделится с ним. Он так хитро крался за ним, таился, не во всю грудь дышал даже, а на поверку одни пустяки вышли, дурачество.

«Зря лазил, живот оцарапал только и в росе изгваздался. Эх, и бывают же дураки на свете, которые сами не спят по утрам и других с толку сбивают... Запретить бы дуракам рождаться».

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Обветшали у медведя Спиридона и медведя Лаврентия берлоги. Самим подправить — сил нет, одряхлели медведи, состарились. Медвежат помочь попросили. Медведь Лаврентий Ивашку позвал, а медведь Спиридон — Мишука.

— Помогите, ребятки, зима скоро.

Откликнулись медвежата, пришли. Правда, Ивашка без всякой радости приглашение принял. Он сызмала к делу не привык. Но мать сказала:

— Иди.

И соседи сказали:

— Сходи.

И Ивашка пошел. Нагреб листьев дубовых, постель мед-

ведю постелил. Попытал — жестковато. Надо бы еще подстелить, чтобы помягче было. Но так рассудил Ивашка:

— И чего это я радеть буду, силу тратить. Для себя, что ль, стараюсь? И так сойдет. Не мне спать — Лаврентию, поспит, зиму ведь только.

Слукавил медвежонок, поприберег силу.

За вход принялся. Косяки новые срубил, дверь навесил. Смотрит — эх, не рассчитал он немного. Повыше бы надо. Поскреб в затылке — переделать если?

Но тут же сказал:

— И чего это я радеть буду, силу тратить? Не мне ходить, нагибаться — Лаврентию. И так сойдет.

А Мишук в это время у медведя Спиридона трудился. Настелил постель новую. Полежал на ней, поднялся.

— Жестковата, а на ней зиму лежать. Мне жестковата, а медведь Спиридон остарел, подносился, ему еще жестче будет. Умягчить надо.

Принес еще охапку пахучих дубовых листьев, уложил на кровать. Полежал, сказал:

— На такой двум старикам лежать можно и не устанут, бока не отлежат.

Дверь ремонтировать начал. Смотрит — низковата, повыше притолоку поднять надо, чтобы медведю Спиридону не пригибаться, когда он в берлогу входит.

— Стар он стал — гнуться-то. Да и дела не так много. Порадеть надо для старика.

И перестроил Мишук дверь медведю Спиридону.

Закончили медвежата дело свое, попрощались с медведями. Осмотрел медведь Лаврентий свою берлогу, сказал:

— Спасибо, мне самому и так бы не сделать: сил нет.

А медведь Спиридон осматрел работу Мишука и сказал:

— У, если бы у меня сноровки такой, как у тебя, Мишук. Сделал: нет у меня сноровки такой, как у тебя, Мишук.

И ходит теперь по лесу, говорит всем:

— Придите, поглядите, как мне Мишук берлогу отделал. Светло, чисто, будто солнышко зажег в ней.

А медведь Лаврентий, тот ничего не говорит, и Ивашка обижается на него. Сказал Мишуку при встрече:

— Отчего это так: делали мы с тобой, Мишук, одинаковое дело, а хвалят одного тебя. Как думаешь, почему?

— Наверное, у медведя Спиридона сердце доброе.

И Ивашка согласился:

— Наверное.

И тут же пожалел:

— Лучше бы мне досталось медведю Спиридону помогать: теперь бы он меня хвалил.

КАК ЗАЯЦ ГОРБАТЫМ СТАЛ

Родился в лесу Заяц, маленький, с ушками. Распрямился во весь рост, приосанился, вроде побольше стал.

— Так, — говорит, — и буду теперь прямым ходить.

Только сказал так, глядь — выходит из-за куста Лиса. Как увидел ее Заяц, так и сгорбатился:

— Не ешь меня, Лиса, я только родился, еще пожить даже не успел.

Лиса и не думала его есть, но видит — кланяется ей Заяц, махнула лапкой:

— Живи.

Разрешила будто.

Прошла Лиса, а Заяц подумал: «Ох, рано мне еще прямым-то ходить. Увидят и скажут: возгордился Заяц, во весь рост ходит. Вот подрасту, тогда и выпрямлюсь», — и остался сгорбленным.

Подрос Заяц, окреп. Женился даже и зайчатками обзавелся.

— Вот теперь, — говорит, — можно и распрямиться.

Только сказал так, а Волк выходит из-за куста. Как увидел его Заяц, так и сгорбился еще больше.

— Не ешь меня, Волк, у меня детишки малые, надо их до дела довести.

Волк и не думал есть Зайца, но видит — кланяется ему Заяц, махнул лапой:

— Доводи.

Разрешил будто.

Ушел Волк, а Заяц и думает: «Ох, рано мне еще прямым ходить. Вот выращу ребят...» И остался сгорбленным.

Вырастил Заяц ребят. Переженил их. «Ну, — думает, — теперь можно и распрямиться, во весь рост встать, большим себя показать».

Только подумал так, а Медведь — вот он, лезет из-за куста. Как увидел его Заяц, так и сгорбатился еще больше:

— Не ешь меня, Михайло Иванович, дай до старости дожить.

Медведь и не думал обижать Зайца, но видит — кланяется тот ему, сказал:

— Доживай.

Разрешил будто.

Смотрел Заяц, как уходит Медведь, и думал: «Ох, рано мне еще во весь рост-то ходить. Вот доживу до старости, тогда и выпрямлюсь, покажу всем, какой большой я».

И ходил Заяц по лесу до старости и все гнулся перед каждым, горбатился. До седин дожил, до большой дряхлости.

— Вот теперь, — говорит, — можно и распрямиться, ббльшим себя показать. Отнять у меня теперь нечего: жизнь я свою прожил, у меня ее теперь не отнимешь.

Попытался Заяц распрямиться, да не тут-то было — привыкла спина его согнутой быть, заостенела. Так и ходит Заяц по лесу горбатеньким, кланяется всем.

ЕСТЬ И У ШАКАЛА СВЕЧКА

Раздобыл Шакал свечку. Принес домой. Зажег. И видно стало все вокруг: и жену видно, и кровать видно, и даже маленьких шакалят видно.

И сказал Шакал:

— Как хорошо, оказывается, жить со светом. Раньше мы с тобой жена, только слышали друг друга по ночам, а теперь можем сидеть и видеть.

И сказал твердо:

— Всегда теперь со свечкой жить будем.

Ко двору вышел. Смотрит: окошки его светом залиты. Сказал:

— Это хорошо, теперь кто ни посмотрит, всякий скажет: и у Шакала в доме свечка горит.

Из окошка свет полосой на дом соседа падал. А в соседях у Шакала Барсук жил. Сидел он на завадинке весь на свету и рассказывал ребятишкам сказки. Увидел это Шакал и за грудь схватился:

— Хват какой! Моим светом пользуется. А! Не выйди я ко двору, так бы и светила ему моя свечка, расходовалась. Нет, шалишь, на чужое рот разевать нечего.

Вбежал поскорее в дом и задул свечку.

— Уж лучше сам, — говорит, — в потемках сидеть буду, но не допущу, чтобы моя свечка соседу светила. Пусть он себе добудет свечку, тогда и я свою зажгу.

И живет Шакал в темноте. Ничего не видит, на ощупь живет. Выставит вперед лапки, чтобы лбом обо что не стукнуться, и идет по дому, жену ищет:

— Где ты, жена?

Ходит Шакал во тьме, ищет жену свою, а свечку не зажигает: не хочет, чтобы его свет соседа радовал.

КОЛЕТ БУРУНДУК ОРЕШКИ

Заболели у Бурундука зубы, неумоготу стало ему орешки грызть. Попробовал камешком колоть их — лапки отшиб. Увидел, белка по веткам кедровым скачет, окликнул ее.

— Зубы, — говорит, — у меня болят: вишь, как щеку раздуло. Давай ты мне будешь орешки грызть, а я тебя буду кормить за это. У меня орехов напасено много.

Согласилась Белка. Усадил ее Бурундук за стол, орешками потчует:

— Сперва сама поешь, а потом уж мне грызть будешь.

Наелась Белка, стряхнула скорлупки ореховые с груди, спрашивает:

— Сколько тебе на день орешков нужно?

— Да пятьдесят разгрызи и хватит мне, — сказал Бурундук и насыпал перед Белкой горку орешков. — И не спеши, я тебя не тороплю. Как управишься. Сам знаю — нелегкое это дело.

Подсела Белка к орешкам — хруп, хруп, — нахрупала пятьдесят штук, придвинула к Бурундуку:

— Ну вот, тебе на день хватит. Ешь, а я побегу поиграю.

Взбежала по кедру на макушку и ну по веткам скакать. И призадумался тут Бурундук, раскинул умом пошире. Нет, думает, плутовство это: час работать — день гулять. Он думал, что Белка весь день будет ему орешки грызть, а она за полчаса управилась.

И сказал Бурундук Белке:

— Не нужна мне такая помощница: ты на меня всего полчаса работаешь, а я тебя весь день корми.

— Так я же тебе на весь день орешков нагрызаю, тебе же больше не надо.

— И все равно плутовство это, — сказал Бурундук и прогнал Белку.

И теперь по всем дням сидит Бурундук у пенька и колет на нем орехи камешком. Один раз попадет по ореху, а три раза по пальцам. Плачет от боли, а Белку не зовет: уж больно быстро она с работой управляется, за что ее кормить?

ВЕРТИХВОСТ И ФЕДОТКА

В полночь сидел пес Вертихвост у своей конуры и думал: почесать ему левой задней ногой за ухом или нет. Потом посмотрел: висит ли на месте Большая Медведица, и уже хотел было лезть в конуру, как вдруг услышал — на соседнем дворе лает щенок Федотка.

«Чего это он? — подумал Вертихвост. — Может, к нему жулики лезут? А Федотка-то еще щенок, помочь ему надо».

Рассудил так Вертихвост и через минуту просунул к Федотке узколобую башку в подворотню. Зыр, зыр по сторонам.

Удивился:

— Ты чего это, Федотка? Нет никого, а лаешь?

— Политика, — расплылся Федотка в улыбке. — Услышит дед — лаю я, и кормить лучше будет. Оно как в жизни? Кто громче лает, тому больше и дают. Видимость надо создавать.

«О! — восхитился Вертихвост. — Мал малец Федотка, а хитро придумал — видимостью хлеб зарабатывать. Такой далеко пойдет. Быстро в кобели выбьется».

Прибежал Вертихвост домой, залез на завалинку. Сел под хозяйскими окнами и давай лаять. Да так громко, что даже звезды на небе вздрагивать начали.

Немного погодя растворилось окошко, высунулся дед Василий. В один конец улицы посмотрел — нет никого, в другой посмотрел — ну нет же никого. А Вертихвост увидел — смотрит дед, и еще громче лаять начал, так весь аж и вытягивается.

Скрылся дед. Немного погодя снова появился с подшитым валенком в руке. Как долбанул Вертихвоста по башке, так он и спикировал с завалинки.

— Будешь знать, как в заблуждение вводить, брехать попусту, — выругался дед и захлопнул окошко.

Сидел после этого Вертихвост за сараем, почесывал на затылке шишку и ругал самого себя:

— Ну не дурак ли я, а? Ну зачем я на завалинку полез? Надо было кидаться в темноту, к саду. Подумал бы дед — волки, и побоялся бы выйти. Федотка, тот хоть и маленький, а похитрее: тот вообще лает, а я полез под хозяйские окна.

Но хоть и завидовал Вертихвост Федотке, сам после этого никогда больше видимостью хлеб не зарабатывал.

МЕДВЕЖЬЕ ЯБЛОКО

Проходил Медведь под яблоней и заметил яблоко на вершине. Постоял, поглядел на него, пятерней в затылке поскреб. Сказал:

— Налилось, да недоспело. Но ничего, дойдет.

Только сказал так, а Енот и вышел из-за березы. И не звал его Медведь, сам вышел, лишний раз на глаза показаться, авось пригодится.

— Что, Михайло Иваныч, яблочком любишься?

— Любуюсь, — прокрихтел Медведь, — да оно зеленоватое пока. Не дошло.

И вдруг насупился, сдвинул косматые брови. Забавил:

— А ты что, тоже на него заришься? Смотри у меня. Это яблоко я себе выглядел. Доспеет, сорву.

Сказал и ушел, а на Енота будто столбняк напал. С места сдвинуться не может. Хлопает себя лапками по груди, приговаривает:

— Ах, батюшки! Как же мне теперь быть? Сорвет кто-нибудь яблоко, а Медведь меня виноватить будет. Ах ты, недоля какая!

Стоит Енот под яблоней, сокрушается, пугает себя:

— Что же мне теперь делать? Случись пропажа, затранит меня Медведь, из рощи выживет. Как спасти себя?

Долго думал. Придумал-таки:

— Буду караулить медвежье яблоко.

Вырыл нору поблизости, перебрался к яблоне со всей семьей. Днем жена дозорила, прела на солнышке, предупреждала всех:

— Это вот яблоко Михайлы Иваныча. Он его себе выбрал. Смотрите не сорвите.

А ночью Енот сам караул нес. Страшно было, дрожью исходил весь, но все-таки стерег медвежье яблоко. На каждый шорох отзывался:

— Эй, кто там? Проходи мимо. Тут я, Енот, стою, Михайлы Иваныча яблоко караулю.

Особенно тяжело осенью стало. Дожди пошли. Давно уж вызрело яблоко, переспело даже, а медведь все не шел за ним. Стоял Енот под дождем, прикрывался дырявым лопухом, прыгал с ноги на ногу, грелся, приговаривал:

— Сейчас надо особенно начеку быть. При такой погоде да еще темной ночью и не уследишь, как сорвет кто-нибудь яблоко, а Михайло Иваныч на меня будет думать.

Медведь и не помнил о яблоке, спать уже на зиму в берлоге своей завалился, а Енот все ждал его, прикрывался от дождя лопухом, прыгал с ноги на ногу, грелся. А по ночам откликался в темноту на каждый шорох:

— Эй, кто там? Проходи мимо. Здесь я, Енот, под яблоней прыгаю, медвежье яблоко караулю.

ЕСТЬ ДРУГ И У ФИЛЬКИ

Вы, наверное, знаете уже, что барсук Филька жил диковато. Друзей у него не было, потому что Филька считал, что друг — это одно беспокойство: то сам к тебе в гости плетется, то тебя к себе в гости зовет. Потому и жил Филька без друзей, чтобы никакого беспокойства не было, и говорил, что только так и надо жить — ото всех наособицу.

И вот как-то поселился рядом с ним барсук из Осинни-

ков. Голодно ему там стало, он и перебрался с семьей в Гореловскую рощу. Вечером к Фильке пришел, от своей избы до его траву промял.

— У тебя там не найдется, сосед, пожевать чего-нибудь? Пока устраивался на новом месте, ничего добыть не успел. Я бы и так переспал, да ребяташки пристали — сходи попроси у соседа чего-нибудь.

В кладовке у Фильки были припрятаны три мыши да лягушка. Филька с запасцем жил, всего у него всегда вдосталь было. И есть ему не хотелось, поужинал уже. Можно было отдать соседу, но так рассудил Филька: бойкий какой сосед ему попался, видать, от всякого куска урвать норовит.

«Не успел оглядеться и уже просить идет. Навадишь, потом не отстанет, так и будет ходить — дай да дай. Нет, милый, в чужой прудок не закидывай неводок», — подумал Филька, а вслух сказал:

— От всей души поделился бы с тобой да нечем: все запасы истощились вчера еще.

— Ну и ладно, так переспим, — извинился сосед и закрыл за собой дверь.

Долго в эту ночь не мог уснуть Филька, все ворочался, ворчал:

— Нестоящий сосед угодил мне. Не повезло. Охочий, видать, до чужого. Дай потачку, он и тропу к моему дому проторит. Навык, наверное, у себя в Осинниках шататься, и у нас с того же начинается. И совести хватило слово такое черное сказать — дай. Думал, наверное, что глупее себя нашел.

Уснул уж под утро. И спал плохо: кошмарный сон сердце томил. Снилось Фильке, будто стоит перед ним сосед, рядом с ним жена его и дети их. И все тянут к Фильке лапы и все просят:

«Дай, дай».

Филька так метался в постели, что с кровати свалился. Голова болела — ничуть не отдохнул. Вышел во двор, смотрит — а уж сосед с охоты возвращается, связку мышей несет. Отобрал парочку пожирней, протянул Фильке:

— На, сосед. Когда ты еще себе добудешь, а перехватишь малость, оно на душе-то потеплее будет. Бери.

Отчего не взять, коли дают? Взял Филька, подумал: «Чудной какой-то сосед у меня, легко говорит как — на! У самого детей куча, а он со мной делится. Чудной».

В другой раз наловил сосед лягушек на озере и опять парочку Фильке занес. Фильки у двора не было, так он ему в окошко поддал.

— Развлекись маленько, пожуй на досуге.

Взял Филька, улыбнулся: ну и сосед! Глупый, видать:

и не просишь — сам дает. Нисколько экономить не умеет. Ну и пусть делится, разве Фильке от этого хуже?

А однажды увидел Филька — сосед суслика поймал. И захотелось ему сусятинки отведать. Пришел он к соседу, просит:

— Дай кусочек.

А сосед обрадовался, что Филька навестил его. Всегда мимо норовил пройти, а тут зашел. Всего суслика отдает ему:

— Чего кусочек? Целого бери. Уж есть так есть — досыта, чтобы помнилось — наелся!

— А ты как же? Ты еще, поди, не ужинал?

— Обойдусь. Я веселый, а веселым меньше еды надо: они смехом сыты.

— И дети вон у тебя, — напомнил Филька.

— И они потерпят. Мы в обед сытно поели, можем и без ужина обойтись. Водички похлебаем и проспим до утра. Мы веселые, безунывные. Бери!

Дома у Фильки хомяк припрятанный лежал, да и без него было у Фильки поесть что, а сосед последнее отдал, и себя и детей без ужина оставил.

Нес Филька суслика к себе, и тяжелым он казался ему, к земле тянул. Стыдно было Фильке, первый раз в жизни стыдно было.

Не выдержал Филька, воротился с половины дороги и отдал соседу суслика.

— Понимаешь, — говорит, — пока шел от тебя, хомяка поймал. Идем ко мне. И ребят своих бери. Заодно поужинаем.

— Да они уже спать легли.

— Ну возьми тогда суслика. Утром они встанут, ты и покормишь их, а сам идем ко мне. И жену бери. Знаешь, какой хомяк жирный попался! И большой. Одному его ни за что не съесть.

ДАР ПОЛЕТА

Вывелся у домашней Гусыни желтенький Гусенок, и повела она его на озеро купаться. Они плавали возле прошлогодних камышей, когда на воду опустились две большие птицы. Серые, они были похожи на обыкновенных домашних гусей, но в их глазах было что-то диковатое, небесное.

— Кто это? — спросил Гусенок.

— Наши дикие братья, — ответила Гусыня. — Они прилетели с юга, куда улетали на зиму.

— А мы тоже осенью улетим на юг?

— Зачем? Нам и здесь неплохо. У нас теплые сараи и нас хорошо кормят.

— А почему же они наши братья?

— А потому что и вы и мы когда-то летали в одной стае, — отозвался один из диких гусей, — но вас приручили, и вы забыли о небе, стали домашними. Летим, брат, — окликнул он своего соседа и, раскинув над озером тяжелые крылья, они бесшумно ушли в небо.

Гусенок посмотрел, как летят они уже под облаками, сказал:

— Вырасту — и я так же летать буду.

— Нет, — сказала мать ему, — ты никогда не будешь летать, сын мой: став домашними, наши предки утратили дар полета, и поэтому нам никогда не быть в небе.

Это было весной. Вскоре Гусенок забыл об этом. Сытно ел, сладко спал. Располнел, стал тяжелым и жирным Гусем. И все лето ни о чем не думал, а осенью вдруг затосковал. Худел, хирел. Ему чего-то хотелось, а чего, он и сам не знал.

Над дальними курганами, сбиваясь в стаи, кружили грачи. Гусь смотрел на них с тоской и спрашивал у Петуха:

— Чего это они ватажатся?

— В отлет собираются. Осенью все птицы улетаю́т на юг.

— А мы как же? Мы ведь тоже птицы.

— Птицы, но только домашние. Нам в небе делать нечего. Нам и в сарае хорошо, — ответил Петух и побежал за курицей.

А Гусь смотрел, как кружат грачи, и думал: «Здесь что-то не то...» Ночью он не пошел в сарай спать. Сидел посреди двора и тихо постанывал.

И вдруг он услышал плеск крыльев. Поднял голову. Высоко среди звезд летела стая диких гусей. Освещенные луной, они четко вырисовывались на черном небе. И чтобы не затеряться среди звезд, перекликались между собой:

— Ka-га! Ka-га!

Они были уже за селом, когда Гусь вдруг сорвался с места и побежал по улице, шлепая широкими лапами по мягкой прохладной пыли. Он бежал и кричал:

— Я тоже хочу в небо! Я тоже хочу к звездам! Я тоже хочу летать!

Только сейчас, увидев стаю диких гусей над спящей деревней, он понял, что все эти дни тосковал о небе, о дальних дорогах.

Тяжелый, неуклюжий, разбросив крылья в стороны, бежал он по пыльной ночной улице и кричал:

— Возьмите и меня с собой, братцы! Я тоже птица! У меня тоже есть крылья!..

Он подпрыгивал, пробовал лететь. Падал и снова подпрыгивал. А дикие гуси улетали все дальше и дальше.

КАТАЛСЯ НА РЕЧКЕ ВЕТЕР

Случилось как-то Ветру пробежать мимо нашей деревни. Слышит — шумят ребятишки на речке. А берега у речки крутые, тальником заросли, не видно, чего это они там, а узнать хочется. Свернул Ветер к речке, хоть и нечего ему там было делать, а все равно свернул — любопытно все-таки поглядеть, что это детвора на речке кричит и хохочет.

Прибегает, спрашивает:

— Что это вы тут поделяваете?

Смотрит, а на речке — лед: чистый, прозрачный, от берега до берега и во всю длину. Катаются по нему ребятишки. Кто на коньках, кто просто на ботинках. Колька Грек только что вон где был, а теперь ишь куда уже укатил. Хочет:

— Хо-хо-хо!

И речка ему таким же хохотом отзывается.

Обрадовался Ветер нечаянной встрече. Захотелось и ему прокатиться. Спрыгнул он с обрыва на лед и покатился по нему. Ждал — закричат сейчас ребятишки: «Ветер с нами! И Ветер катается».

Но никто о нем не сказал ничего. Не понравилось это Ветру. Ванька Мартышкин покатился, шлепнулся, так о нем сейчас же по всей речке пронеслось:

— Ванька упал!.. Ха-ха-ха!..

А ведь он, Ветер, тоже только что растянулся на льду, и никто над ним не посмеялся, никто ничего не сказал. Будто и нет его вовсе.

И подпрыгнул тут, прошуршал Ветер:

— Ну конечно, я же для них в самом деле что есть, что нет. Меня же не видно...

И вздохнул:

— Эх, снежку бы теперь. Покатился бы я по льду, задымил бы он за мной белым дымком, и увидели бы все: вот он я — катаюсь вместе со всеми.

Поднялся Ветер в небо, облетел округу, отыскал над Ивановкой тучку, привел ее к нашему селу. Правда, снега в ней мало было. Да зачем его много-то? Немножко есть и ладно.

Натряс Ветер снежку из тучи на лед и спустился опять к ребятишкам. А они еще больше разозорвались. Щеки у всех красивые и глаза веселые.

«Шуму-то, балованья-то сколько! — обрадовался Ветер. — Вот и я сейчас поиграю с ними. Больно уж я поозоровать люблю».

Разбежался он, покатился по льду, оглянулся — дымит за ним снежок дымком белым. Это хорошо, теперь его видно.

И еще быстрее покатился Ветер. И слышит, кричит кто-то из ребят:

— Смотрите, поземка с нами катается!

И понеслась по речке разногосица:

— Поземка катается! Ура поземке!..

— Ну вот, — вздохнул Ветер, — катаюсь я, а они думают — поземка. Плохо быть невидимкой.

Досада его тут взяла. Сперва он даже хотел было обидеться и убежать в степь, но потом решил:

— Останусь здесь. Пусть они считают, что это поземка. Но я-то точно знаю, что катаюсь-то я, Ветер, а поземка, она так просто, со мной бегаёт. Следы мои снежком припудривает.

И остался с ребятами на речке. И до позднего катался по льду с ними, хоть они его и не видели.

РАЗДОБЫЛ ЗАЯЦ МАГНИТОФОН

Раздобыл Заяц магнитофон, прибегает к Медведю:

— Порычи, Михайло Иванович.

— Это зачем еще?

— Да ты уж порычи, пожалуйста, долго тебе, что ли. Ты же привык на всех рычать-то.

— Ну это когда в дело, а так, без дела, зачем же я на тебя рычать буду?

— Да ты уж порычи, Михайло Иванович, пожалуйста. Ну... ну за будущую мою провинность, авансом, вперед порычи на меня.

Порычал Медведь:

— Р-р-р.

— Ой, — скривил Заяц раздвоенную губку и заморщился, — ну ты и порычал. Мне и то не страшно. Вот стою я перед тобой, и у меня даже коленки не подрагивают. А ты так рыкни, чтобы мне сразу вон где быть захотелось.

И рывкнул Медведь в сердцах во всю пасть свою:

— Рррр!

Так и заходили у Зайца уши на голове. Поймал он медвежий рык на магнитофонную ленту, сказал:

— Ух, вот это ты рывкнул, Михайло Иванович, попроси

тебя второй раз — не сумеешь. До дрожи! Спасибо, не погордился, от души рывкнул. А теперь скажи: «Ты зачем сюда идешь? Проходи мимо».

— Да зачем тебе это?

— Да уж надо, раз прошу. Ты уж скажи, Михайло Иванович, долго тебе, что ли?

— Да чего это я на весь лес орать-то буду, ворон пугать?

— Ну, пожалуйста, Михайло Иванович. Ведь и сказать-то нужно совсем немножко.

Сказал Медведь:

— Ты зачем сюда идешь? Проходи мимо.

— Ой, — скривил Заяц раздвоенную губку и заморщился. — Ну и сказал, я и то не дрогнул. А ты так скажи, чтобы от одного твоего голоса в кусты бежать захотелось, чтобы ясно стало, что сюда идти незачем, что нужно идти мимо.

И рывкнул Медведь во всю свою грудь медвежью:

— Ты зачем сюда идешь? Пр-р-роходи мимо!

Аж желуди с дуба посыпались.

Поймал Заяц медвежий рык на магнитофонную ленту, похвалил:

— Ух, Михайло Иванович, вот это ты рывкнул сейчас. Дня три твой голос в ушах стоять будет, во сне даже присниться может... А теперь скажи: «Это мой Заяц. Никогда не смей его трогать».

— Знаешь что, — привстал с лавки Медведь, — беги отсюда, пока я не рассердился, а то как зафутболю.

— Я убегу, Михайло Иванович, я у тебя не останусь, ты скажи только, долго тебе, что ли. И сказать-то надо совсем немножко.

— Да зачем я орать-то буду? Я и так уж укричался. до пота.

— Ну, Михайло Иванович, ну, пожалуйста, — просил Заяц. — Ведь совсем же немного нужно сказать, а, может, от этих твоих слов вся моя дальнейшая жизнь зависеть будет.

Сказал Медведь:

— Это мой Заяц. Никогда не смей его трогать.

— Ой, — скривил Заяц раздвоенную губку и заморщился. — Ну что ты как сказал? Разве такие великие слова так говорить надо? Вот я стою перед тобой и никакой дрожи в себе не ощущаю. А ты так скажи, чтобы ясно было, что Заяц-то твой, и трогать его никому не разрешается.

И рывкнул Медведь из последней мочи:

— Это мой Заяц! Никогда не смей его трогать!

И даже ногой топнул. Заяц аж присел.

— У-у, Михайло Иванович, вот это ты сказал. Один раз

услышишь и с неделю за семью запорами у себя дома трестись будешь.

Закрыв Заяц свой магнитофон и ушел домой. Только пришел, только есть собрался, смотрит, а Волк идет по тропинке к его избушке. Увидел его Заяц и — раз! — включил свой магнитофон. Ка-ак магнитофонная лента рывкнет медвежьим басом:

— Rrrr!

Волк так и поехал по траве на тощих половинках.

А из заячьей избушки громовым медвежьим голосищем:

— Ты зачем сюда идешь?

— Заяца проведать, Михайло Иваныч, Заяца проведать.

— Пр-проходи мимо!

— Хорошо, Михайло Иваныч, хорошо.

А из заячьей избушки громадно, во всю рощу:

— Это мой Заяц! Никогда не смей его трогать!

— Хорошо, Михайло Иваныч, хорошо, — упрятился Волк в кусты, а там как пошел чесать по ним, аж за Косым оврагом оказался, три дня обратно дорогу отыскивал.

И с той поры пошла у Заяца совсем не заячья жизнь. Как увидит — идет кто-то к его домику, так сразу — хоп — и включает свой магнитофон, и сейчас же на дорожке пусто делается. Да и дорожку-то проторили уже за семью просеками от его избушки.

Много лет с той поры прошло, потерялась давно у Заяца магнитофонная лента с медвежьим голосом, но и потертая, она все еще ему помогает.

ЛОСЬ ИЗ ГОРЕЛОВСКОЙ РОЩИ

Подружился Лось из Осинников с Лосем из Гореловской рощи и уманул его к себе жить.

— Вместе, — говорит, — всегда будем.

Лось из Гореловской рощи сначала упирался, не шел.

— Я, — говорит, — здесь родился. Здесь у меня все свое. Каждая тропинка, каждое деревце знакомы.

— И у меня в роще все узнаешь, со всеми перезнакомишься.

И Лось согласился, пошел. И правда, быстро освоился в Осинниках: роща не лес, здесь все на виду. И все бы хорошо, но однажды попил он воды из озера и говорит:

— Эх, поставить бы вон с той стороны две плакучие ивы, а вот здесь камень бы замшелый утвердить, и было бы это озеро совсем, как мое.

— Придумаешь ты тоже, — сказал Лось из Осинников. — Если с той стороны поставить плакучие ивы, а

здесь камень утвердить, тогда это будет твое озеро, а сейчас оно мое.

Ничего на это не сказал Лось из Гореловской рощи. Только как-то вскоре после этого проходили они мимо горы. Остановился он, задрал вверх голову и говорит:

— Эх, если бы этой горе да побольше лысинку, да вон там оврагом бы ее разрезать, да голубей бы сверху посадить, то была бы она совсем, как моя гора.

— И придумал же ты опять, — сказал Лось из Осинников. — Да если эту гору побольше вылысить да оврагом прорезать, да голубями ее подголубить, то она уже будет твоей горой, а сейчас она моя.

Ничего и на это не сказал Лось из Гореловской рощи. Только как-то идут они с товарищем по полянке, а он остановился вдруг и вздохнул:

— Эх, — говорит, — если бы вон ту березку переставить вот сюда, а эти дубки убрать и на их место поставить сосенку с сорочьим гнездом, то была бы она совсем такой, как у меня в роще.

— Ну что ты все выдумываешь, — сказал Лось из Осинников. — Если ту березку переставить сюда, а на место этих дубков поставить сосенку, да еще с гнездом сороки, то это уже была бы твоя полянка, а сейчас она моя. Понимаешь — моя.

— Вот и я об этом же думаю, — сказал Лось из Гореловской рощи. — Если здесь ничего моего нет, тогда зачем же я здесь?

Сказал и пошел к себе в Гореловскую рощу. Сперва не быстро шел, нормально, но чем ближе подходил к родным местам, тем все махистее шаг делал. Потом побежал...

ОПОЗДАЛ

Стареньким стал медведь Тяжелая Лапа. Осунулся, сторбатился — совсем старичок. Уж и не ходил ни к кому. Все больше сидел на завалинке у берлоги да на солнышке грелся. И вот приходит как-то к нему Смерть и говорит:

— Готовься. Пора. Отстучали твои часы.

Села на пенек и давай ножик точить о половинку кирпича — жик-жик, жик-жик. Спокойно так, смертельно. Поднялся медведь Тяжелая Лапа.

— Что ж, — говорит, — пора так пора. Я пожил, можно и ноги вытягивать. Схожу вот только на речку, умоюсь последний раз да раков поем.

Выкупался Медведь в речке. Поел раков. Простился со знакомыми. Перестелил постель заново, убрал берлогу кле-

новыми ветками. Лег и закрыл глаза. Лежит, слушает, как точит Смерть ножик свой. Жик-жик, жик-жик — все так же спокойно, смертельно. Слушает и вспоминает прожитые годы.

Вспомнилось Медведю: шел он куда-то по лесу. Смотрит: гнездо Сороки на березе разрогатилось. Как дал по нему слегой, далеко сорочата улетели. Шмякнулись о землю и не дышат. Недели полторы все летала Сорока по лесу да выкрикивала:

— Р-разбойник! Р-разоритель! Р-разграбитель!

А медведь Тяжелая Лапа смеялся: он так и хотел — разорителем быть.

И еще Медведь вспомнил: поймал он однажды Зайца и привязал его к осине вниз головой. Вопит Заяц на весь лес и ногами дрыгает:

— Кара-ул! Помогите!

А медведь Тяжелая Лапа смеялся: он так и хотел, чтобы вопил Заяц и ногами дрыгал.

И многое другое вспомнил медведь Тяжелая Лапа. Всю свою жизнь в памяти перебрал и увидел: нет ничего в ней светлого. Вся она из одних прокуд да безобразий сложена. И вот умрет он сейчас, и будут говорить о нем в лесу и не один год:

— Жил когда-то среди нас медведь Тяжелая Лапа. Всю жизнь он только и умел, что охальства да пакости другим делать.

И зашевелились у Медведя реденькие волосы на голове. Выполз он из берлоги. Вурый. Уши в стороны торчат. Ни на кого не похожий. Подошел к Смерти, положил ей на узенькое плечо лапу.

— Погоди острить нож свой.

— Что это?

— Нельзя мне, понимаешь, умирать пока.

— Почему это? — спрашивает Смерть, а сама — жик-жик, жик-жик! знай себе точит, колдует над кирпичом.

Смотрит на нее Медведь грустными глазами и говорит:

— Лежал я сейчас, слушал, как готовишься ты к часу моему смертному, и годы прожитые вспоминал. Столько я, понимаешь, за свою жизнь черноты пролил, и сказать даже страшно. Умири я сейчас, и никто меня добрым словом не вспомнит: в каждом сердце по занозе оставил.

Пожала Смерть узенькими плечами, ножик свой о ноготь опробовала.

— Я-то здесь при чем? Пришло время умереть тебе, значит, должен ты умереть. И я пришла тебе об этом сказать — умирай. У меня нет для тебя другой жизни.

— Это я понимаю, — говорит Медведь, — и готов к этому. Но исполни мое последнее желание: дай мне подышать

хотя бы час еще. Хочу я перед смертью биографию свою подправить, подблестить ее немного: зайчика солнечного впустить в нее для радуги.

— Ладно уж, так и быть, — говорит Смерть. — Зажигай над своей биографией радугу: даю тебе два часа жизни. Иди.

И пошел Медведь. Спустился к речке. Решил он свалить через нее сосну-вековуху. Будут ходить по ней с берега на берег все и хорошо о нем думать. Покрепче сосну выбрал и попрямее, чтобы подольше мост его служил лесу. Уперся в нее грудью, крикнул, а сосна и не шелохнулась даже. Уперся еще раз, еще крикнул, и опять она неколышимо стоит.

И понял тут медведь Тяжелая Лапа, что стар он сосны с корнем из земли выворачивать. Только и может он теперь, что топтаться подле них да кряхтеть... невсемогуще, а бывало... И еще раз окинул медведь в памяти прожитые годы, а в такой час все круглее, объемнее видится, и повесил голову.

— Эх, — говорит, — сколько ее во мне было когда-то, силы-то немереной, медвежьей. Всю на озорство да пустяки извел, а для дела потребовалось — и нет ее, исчезла, что птица осенняя.

И так ли ему жалко себя стало, что откуда вдруг что и взялось. Крикнул, уперся плечом — и легла сосна через речку. Крикнул еще раз, и еще одна вытянулась — сосна к сосне легли. Сел Медведь, где стоял, и никак отдышаться не может. Глядь, а уж по мосту, по его мосту, Заяц скачет, раздвоенной губой одобрительно причмокивает:

— Вот это мост! Сто лет пролежит и не истопчется. Незносим.

— Я сделал, — сказал медведь Тяжелая Лапа.

А Заяц засмеялся, даже о почтении и страхе забыл:

— Ишь ты, так я тебе и поверил. Ты всю жизнь всем только разные пакости строил, меня вниз головой вешал — и чтобы такой мост положил! Не обманешь, не проведешь.

И другие звери пришли и тоже сказали:

— Не обманешь, не проведешь.

И тоже смеялись.

Горячился медведь Тяжелая Лапа, доказывал:

— Честное слово, я. Смотрите, даже плечо оцарапал, когда сосну валил.

— Какой из тебя валильщик, — сказала Лиса. — Ты и на ногах-то чуть стоишь. Дунет ветер и — упадешь. Скажи уж лучше по совести: чужое доброе дело за свое хотел выдать.

— Клянусь! — ударил Медведь лапой в усохшую грудь.

А Барсук подошел к нему и сказал:

— Хоть и склянись, не поверим.

Обвел Медведь всех печальным взглядом и опустил голову. Понял он, что опоздал подправлять свою биографию, подблещивать ее. За всю свою жизнь он никому ничего хорошего не сделал, и сколько бы он теперь ни говорил, что это он мост через речку навел, никто не поверит.

И о другом подумал медведь Тяжелая Лапа: вот умрет он сейчас и останется в памяти у всех и на многие годы не только как безобразник и шалостник, но теперь еще и как обманщик. Будут теперь говорить о нем в лесу:

— Вы помните, как медведь Тяжелая Лапа обмануть нас хотел: кто-то добрый построил мост через речку, а он умыслил его за свой выдать, да мы ему не поверили.

И будут добавлять при этом:

— Уж он такой был!..

Эх, начать бы все сначала! Но к речке от берлоги уже шла по тропинке его Смерть и поглядывала на часы.

КТО В ЧАЩЕ
ХОРОНИЛСЯ





ВОЛШЕБНЫЙ МЕШОЧЕК

О х и озорником же рос у медведицы Авдотьи медвежонок Ивашка! Мать с утра до ночи по лесу ходит, еду добывает, а Ивашка с такими же, как сам, бездельниками озорничает. То Лису на Ежа посадят, чтобы посмотреть — далеко ли она на нем верхом уедет, то гнездо у Сороки разорят, чтобы посмотреть — крупными ли слезами сороки плачут. Вернется вечером мать с охоты, ей бы полежать часок-другой, отдохнуть, а тут со всего леса к ней с жалобами на сына:

— Житья от безобразника не стало. Приструнь ты его. И что за охальник растет?

Начнет медведица совестить сына:

— Нельзя так жить, Ваня.

Огрызается Ивашка:

— Сегодня нельзя, завтра нельзя, когда же можно?

Долго думала медведица Авдотья, как беде своей помочь, по ночам не спала, ворочалась. Придумала-таки. Повесила у берлоги на сосну мешочек, сказала сыну:

— Давай, Ваня, договоримся с тобой: хочется тебе озорничать — озорничай, ни слова не скажу. Только наполни сперва этот мешочек камешками.

— Согласен! — сказал Ивашка и набрал сразу целую горсть камешков.

— погоди, больно быстрый ты, — остановила его медведица. — Я еще не все сказала. Камешек ты можешь в мешочек положить только тогда, когда сделаешь доброе дело. Сделал доброе дело — клади камешек. Еще сделал — еще клади. И так, пока не наполнишь.

— И на это согласен, — сказал Ивашка и пошел по лесу посмотреть, какое бы ему доброе дело сделать.

Навстречу ему товарищи. Зовут его:

— Пойдем, Ваня, завалим медведю Спиридону вход в берлогу и спрячемся в кустах. Пока отвалит, досыта насмеемся.

— Что вы, ребята, — стал их отговаривать Ивашка, — он же совсем старый, дядя Спиридон, еще надорвется.

— И верно, — согласились медвежата и пошли на речку купаться, а Ивашка вернулся домой и положил в мешочек первый камешек: сделал доброе дело, защитил медведя Спиридона.

И повелось с той поры: утром поднимается Ивашка и идет в лес посмотреть, не нужна ли кому его помощь. Решил он поскорее наполнить мешочек камешками и жить по воле своей — как вздумается. Но скоро никак не получается. Он вроде и небольшой, мешочек-то а прожорливый: глотает и глотает камешки. Много дней с той поры прошло, как повесила его мать, много раз луна полной делалась и снова худела, а мешочек все не наполнялся. И вот наконец принес Ивашка камешек и видит — класть его некуда, полон мешочек.

Сказал матери:

— Все, мать, теперь что бы я ни сделал, ты мне ни слова. Эх, и развернусь я сейчас, весь лес на голову поставлю. Мне теперь можно и нужно — натосковался.

Выломал дубину, чтобы шуму было побольше и пошел просекой. Идет, смотрит: Бельчонок чужой в орешнике желтеется. «Ох, — думает Ивашка, — и футболку я его сейчас». Подходит, спрашивает грозно, чтобы начать с чего-то:

— Ты чего, забредыш, в нашем орешнике делаешь?

И уже футболить было его собрался, а Бельчонок протянул к нему лапки, залился слезами:

— Заблудился я в вашем лесу. Он вон какой большой да темный. Меня теперь обязательно кто-нибудь обидит.

Говорит, а сам так жалобно на Ивашку смотрит, как никто еще не смотрел. Поворчал на него Ивашка:

— Что ж ты думаешь, если наш лес темный да большой, то и помочь тебе некому? А я, ты думаешь, зачем перед

тобой стою? Садись на меня, носильщиком твоим буду.

Отбросил дубину свою большущую, посадил Бельчонка на плечо и пошел с ним по лесу. Идет, кричит:

— Эй, чей Бельчонок? Эй, чей Бельчонок?

До самого вечера ходил, нашел-таки. Из Осинников был Бельчонок. Обрадовалась его мать:

— Вот спасибо-то! А я уж думала — навсегда пропал он. Много ведь еще по земле озорников ходит. Вон у меня на прошлой неделе чьи-то медвежата потехи ради крышу с домика палкой сшибли.

Смотрит Ивашка — в самом деле здорово кто-то созорничал над Белкиным домиком, без крыши стоит, всем дождям доступный. Сказал:

— Охальники сшибли, а я сделаю.

Возводил Ивашка крышу над Белкиным домиком, думал: «Ладно, озорничать начну уж с завтрашнего дня».

А наавтра пришли к нему зайчата и сказали:

— Надо бы медведю Спиридону берлогу подправить. Скоро зима, а она у него как решето светится и сыплется вся. Не перезимовать в такой. Иди, помоги.

И Ивашка пошел. И на третий день у него так же нашлись неотложные дела, и на четвертый день тоже. И вскоре понял медвежонок, что не может он больше жить так, как жил когда-то, что не может он озорничать больше. Да и мать сказала ему как-то:

— Ты у меня стал совсем молодец, Ваня, все в лесу хватят тебя. И я тобой довольна.

И тут вспомнил Ивашка про мешочек. Он все еще висел у берлоги на сосне, полный камешков. И подумал: «Это он меня сделал таким». И еще подумал: «Этот мешочек, наверное, волшебный».

ПТЕНЕЦ

Клюк, клюк — проклевал Журавленок яичную скорлупу и вышел из гнезда наружу — родился. Полежал немного, зажмурился на солнышке, обсох. Встал на длинные ноги, сказал, покачиваясь:

— Пойду. Пора.

И — чап, чап — пошагал тропинкой к озеру, в большую жизнь. Идет, смотрит: лежит на земле что-то круглое, сухотравное, вроде гнезда, а в нем что-то живое шевелится, рот беззубый разевает.

Остановился Журавленок. Расставил синеватые ноги пошире, чтобы не упасть, неуверенно еще себя на круглой земле чувствовал. Спросил, покачиваясь:

— Ты кто?

— Птенец, — пропищало из гнезда тепленькое, живое, розоватое.

— Чей же ты такой голопузый и лысый будешь?

— Жаворонка. Слышишь, в небе звоночки позванивают? Это мой родитель поет.

Приподнял Журавленок левую щеку кверху, прислушался. И точно: в небе — зинь, зинь, зинь! — позванивали колокольчики. Послушал их немного Журавленок, пожмурился, сказал:

— Молодец! Хорошо поет. Мой так петь не умеет. Зато знаешь, как лягушек заглатывает! Я еще этого, правда, не видел, но знаю точно — глотает хорошо: целиком.

И вдруг удивился:

— А ты чего это лежишь? День такой солнечный, а ты в гнезде преешь. Идем на озеро, покупаемся. Оно недалеко тут где-то. Чувствуешь — лягушками пахнет? Идем, побульваем.

— Да как же я с тобой пойду, — пропищал в ответ Птенец жаворонка. — Я еще и на ногах-то стоять не умею. Я всего два дня как родился, какой из меня ходок. Я так покупаюсь, что только бульки пойдут.

— Два дня! — взмахнул коротенькими крылышками Журавленок. — И ты все еще лежишь в отцовском гнезде? Однако ты, брат, лежебока. Я час как родился и уже купаться иду. Видал, ноги у меня длинные какие?

Вытянул Журавленок перед маленьким Жаворонком тоненькую синеватую ножку.

— Видал, красивая какая? Сейчас я тебе другую покажу. У меня их две: с одной стороны одна и с другой столько же. Сейчас я только покрепче встану и покажу тебе мою другую ножку — с четырьмя пальцами, точно — четыре, как у отца моего, потому что я его сын.

— Не надо, не показывай. Я ее все равно не увижу.

— Увидишь. Я ее высоко подниму, над самой головой твоей.

— Хоть под самые облака поднимай, все равно не увижу. У меня же глаза еще не прорезались. Слепой я. Гляди, — сказал Птенец жаворонка и выставил из гнезда лысенькую с синими кругами вместо глаз голову.

— Э-э, — проскрипел Журавленок и чуть было не упал от неожиданности. — Да ты, я вижу, совсем еще птенец, а я стою тут перед тобой, время важное зря теряю.

И — чап, чап — пошагал себе к озеру. Шел Журавленок по тропе, наступал на солнечные зайчики, удивлялся:

— Ничего не видит, на ногах стоять не умеет, а вырастет — песни петь будет. Надо же!

БЕЗ ОТЦОВСКОЙ ПОМОЩИ

Собрался медведь Лаврентий строить себе новую берлогу, сказал сыну:

— Помогать будешь.

Медвежонку помогать не особенно хотелось. Можно сказать — совсем не хотелось. Но отец сказал:

— Надо.

И Медвежонок согласился:

— Что ж, надо так надо.

Первым делом послал его отец сосенку из леса принести. Пошел Медвежонок, да не торопится. А чего торопиться? Одну принесешь, отец за второй пошлет. Немного погодя смотрит медведь: идет его сын и не несет ничего.

— Ты что пустой-то? Не нашел разве?

— Нашел, — отвечает Медвежонок. — Но идем, поглядишь, подойдет ли такая.

Сходил медведь Лаврентий. Поглядел. Сказал:

— В самый раз будет. Вали и неси.

Ушел и опять своим делом занялся. Немного погодя смотрит: идет его Медвежонок и не несет ничего.

— Ты что пустой-то?

— Не валится никак сосенка-то, — отвечает Медвежонок. — Идем, поможешь свалить ее.

Пошел медведь Лаврентий. Надавил плечом, упала сосенка.

— Обламывай, — говорит, — сучья и неси домой.

Ушел и опять своим делом занялся. Немного погодя смотрит: идет его Медвежонок и не несет ничего.

— Ты что пустой-то?

— Не обламываются сучья, — отвечает Медвежонок. — Идем, покажешь, как их обламывать надо.

Пошел Лаврентий. Освободил сосенку от сучьев, принес к берлоге. Смотрит, а уж солнышко на обед поглядывает. Сказал сыну:

— Иди налови раков в речке, обедать будем.

Пошел Медвежонок. А немного погодя смотрит медведь Лаврентий, идет его сын от речки с лукошком и не несет ничего.

— Ты что пустой-то?

— Покажи, — говорит Медвежонок, — где ловить надо. Ведь не везде же они, раки-то, водятся.

Сходил медведь Лаврентий к речке, показал сыну, где ловить надо. Вернулся и опять себе берлогу строит. Немного погода смотрит — идет его сын от речки с лукошком и не несет ничего.

— Ты что пустой-то?

— Да вот спросить пришел, — отвечает Медвежонок, — подо всеми корягами искать или только под самыми большими?

— Ищи подо всеми, — сказал медведь и опять своим делом занялся.

Немного погода смотрит — идет его сын от речки с лукошком и не несет ничего.

— Ты что пустой-то?

— Поучи, — говорит Медвежонок, — как ловить надо.

Медведь Лаврентий хотел было уже идти к речке, но вспомнил, что он в прошлую пятницу уже учил сына, и тот ловил и хорошо ловил. Понял медведь — мошенничает Медвежонок, сказал:

— Иди сюда, поучу.

Но и Медвежонок кое-что понял. Отступил немного в чащу и говорит:

— Ты мне издали объясняй, я пойму.

— Издали нельзя: секрет это. Иди на ухо пошепчу.

Но смекнул Медвежонок, зачем отцу его ухо нужно, повернулся и пошagal к речке.

— Куда же ты? — кричит ему медведь Лаврентий. — Иди сюда.

— Некогда, папа. Уползут раки из-под коряг, где их потом искать будешь, — отозвался Медвежонок и прибавил шагу.

Вскоре пришагал он от речки с полным лукошком. Поставил на стол, сказал с гордостью:

— Ешь на здоровье. Сам наловил.

— Вот и хорошо, — улыбнулся медведь Лаврентий. — Ты у меня теперь большой, без моей помощи управляешься.

ОБМАНЩИКИ

Стоял в лесу на полянке Колокольчик, смотрел на все голубым глазком, и все ему казалось голубым: и небо голубое, и земля голубая, и из-за голубой березы высунулся Медведь с облезлыми голубыми боками.

Качнулся Колокольчик, спросил:

— Отчего ты, Медведь, худо выглядишь?

— Зима уж больно долгая была, бока подвела, — ответил Медведь и пошел в чашу.

А на полянку Лось вышел. Сам весь голубой, и на голове рога голубые. Идет, прихрамывает:

Качнулся Колокольчик, спросил:

— Отчего ты, Лось, на ногу хром?

— Зима уж больно лютая была, гололедицей замучила. Все ноги изранил, — сказал Лось и стал о Дуб чесаться.

Смотрел Колокольчик на Дуб голубым глазком и виделся ему Дуб голубым. Кора на нем лопнула, и по стволу течет сок — голубой-голубой.

Качнулся Колокольчик, спросил:

— Отчего это, Дуб, у тебя на стволе щель глубокая такая?

— Зима на память свой след оставила. Сдавила морозами, и не выдержал я, — сказал Дуб, а Колокольчик глядел на него и думал:

«Ну зачем они меня все обманывают? Я не в первый раз поднимаюсь на этой полянке, знаю, никакой зимы на земле нет. Одни весны. А что Медведь худ, так это от лени — есть, значит, плохо старался. А что Лось хром, так это от ротозейства. Загляделся, поди, на кого-нибудь и споткнулся, подломил ногу. А что у Дуба кора потрескалась, так это от старости. Стар Дуб, вот и морщится у него кора, лопается...»

Так подумал Колокольчик, а вслух сказал:

— Придумали зиму и вают на нее свои беды, а зимы-то никакой и нет! И никогда не было. Весна вокруг. И все голубое-голубое.

ТАК ТОВАРИЩИ НЕ ДЕЛАЮТ

Приснился медвежонку Ивашке сон, будто пошли они с Мишуком в соседний лес за малиной. Забрался Ивашка в малинник, очень малиновый куст нашел. Сидит, малинку с него сдвигает, Мишука не зовет. Позови его, придет он, подсядет рядом.

А Мишук аукает, окликает его:

— Ау-у! Где ты, Ивашка?

Молчит Ивашка, сидит за кустом, будто и нет его. Отзовись — прибежит Мишук. Он такой, нахрапистый, подсядет рядом, обеими лапами хватать будет. Горсть сорвет — убыль: ему, Ивашке, на целую горсть меньше достанется. Лучше уж помолчать, притаиться до времени.

Таился Ивашка, сидел под кустом, малинку подаивал, молчал. Не откликнулся на голос Мишука. А Мишук покри-

чал, поукал и затих — вот и хорошо, не больно и жаль. Обобрал Ивашка малинку, вышел на поляну — нет Мишука. Туда-сюда — нет нигде.

А лес вокруг темный, кряжистый, совсем не такой какой-то, как был до этого. Где-то невидимый потатуйка стучит. Поляна следами неведомыми истоптана во все стороны. Заробел Ивашка. Вправо кинулся — нет конца лесу жуткому, влево кинулся — стоит он стеной непроходимой. И не знает Ивашка, куда бежать ему, где его берлога с матерью. Вот как круто дело-то обернулось в чужом-то лесу.

Приложил медвежонок лапы ко рту, завопил:

— Ау-у! Ми-и-ша-а! Ау-у!

Долго кричал, осип даже. Но на крик его только ворон из чащи откликнулся. Изодрался Ивашка, между деревьями плутая. Обшарил все вокруг, обаукал — нет Мишука. А тут и ночь налезла лохматая. Со всех сторон обошла, хоть глаз коли, не видать ничего — чернь одна шевелящаяся.

И кто знает, что бы с Ивашкой было? Может, так и запропал бы он в чужом лесу, если бы не проснулся. Но, к счастью, проснулся Ивашка. Смотрит — он у себя в берлоге. Никакого чужого леса нет. Матери, правда, тоже нет, зато Мишук вон косолапит к нему по тропинке в гости и репы с живота счесывает.

Рассказал Ивашка Мишуку сон свой и говорит:

— Что же ты меня, Мишка, в неведомом лесу одного бросил? Разве так настоящие товарищи делают? Я голос изодрал, тебя зовя, ворон побудил даже.

— Что же ты меня коришь? — сказал Мишук. — Это же во сне было, а во сне всякое присниться может, даже Еж на сосне.

— И во сне так настоящие товарищи не делают. Где тебя, лешего, носило, когда кричал я?

И одного только не рассказал Ивашка из сна своего: как сидел он, неслышный, под малиновым кустом и малинку с него сданивал и, когда кричал его Мишук, не отозвался, чтобы не пришел тот и не подсел рядом. Не рассказал этого Ивашка, потому что знал теперь, что и так тоже настоящие товарищи не делают... Даже во сне.

ИСКАЛ МЫШОНОК МАМУ

Бежал Мышонок по лесу, маму искал свою. Смотрит: Лось стоит, лоб о дуб чешет. Встал перед ним Мышонок, спрашивает:

— Дядя Лось, ты маму мою не видел?

— Видел, — отвечает Лось. — В орешник она побежала.

— А ты не обманываешь?

— Зачем мне тебя обманывать.

— Поклянись тогда, что ты говоришь правду, — сказал Мышонок. — Я маленький. Надо мной все подшучивают. Побегай, говорят, это полезно. А я уж устал бегать.

Поклялся Лось:

— Провалиться мне на этом месте, если вру. В орешнике твоя мама.

— Вот теперь я тебе верю, — сказал Мышонок и побежал в орешник, а Лось у дуба стоять остался. Стоял-стоял, тряхнул головой, и упали его рога на землю.

— Без них легче, — сказал Лось, — да и не нужны они мне теперь. Битвы давно кончились, а к осени, когда опять нужно будет сражаться, новые отрастут.

Сказал и ушел, а к дубу Мышонок выкатился. Весь орешник обегал он, не нашел своей мамы. Прибежал, чтобы сказать Лосю:

— И ты меня обманул, дядя Лось, не будет теперь тебе места на земле: нарушил ты клятву.

Но смотрит, а Лось-то и нет, одни рога под дубом.

— Провалился-таки! — воскликнул Мышонок. — Так-то, земля, она обманщиков не терпит.

Постоял, потоптался, добавил:

— А жаль, хороший Лось был. И зачем он меня обманывал? Теперь бы жив был, а то нет вот — провалился. Одни рога из земли торчат.

КТО В ЧАЩЕ ХОРОНИЛСЯ

Еще когда маленьким был медведь Спиридон, совсем медвежонком, и звали его Спиря, случилась с ним одна история. Сидел он как-то у берлоги, на солнышке грелся, мать поджидал. Ловила она раков в озере. Сидел он и думал: принесет сейчас мать раков, съест он их, и будут они у него в животе.

Время шло, а матери все не было. Встревожился медвежонок: что если заблудилась мать? Бродит между деревьями, а крикнуть, чтобы отозвался он и голосом дорогу к дому показал, стыдится: засмеют ее потом. Скажут, в родном лесу заблудилась.

И решил Спиря помочь матери. Приложил лапы ко рту, прокричал в сторону чащи:

— Pppp!

А из чащи тут же отозвался кто-то:

— Pppp!

«Кто бы это мог быть? — подумал медвежонок и уши торчком поставил. — Совсем не материн голос». Боязно было, но все-таки набрался духу, спросил:

— Кто ты?

— Ты, — тут же отозвался некто из чащи, и все опять затихло.

Приподнялся медвежонок.

— Я-то кто? Я медвежонок Спирия, вырасту — медведем Спиридоном буду. А ты кто?

— О... — отозвалась чаща.

— Это тебя зовут так? — спросил Спирия. — Чудное у тебя имя. «О». У нас и не зовут никого так. Что в кустах прячешься? Иди сюда.

— Сюда... — отозвалась чаща.

— Ну если тебе так хочется, могу и я к тебе прийти, — сказал медвежонок и, переваливаясь, покосолапил в чащу.

Некто был недалеко, это медвежонок по голосу слышал, но сколько ни всматривался, никого между деревьями не видел. Спросил:

— Эй ты, ты здесь?

— Здесь... — отозвалась чаща, и Спирия покосолапил дальше.

Он шел, звал, а некто, к кому шел он, отзывался все время впереди, и как ни вглядывался Спирия, никого между деревьями не видел. Так дошел он до конца леса и остановился. Спросил:

— Эй ты? Где ты?

— Ты... — отозвался все тот же голос, но теперь уже позади, в чаще.

— Я-то? — оглянулся медвежонок. — Я-то вот он, здесь.

— Здесь... — отозвалась чаща.

— Хы, как это ты у меня позади оказался? То все впереди, впереди был, а теперь сзади. Ты уж не уходи, давай встретимся. Жди, иду я.

И медвежонок опять пошел по лесу, теперь уже назад. Шел, звал, а впереди него все так же шел некто и отзывался, а показаться не показывался. К берлоге своей выбрался Спирия, но так никого и не увидел.

— Ну и ладно, — сказал он, — не хочешь ты показать себя мне, я себя тебе покажу.

Вскарабкался на пенёк, закричал:

— Смотри на меня, вот он я, весь тут, во весь рост стою. И даже лапы поднял. Видишь?

— ...ишь, — отозвалась чаща.

— Что, удивился? Я такой, удивительный. Я мамку вчера и ту удивил: спрятался под подушку. Искала она меня, искала, чуть нашла... А ты от меня что — тоже прячешься?

Давай, прячься. Я вот посижу немножко и снова тебя искать пойду.

Но вскоре пришла мать, принесла раков. Спирия увлекся ими и забыл, что кто-то в чаще неподалеку хоронится от него. Так он и не узнал тогда, кто же это с ним перекликался и водил его по лесу.

Вот такая история приключилась с медведем Спиридоном, когда он еще был медвежонком и звали его Спирей.

ОТ КОГО БЕЖАЛ ЗАЙЧОНОК

На лугу в цветах лежал Зайчонок. Он только что родился, но уже был сиротой. Отца своего совсем не знал, родился без него, а теперь его оставила и мать.

— Нам нельзя быть вместе. — сказала она. — Ты маленький, спрячешься в траве, и никто тебя не найдет. А если я буду рядом, меня увидят, и тебя найдут. Живи один.

Сказала и упрыгала прочь, и Зайчонок остался один. Лежал он среди цветов и думал: «Не успел родиться и уже сирота, а сироту всякий обидеть может. Надо быть начеку».

Лежит он и слышит — идет кто-то: шуршит трава под чьими-то шагами.

Приподнял голову Зайчонок и видит: трава колыхается, а никого не видно. Озорничает, что ли, кто?

— Кто здесь? — спросил Зайчонок, но никто не отозвался. А тревога в сердце — тук-тук.

Ближе колыхается трава, ближе. И робость тут напала на Зайчонка: видит, идет к нему кто-то, пригибается трава под чьими-то шагами, а кто это — не видать. Невидимый кто-то.

Вот беда-то! Подойдет, обидит и даже не узнаешь кто.

Вскочил тут Зайчонок и побежал к речке: бежит и не знает от кого. Спрятался под куст бузины. Сидит, ребрышками подрагивает, думает: «Здесь понадежнее будет... Только зачем он шел ко мне? Я смиренный, зачем обижать меня?»

Думает он так и слышит: и сюда к нему идет кто-то. Высунул голову из-за куста, смотрит: точно, идет кто-то по лугу к речке, колыхается трава под чьими-то шагами, а кто это — не видать, опять невидимый кто-то.

Вскочил Зайчонок и ну бежать вдоль речки. И откуда только в таком маленьком прыть взялась, видать, родился с нею. Далеко забежал, почти к самой Лысой горе. Забился в куст таловый. Только улегся, слышит — и сюда идет кто-то.

Посмотрел из-за куста — точно, ходит кто-то рядом, ветки у кустов колыхет, листья покачивает. «Ой, — думает

Зайчонок, — кто же это?... Эх, и что я медведем не родился? Встал бы сейчас во весь рост...»

А сам уж от страха и с места тронуться не может. Пристал и лежит, почти не дышит. Чувствует: подошел кто-то, пушок на спине взъерошил, за уши трогает. Глядит Зайчонок — и никого не видит, а рядом кто-то есть, дышит кто-то.

— Кто же это? — шепчет Зайчонок и крепко-крепко замуривает глаза: может, с закрытыми глазами не обидят.

НЕБЫЛЬ

Пришла к Ежику старость и пригнула его к земле, старичком сделала. Глянешь на него и удивись: и как в нем еще душа, в таком хилом, держится? Кажется, вздохнет сейчас еще раз, а еще раз и силы не хватит.

Но хватало у Ежика силы не только на новый вздох, но и на сказку. Уйдут молодые ежи на охоту, кликнет он к себе их ребятишек, предупредит:

— Ну у меня не шалить и не веньгаться. Сидеть тихо, без баловства.

И начнет им разные истории лесные рассказывать. Жил он долго, повидал много, рассказать есть что.

А это как-то сбегались к нему ежата, сказки ждут, а он и говорит им:

— Расскажу я вам, ребята, сегодня о самом себе. Вы знаете, какой я когда-то бедовый да сильный был? У-у-у! Наколю, бывало, на себя осенью десятка полтора яблок, несу их домой и хоть бы мне что.

Слушают его ежата и пересмеиваются между собой: ну ведь это же небыль. Шутит дедушка Ежик, оттого у него и такая лукавинка в глазах. Где уж ему полтора десятка яблок на себе унести, когда его и одно к земле придавит. Дышит чуть, а тоже хвастается — полтора десятка! Ишь разгорелся как. Куда ему, ветхому такому, яблоки носить, у него и на сказку-то чуть силы хватает.

А Ежик щурит маленькие глазки, рассказывает:

— А вы знаете, ребятки, сколько во мне прыти было? У-у-у! Один раз поймали меня школьники и унесли к себе в живой уголок. Забыли вечером дверь закрыть, я и убежал. И всю ночь по степи бежал, пока до дому не добежал. И не присел даже ни разу.

Слушают его ежата и пересмеиваются между собой: ну ведь и это небыль. Шутит дедушка Ежик, оттого у него и хитринка такая в глазах. Где уж ему пробежать столько, ког-

да он вон чуть сидит даже. Дохни на него посильнее, он и повалится. А тоже хвастает. Ишь какие витейки плетет—всю ночь бежал!

А Ежик щурит маленькие полинявшие глазки, рассказывает:

— А как я на озорство горазд был! Расшалюсь, бывало, не остановить меня. Ну прямо на голове хожу!

Слушают его ежата и пересмеиваются между собой: ну ведь небыль же и это. Шутит дедушка Ежик, оттого и такая теплинка у него в глазах. Какой из него озорник, где уж ему на голове ходить, когда он и на ногах-то уж без помощи стоять не может, а хвастает.

И чтобы уличить Ежика во лжи, спросил его Ежонок:

— И когда же это было, дедушка Еж?

— Когда я Ежонком был, — ответил Ежик.

И прыснули ежата в ладошки — ну ведь и это же небыль. Шутит дедушка Ежик, никогда он Ежонком и не был. Они уж вон с весны с самой живут, и все время он старенький. Ох уж эти старики! Как они хитро шутить умеют. Наскажут такое — только слушай. Молодым, говорит, был. И кто ему поверит?

РУЧЕЕК

Родился в лесу Ручеек. Слабенький, тоненький. Другой бы на его месте и не сказал бы никому, что он родился: на земле вон какие реки текут, не окинешь глазом. Но Ручеек был смелым и решительным. Он зажурчал, заплескался:

— Пойду-ка я к Морю.

Его отцу, Роднику, это понравилось. Сказал он:

— Дело не худое. Иди. Я тебе помогать буду.

И Ручеек побежал. Бежал он по роще и говорил всем:

— Я ведь не просто так — к Морю бегу.

И деревья качали вершинами:

— Беги, беги.

И говорили друг другу:

— Этот добежит. Он вон шустрый какой.

Уже совсем почти выбегал из лесу Ручеек, когда увидел маленькую Елочку. Спросил у нее:

— Ты что такая темная?

— Душно мне, — ответила Елочка. — Пить я хочу, а пить нечего. Дождя давно не было. Я, наверное, не вырасту, помру.

— Не кручинься. Я напою тебя, и не умрешь ты, — сказал Ручеек.

— Что ты! — воскликнула Елочка. — Тебе вон как дале-

ко идти — к самому Морю. Тебе нельзя мелеть. Тебе каждая капля воды в пути пригодится.

— Что толковать, — сказал Ручеек, — пей. Пусть я немножко потоньше буду, зато ты станешь сильнее. Подрастешь, окрепнешь и тебе легче будет стоять.

Он напоил Елочку, подбодрил ее и побежал дальше. Правда, он стал чуть уже, но бежал все так же бодро. Роща осталась позади. Теперь Ручеек бежал по дугу и кричал:

— Эй, луг, я ведь не просто так — к Морю бегу!

Он видел перед собой цветы, много цветов — целый луг. И все они были какие-то серые, поникшие. Говорил им:

— Вы что к земле клонитесь? Держитесь прямее. Вы же цветы, вы цвести должны.

— Мы не сами клонимся, — отвечали цветы, — нас клонит бездожде. Так пить хочется, а дождя нет. Нам бы хоть по глоточку, мы бы тогда устояли.

— Так пейте, — сказал Ручеек, — во мне вон сколько воды-то.

— Что ты, — говорили цветы. — У тебя путь далекий: ты идешь к Морю. Тебе каждую каплю воды беречь надо.

— О чем говорите вы, — журчал Ручеек. — Пейте. Для того и вода, чтобы ее пил кто-то. Пусть я дальше не так быстро побегу, зато вы утолите жажду, окрепнете и станете настоящими цветами.

Ручеек напоил их и побежал дальше. Он бежал по степи и видел: блекнут, подсыхают хлеба. Говорил им:

— Верите, пейте мою воду. Выпрямляйтесь, тяжелейте колосьями.

И щедро оделял всех своей прохладной водой.

До Моря он так и не добежал, но на пути, по которому прошел он, посвежели деревья, распустились цветы и налились пахучим зерном колосья. И Ручеек был счастлив этим, и одно тревожило его: не больно ли его отцу-Роднику, что он, Ручеек, так и не добежал до Моря?

ПЛЕМЯ ПЛУТОВСКОЕ

Поймал медведь Спиридон в речке пять раков, несет домой. Думает: «Позавтракаю сейчас». Навстречу ему Лисенок. Увидел раков и заморгал глазенками — морг, морг.

— Что, — говорит медведь, — хочется небось рака отвечать?

— Хочется, — признался Лисенок.

— Ну так и быть, на тебе одного. Мне на завтрак и четырех хватит.

Потянулся было Лисенок лапкой за раком, но тут же отдернул ее.

— Нет, дядя Спиридон, не возьму.

— Почему это? — прогудел медведь.

— Принесу домой, спросит мать: где взял? Что скажу?

— Скажешь, что я дал.

— Оно бы, конечно, можно, дядя Спиридон, да нельзя.

— Да почему же?

— Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь тебе рака дал, а мне нет. Не поверит.

— Кха, — крикнул медведь Спиридон и достал из лукошка еще одного рака. — Бери, коль, двух тогда. На завтрак мне и трех хватит.

Потянулся было Лисенок лапкой за раками, но тут же отдернул ее:

— Нет, дядя Спиридон, не возьму.

— Почему это?

— Принесу домой, спросит мать: где взял? Что скажу?

— Скажешь, что я дал.

— Оно бы, конечно, можно, дядя Спиридон, но никак нельзя.

— Да почему же?

— Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь тебе рака дал, мне дал, а братишку позабыл. Не поверит.

Крикнул медведь Спиридон и достал из лукошка еще одного рака.

— Бери, — говорит, — трех тогда. До обеда я как-нибудь и двумя обойдусь, а там еще поймаю.

Потянулся было Лисенок лапкой за раками, но тут же отдернул ее:

— Нет, дядя Спиридон, не возьму.

— Да почему же?

— Принесу домой, спросит мать: где взял? Что скажу?

— Скажешь, что я дал.

— Оно бы, конечно, можно, дядя Спиридон, но нельзя.

— Да почему же?!

— Не поверит мать. Скажет: не может быть, чтобы такой добрый медведь тебе рака дал, мне дал, брату твоему дал, а сестренку малую позабыл! Не поверит.

Крикнул медведь Спиридон и достал из лукошка еще одного рака.

— Бери, — говорит, — и четвертого, коль, тогда.

Потом посмотрел в лукошко и последнего достал.

— И этого бери! Может, у тебя дед есть или бабка какая... Бери уж заодно и лукошко, а то не поверит твоя мать, что такой добрый, как я, медведь, раков тебе дал, а лукошко при себе оставил.

Сложил медведь Спиридон раков в лукошко, сунул его Лисенку и пошел к речке: надо же чем-то позавтракать. Шел и бранился:

— Вот племя плутовское! Угостил меня, так не забудь и всех моих сродничков. В момент обобрал, сатаненок!

А Лисенок бежал вприпрыжку домой и радовался:

— Раков добыл! А день только еще начался, к вечеру еще чего-нибудь добуду. Проживу!

ЧЕМУ УДИВИЛСЯ ЛЯГУШОНОК

Всплеснулась Речка и накрыла Лягушонка волной. Обиделся он и решил наказать ее. Решил он вылезти на берег — пусть в Речке воды станет меньше, пусть обмелеет она. Вылез, оглянулся, а в Речке сколько было воды, столько и осталось.

— Гляди-ка! — сказал Лягушонок. — Когда из Речки вылезает корова, воды меньше делается, а вылез я — не убыло. Тогда я просто сейчас выпью полречки, и обмелеет она, и никто в ней не станет купаться.

Тут же припал Лягушонок грудью к берегу и ну пить. Пил, пил, пил — круглым стал, пузатеньким, а Речка как покачивалась в своих зеленых берегах, так и продолжала покачиваться.

— Гляди-ка! — пробулькал Лягушонок. — Не убывает. Тогда я уйду из нее. Навсегда. Пусть в ней одним Лягушонком станет меньше.

Встряхнулся Лягушонок и, побулькивая животишком, пошел. Отошел от берега и спрятался за куст бузины. Хватится сейчас Речка и начнет звать его: «Где ты, Лягушонок? Вернись. Прости меня...» А он высунется из-за куста и скажет: «На-кася вот, обидела, ни за что не вернусь. Пусть у тебя одним Лягушонком будет меньше», — и опять за куст спрячется.

Но ждет-пождет — не зовет Лягушонка Речка.

— Гляди-ка! — разинул рот Лягушонок. — Гордая какая. Давно, гляди, пожалела, что я ушел из нее, а позвать, прощения попросить — гордость не позволяет. Да уж ладно, так и быть, без прощения прощу ее. Сама, гляди, не рада, что характера строптивного такого.

Сказал это Лягушонок и вернулся к Речке.

— Я тебя, Речка, простил, не обижаюсь, на тебя больше, знай это.

— А разве ты обижался? Смотри-ка, а я и не догадывалась, — сказала Речка, и пошли по ней круги, словно улыбнулась она. Заревые пошли круги — на заре дело было.

Покачивался на одном из них Лягушонок и думал: «Гляди-ка! Я на нее обиделся, ушел, а она и не заметила даже. Это что ж, выходит, она может прожить и без меня? Почему же тогда я без нее прожить не могу?»

Покачивался Лягушонок возле цветка кувшинки, искал и не находил ответа.

ЗАБОТЫ РЕМЕЗА

Прошлым летом он был птенцом. Мать у него была синичкой, и потому звали его синичонком. И не было у него никаких забот. Но это было прошлым летом. За осень и зиму он повзрослел, и теперь все зовут его Ремезом. И хлопот у него столько, что он даже не знает, куда их девать.

Весной он женился, стал птицей семейной. И целую неделю они думали с женой, какое им гнездо сделать. Решили такое придумать, какого еще ни у кого не было и нет.

— Давай выроем гнездо в земле, — сказал Ремез.

А жена, поправив на голове бурую шапочку, сказала:

— Ну и придумал. А скажи, где живет Щурка?

— В норе, — сказал Ремез.

— А Сизоворонка?

— Тоже в норе.

— Вот видишь. И еще Каменка живет в норе, и Зимородок. Нет, давай лучше выроем прямо на земле ямку, и это будет нашим гнездом, — сказала жена.

Теперь уже Ремез посмеялся над женой.

— Ну и придумала! — и дернул черноватыми со светлыми полосками крыльями. — Какое гнездо у Чибиса?

— Вроде ямки на земле.

— А у Зуйка?

— Тоже.

— Вот видишь, ничего нового в твоём гнезде нет. У всех куликов гнезда вроде ямок на земле. Нет, давай лучше свяжем из хвороста плот и пустим по реке. И это будет нашим с тобой домом, — сказал Ремез.

— Что ты, — сказала ему жена. — Это не ново. У Поганки где гнездо?

— На воде, — сказал Ремез.

— А у Лебеда?

— Тоже.

— Вот видишь, не ново и это. Да и вообще, зачем нам с тобой в воду лезть? Плавать мы не умеем, еще утонем. Идем лучше в лес и устроим свое гнездо из прутьев на дереве, — сказала жена.

— И ты думаешь кого-то удивить этим? — улыбнулся Ремез. — А где, по-твоему, вьет гнездо Сорока? А Кобчик? Да та же Ворона, наконец? Нет, поновее надо придумать что-то. Вот если в дупле устроиться.

— Придумал, — укоризненно покачала жена головой. — А Дятел, по-твоему, где живет?

— В дупле, — сказал Ремез.

— А Филин?

— В дупле, — сказал Ремез.

— А Вертишейка? А Сова? Да мало ли птиц свое гнездо в дупле строит. Эх ты, в дупле!

— Ну тогда, может, из глины слепить? — осторожно предложил Ремез.

Но жена покачала головой:

— А про Ласточку забыл?

— Забыл, — честно признался Ремез и почесал коготком затылок. — Какое же нам гнездо сделать, чтобы ни у кого такого не было?

И задумался. Задумалась и жена его. Два дня сидели думали. На третий и говорит жена Ремезу:

— А что если нам сделать такое, в каком я выросла — вроде рукавички?

— Это можно, — согласился Ремез. — Я тоже в таком вырос. Очень удобное гнездо. И главное — ни у кого больше такого нет.

И они сплели на ветке ивы рукавичку из травы, выставили ее пухом. Сидели в ней, радовались: и уютно, и тепло, и не достать никому.

Но это ведь только от одной заботы избавился Ремез. А сколько их еще у него! Нужно сообразить, какого цвета и какой величины яички снести, чем птенцов кормить. Нет, это пока сидишь ты в отцовском гнезде, тебе не нужно ни о чем думать и нет у тебя никаких забот, а когда свое гнездо вьешь, сколько их сразу появляется — батюшки мои!

ГДЕ ЗДОРОВЬЕ МЕДВЕЖЬЕ

Услышал медвежонок Афоня, что здоровье в жизни всего дороже, и стал беречь его. Придут, бывало, к нему товарищи, зовут в рощу по деревьям лазать, в вороньи гнезда заглядывать. Уговаривают:

— Идем, Афоня.

А он отмахивается, отнекивается:

— Нет, я не пойду. Еще сорвешься, сломаешь шею. Здоровье беречь надо. Его потерять легко, а поправить уж тяжело как.

Совсем как старичок рассуждал медвежонок. Послушают его, бывало, товарищи, покачают головами и идут без него гнезда проверять.

Глядит он на них издали и ворчит:

— Не бережетесь, спохватитесь потом, да поздно будет.

А медвежата налазуются по деревьям досыта, животы перецарапают, а веселы. Борются на поляну придут и Афоня зовут с собой:

— Идем, Афоня, поборемся, покувыркаемся в траве зеленой.

— Зачем мне это? У меня сила не чужая, чтобы я ее на кувыркание тратил. Сила — это здоровье. Не убережешь ее — спокаешься. Понадобится она тебе в нужный час, а ты ее уже истратил, нет ее у тебя.

Послушают его, бывало, товарищи, покачают головами, ну совсем как старичок рассуждает Афоня, и идут без него на поляну. Набормются, накувыркаются. Пар от них валит. Зовут Афоню:

— Идем, Афоня, купаться на речку.

Разбегутся и бултых с берега в воду. Стоит медвежонок у речки, топчется, разными страхами их пугает:

— Вот схватите насморк или того хуже — лихорадку болотную, постучите зубами-то, пощелкаете. Не бережетесь.

А медвежата барахтаются в воде, фыркают, брызгаются. И росли они здоровыми, толстощекиными, резвыми. А Афоня хилым рос. И хлипким вырос. Ходит по лесу тень-тенью. Чуть обдует залетный ветерок, и уже чихает, за тощенькую грудь хватается.

— Нет здоровья, не уберег, проглядел где-то, ушло.

А медведи, товарищи его, говорят:

— Не здоровье ты не уберег, а от здоровья уберегся. Шло оно к тебе, да ты его взять не захотел. Здоровье твое на деревьях осталось, на которые ты не залез. Осталось оно на полянах, по которым ты не бегал. Здоровье твое утонуло в речке, в которой ты не купался.

И качнет он в ответ головой:

— И-их вы! Все шутите. Конечно, вы здоровые, вам что не шутить, а я чуть хожу. Мне даже разговаривать с вами, и то труд.

И идет к себе в берлогу — хилый, кожа да кости. Совсем на медведя не похожий.

Прилетели два грачонка на колхозное поле червей клевать, как раз в это время трактор его пахал. Пристроились за ним грачата, идут по свежей борозде, поклевывают. Вдруг один из них, с белым пятнышком на лбу, и говорит:

— Э, так дело не пойдет. Ты вон уже куда утопал. Я за тобой не поспеваю. Ты чаще меня клювом взмахиваешь, больше клюешь. Давай делиться.

— Делиться так делиться, — сказал грачонок без белого пятнышка на лбу и начал шагами поле вымеривать. — Раз, два, три... Это будет твоя полоса, а это — раз, два, три — моя.

— Ишь ты какой хитрый, — сказал грачонок с белым пятнышком на лбу. — Обмануть меня хочешь. Я смотрел за тобой. Ты мне маленькими шажками отмеривал, а себе шажками.

— Отмеряй тогда сам.

— И отмерю, — сказал грачонок с белым пятнышком на лбу и давай мерить. — Раз, два, три — на этой делянке ты ешь, а на этой я буду — ра-аз, два-а...

— Погоди-ка, погоди, — остановил его грачонок без пятнышка на лбу. — Ты что же это? Если мне, так по совети шагал, а если себе — прыгать начал. У меня глаз точный, я все вижу.

И грачата поссорились. Отхлопали друг друга крыльями по щекам, утомились. Сидят, тяжело дышат, отдыхают. Один из них, тот, что с белым пятнышком на лбу, и говорит:

— Раз мы не можем с тобой поделиться, давай так сделаем: сегодня ты будешь хозяином всего поля, а завтра — я. Сегодня я буду твоим гостем, а завтра ты ко мне в гости придешь.

— Давай, — согласился было грачонок без пятнышка на лбу, но тут же спохватился: — Ну до чего же ты хитрый, а! И тут меня оплутовать умыслил. К завтрашнему дню пашни в три раза больше станет, чем сейчас: трактор-то вон как пашет, на третьей скорости валит, и, значит, твое поле в три раза шире моего будет, и ты в три раза щедрее меня встретишь. Так дело не пойдет.

И грачата опять поссорились. Нахлопали еще раз друг друга крыльями по щекам со всей щедростью, сидят, отдыхают, в себя приходят. Отдышались немного, один из них, тот, что без пятнышка на лбу, и говорит:

— Послушай, а пусть это поле будет не нашим — и не твоим, и не моим, а тракториста, который пашет его, а мы

у него будем в гостях с тобой — и ты, и я. И сегодня, и завтра. До тех пор, пока он его не допашет.

— На это я согласен. Здесь обмана нет, — сказал грачонок с белым пятнышком на лбу. — В гости ходят и по двое. Идем.

Шли грачата по свежей пахучей борозде, выклевывали из теплой пашни червяков и говорили друг другу:

— Хорошо быть гостем. Ешь себе досыта. Для того ведь и в гости ходят, чтобы поесть от души.

ШЕПТУН

Весной в темной норе у Хомяка родился Хомячок. Потянул ноздрями воздух — легко дышится. Потопал коротенькими ножками — крепко стоит. Ощупал себя со всех сторон, заверещал счастливый:

— Родился я!

— Тише ты, — цыкнул на него отец. — В степи живем, а по ней и волки ходят и лисы. Не говори громко.

И втянул Хомячок голову в плечи, прошептал:

— Родился я, папа.

— Вижу, — сказал Хомяк. — Вот так и разговаривай всегда сторожко: вроде и есть ты, а вроде тебя и нет.

Подрос Хомячок. Наружу вылез. Увидел солнышко в небе, засмеялся:

— Теплое какое.

— Тише ты, — цыкнул на него отец. — Забыл? В степи живем, а по ней и волки ходят и лисы. Не смейся звонко.

Шепотом засмеялся Хомячок:

— Теплое солнышко какое, папа.

— Знаю, — сказал Хомяк, — не первый год землю топчу. — И одобрил: — Вот так и смейся всегда сторожко: вроде и есть ты, а вроде тебя и нет.

Так и рос Хомячок: шепотом говорил, шепотом смеялся. И только глазенки у него лучились ярко, солнечно. Послушает, как перевизгиваются суслики на взгорке, прошепчет:

— Хорошо.

Поглядит, как радуга играет над степью разноцветными красками, порадует так же шепотом:

— Жить хорошо.

А глазки лучатся, лучатся.

И цыкнул на него однажды отец:

— Ты что, забыл? В степи живем, а по ней и волки и лисы ходят. Не гляди так ясно.

Скукожился Хомячок. Потухли в его глазах огоньки го-

рячие. Прошентал он, будто полынок горький прошелестел:

— Жить, говорю, хорошо, отец.

— И это для меня не новость, — сказал Хомяк и похвалил сына: — Вот так и смотри всегда сторожко: вроде и есть ты, а вроде тебя и нет.

Вырос Хомячок, сам Хомяком стал. Живет тихо, робеет слово сказать, улыбнуться: степь кругом, а по ней и волки ходят, и лисы. Суслики, соседи его, те по целым дням пере-свиистываются на курганах, а он все шепотом делает: шепотом говорит, шепотом смеется и даже смотрит шепотом. И зовут его все — Шептун. И говорят о нем:

— Вот живет: вроде и есть он, а вроде его и нет. Вот это живет!

ГДЕ НОЧУЕТ СОЛНЦЕ

Было утро. Подсыхая, парила степь. В небе над полями рождались облака — они всегда рождаются, когда парит земля и светит солнце. Вместе с другими родились и два белых кудрявых облачка. Сошлись они над лугом и стали совет держать, что делать дальше. Посоветовались, решили — пойти посмотреть, где ночует солнце. А что? Пойдут они за ним следом, опустится оно вечером за горизонт, и увидят они, где живет оно.

Так облачка и сделали: догнали солнце и пошли за ним по небу. Солнце идет, и они идут. Идут и идут, а вечера все нет и нет. По времени ему давно бы уже пора быть, а его все нет почему-то.

— Хитрит солнце, — подивились облачка. — Догадалось, что мы задумали поглядеть, где ночует оно, и решило сегодня не ложиться спать. Ничего, мы тоже упорные.

И пошли за солнцем дальше. Так рассудили облачка: солнце старенькое, живет давно, рано или поздно устанет и пойдет спать, и увидят они, где ночует оно.

Шло время. Шло по небу солнце. Шли за ним облачка. Позади один за другим оставались горизонты, а вечера все не было. Вдруг одно облачко посмотрело вниз и сказало:

— Смотри, мы опять проплываем над тем же лугом, над которым родились вчера. Это что же, мы облетели землю вокруг и вернулись к началу пути?

— Значит, точно: хитрит солнце. Не уходит с неба, чтобы не увидели мы, где ночует оно. Но ему не удастся перехитрить нас. Мы моложе его, в нас больше силы, и мы дождемся, когда устанет оно и пойдет спать, — сказало другое облачко, и облачка пошли за солнцем дальше.

Началось это весной, а сейчас уже лето, а облака все идут и идут за солнцем, и все еще не видели они ни разу, чтобы оно покинуло небо и легло спать. Да и вид у солнца такой ясный, что кажется, ему даже и спать не хочется, не устало оно.

Идет солнце по небу, идут за ним два облачка и разговаривают между собой:

— Какое оно упрямое, это солнце. Уже сколько времени на земле нет ночи, это потому что оно не уходит с неба, не хочет, чтобы мы увидели, где ночует оно. Видишь, внизу под нами все время светло, — говорит одно облачко, а другое соглашается с ним:

— Да, мы не увидели с тобой, где ночует солнце, зато мы подарили земле длинный ясный день: солнце-то из-за нас не покидает небо, спать не ложится.

Так говорят облачка и идут себе дальше за солнцем. Посмотрите в полдень на небо — идут.

ОТЧЕГО ГРУСТЯТ ИВЫ

На пойменном лугу стояла старая Ива. Каждую весну она цвела и приносила много семян. А однажды на ней родилось всего три Семечка. Они смотрели, как цветут цветы на лугу, как кружат над ними пчелы, и счастливо покачивались — жить им нравилось.

А в голубом небе звенел жаворонок. Он пел о Волге, о ее плесах, о Жигулевских горах, из-за которых встает по утрам солнце. Слушали его Семечки и говорили, счастливо покачиваясь:

— Ах, хоть бы раз увидеть то, о чем поет он.

Слушала их Ива и говорила, поскрипывая старыми ветвями:

— Скоро вы станете крылатыми и сможете лететь, куда захотите. Летите и увидите. Только помните: нам, Ивам, дано летать только раз в жизни. Чем дальше улетите вы, тем больше увидите.

— Мы будем помнить это, — сказали Семечки и, когда настало время лететь им, воскликнули:

— Неси нас, Ветер, неси нас к Волге, неси нас к плесам ее и Жигулевским горам. Неси нас к песне жаворонка.

И Ветер понес.

Семечки летели весь день. К вечеру прилетели они к Лысой Горе и опустились у озера. Они устали и решили немного отдохнуть. С коряги в воду прыгали лягушата — купались. По озеру крупными желтыми чашами лежали кув-

шинки. Семечки засмотрелись на них и не заметили, как уснули.

Ветер, надувая щеки, кружил над ними, шевелил их запыленные в полете крылышки, звал:

— Что же вы? Летите. Я дую.

Но Семечки устали. Им хотелось отдохнуть, и они говорили, дремотно покачиваясь:

— Не тревожь нас, Ветер. Нам снятся такие красивые сны. Оставь нас. Мы подремлем часок-другой и полетим дальше.

Но возле озера под горой крепко спится, и потому проснулись Семечки только на другую весну. Смотрят, а они уже маленькими Ивами стали, к земле приросли.

И вспомнилась тут Ивам их старенькая мать. Жаворонок над лугом вспомнился, его песня о Волге вспомнилась, о ее плесах и Жигулевских горах, за которыми живет солнце. И загрустили Ивы, что не могут лететь дальше: ведь Ивам дано летать только раз в жизни.

И остались они стоять на берегу озера. Смотрят на прыгающих с коряги пузатых лягушат, на свое зеленое отражение в воде и грустят. Больно Ивам, что поддались они когда-то слабости, придремнули у тихого берега, хотя до песни жаворонка, может быть, оставалось лететь совсем немного.

КЛЕСТ И МЫШКА

Сидел Клесть поутру на белой от инея сосне и в уме прикидывал, какую из ее шишек на завтрак выбрать. В это время и окликнула его Мышка:

— Доброе утро, Клесть.

— А, ты... Здравствуй. Как ты там, внизу, у себя?

— Ничего, попрыгиваю... Мороз сегодня сильный. Дух захватывает, правда?

— Есть морозец, чувствуется, — говорил Клесть.

А Мышка попрыгивала под сосной на снегу, дула на лапки, и шубка ее была осыпана искорками инея.

— Еще как чувствуется. Ух ты, вот это мороз, — попискивала Мышка, и Клесть сочувствовал ей:

— Ничего мороз. Бодрящий.

— Верно, здорово бодрит, — приплясывала под сосной Мышка, — мне бы еще спать да спать, а я уж вон прыгаю, бодрюсь.

Перестала на лапки дуть, спросила:

— Говорят, у тебя в гнезде птенцы вывелись?

— Вывелись. Растут, попискивают. А что?

— Жутко больно, — заплакала опять Мышка. — Такой мороз и — птенцы. На мне вон шуба расшубейная — меховая, и то я дрожью вся исхожу, а на них ведь даже перьев нет.

— Ничего, обрастут. Пускай привыкают, — сказал Клест. — В жизни всякое случается, ко всему готовым надо быть и к морозу тоже.

— Так-то оно так, — плясала под сосной Мышка, — да ведь на морозе и замерзнуть недолго. Вон он какой над землей висит, аж дымится. Погреться бы...

И неожиданно попросила:

— Клест, сбрось мне шишку сосновую. Тебе это не тяжело, а мне на весь день занятие: сиди, пошелушивай.

— Ох и хитра же ты, — усмехнулся Клест, — начала с детей, а кончила шишкой. Да уж ладно. Шишек на сосне много, хватит нам с тобой. Я сейчас тоже позавтракаю, а потом полечу жену кормить. В гнезде она у меня, птенцов стережет.

Откусил Клест шишку потолще, бросил Мышке:

— Лови!.. Погрейся, на тебе ведь шуба... меховая, мышинная! Ха-ха-ха!

Схватила Мышка шишку и унесла в нору. А на другое утро она опять плясала под сосной и говорила Клесту:

— Мороз сегодня крепкий какой, дух аж захватывает. Погреться бы...

ГОРЕ ПЕЛИКАНА

Идет Пеликан вдоль озера и видит: стоит у воды брат его, серый-пресерый, грустный-прегрустный, нос ниже колен вытянулся.

— Ты чего какой? — спросил Пеликан брата.

А тот ему и отвечает:

— Горе у меня.

— Какое еще горе?

— Небывалое. Рыбу только что проглотил.

— Ха! Так мы ее каждый день глотаем. Рыбой только и питаемся.

— Так я... большую.

— Ха! Всякую приходится: какую поймает, такую и проглотит.

— Так я... трехкилограммовую.

— И-и! — ахнул Пеликан. — Да как же это ты сумел-то?

— А я и сам не знаю, — отвечает брат. — Я ее только во рту подержать хотел, а она взмахнула хвостом и — во мне теперь. Большая. Холодная. Во весь живот легла... Помру я скоро.

— И-и! — подхватил Пеликан брата под крыло и повел домой.

Ведет вдоль озера, сообщает всем:

— Братцы, брат-то у меня — помирает. Рыбу только что трехкилограммовую проглотил.

И вскоре уже все на озере знали, что у Пеликана брат помирает. Пришли посмотреть, как он помирать будет. Пришли послушать, что скажет он в своем последнем, в своем предсмертном слове.

И сказал Пеликан. Посмотрел на всех уже какими-то совершенно неземными глазами и сказал:

— Братцы, я... опять есть хочу.

ВСЕ ПОНЯЛ

Жили по соседству Крот с Сусликом. Крот, бывало, зароется с обеда в землю и спит до утра. А Суслик, тот, бывало, обязательно вечернюю зарю проводит. Встанет на кургане желтеньким столбиком и стоит, посвистывает:

— Золотистая какая!

Поспит немножко и опять на курган бежит — утреннюю зарю встретить. Глядит на нее и головой покачивает:

— Огневая какая!

Попытался один раз и Крот зарей полюбоваться. Сел вечером возле Суслика, глядит прямо перед собой и ничего не видит: глаза-то у него слепые.

Все поталкивает Суслика, спрашивает:

— Ну какая она, заря-то?

— Золотистая, как репа, — отвечает Суслик.

А Крот и репы никогда не видел. Спрашивает:

— А какая она, репа-то?

Сбежал Суслик к колхозному полю. Принес репу.

— Вот такая, — говорит, — заря сегодня золотистая.

Повертел Крот репу в могучих лапах, сказал:

— Понимаю, — и полез в нору.

Утром он опять сидел возле Суслика. Захотелось ему и утренней зарей полюбоваться. Сидел, глядел прямо перед собой и ничего не видел. Поталкивал Суслика, спрашивал:

— Ну какая она, утренняя заря-то?

— У, она сегодня красная, как морковь, — отвечает Суслик.

А Крот и моркови-то никогда не видел. Спрашивает: — А какая она, морковь-то?

Сбегал Суслик к колхозному полю, принес морковку.

— Вот такая, — говорит, — красная заря сегодня.

Повертел Крот морковку в могучих лапах, откусил кусочек, почмокал губами, сказал:

— Вот теперь понимаю: заря круглая, как репа, сладкая, как морковь.

БЕЛАЯ КУРТОЧКА

Прилетела весной на север Сова. Сбросила с себя зимнее белое платьице, надела летнее, серое. Посмотрелась в бочажок, осталась довольна собой — вполне матерью быть может. Приказала мужу:

— Переодевайся и ты. Нечего форсить. Праздники кончились. Работать начинаем. Да и надежнее в сером: спрячешься среди камней, и найди тебя, такого серого, попробуй.

— Да уж, попробуй, найди серого, — согласился с нею муж, и тут же снял он с себя белые штанишки, надел серые.

Курточку белую снимать не стал.

— Так, — говорит, — надо.

Свили они гнездо, положила Сова в него четыре яичка, потом еще восемь положила рядом и села птенцов высиживать.

Сидит она один раз и видит: идет на нее из тундры Песец и облизывается. Видать, только что разорил чье-то гнездо и теперь высматривает, чье бы еще разорить для пары.

Испугалась Сова, сидит, не дышит. И даже моргать боится. Не знает, что делать ей. Уйти с гнезда — увидит Песец: белеют яички — и выпьет их. Остаться — себя под смерть подвести. И даже посоветоваться не с кем: мужа не видать нигде.

Только подумала о нем, а он и выбежал из-за камня и пошел навстречу Песцу. Идет, курточку на себе беленькую форсисто одергивает, прихорашивается будто.

Увидел его Песец и почувствовал себя охотником, шагнул к нему. Зажмурилась Сова, конец ее мужу, а он — виль! — и спрятался за камень. Песец за ним, а он — виль! — за другой камень перебежал. Так от камня к камню увел его далеко от гнезда. Поднялся в небо, помахал крылышками.

— Будь здоров, дружище Песец! Счастливой тебе дороги по болотной тундре.

Вернулся к жене, спрашивает с гордостью:

— Поняла теперь, зачем я на себе курточку белую оставил и в тайне держал? Белого меня далеко видно. Вот и пусть гоняются за курточкой моей, а ты сиди себе в гнездышке, выводил птенцов таких же, как я, молодцов.

От многих опасностей муж Совы гнездо спас. Кто бы ни появился подозрительный поблизости, он сейчас же одергивает курточку белую и навстречу выходит. Прикинется хроменьким и — ковыль! ковыль! — увлекает непрошеного гостя за собой, от гнезда уводит.

ЛЕГЕНДА О ЛАСТОЧКЕ

Давным-давно жил у берега моря Ветер. Дом его был сложен из разноцветных ракушек, и все в нем было красивым, но особенно красивой была жена Ветра. Волосы ее были цвета морской пены, а глаза цвета морской волны. Ветер любил ее и говорил ей:

— Ты моя ласточка, моя ты касаточка.

И жена любила его. И потому они оба были счастливы. Однажды, когда Ветра не было дома, жена его набросила на плечи косынку и вышла к морю. На море забавлялся Ураган. Он хватал волны и швырял их о скалы. Волны разбивались в брызги. Ураган смеялся. Он хохотал могуче и яро, и эхо в горах вторило его хохоту.

И вдруг Ураган увидел жену Ветра и остановился, пораженный красотой ее.

— Чья ты, красавица? — неожиданно ласково спросил он. — И почему я никогда не видел тебя раньше?

— Я жена Ветра. Мы живем вон в том доме. И никогда не бываем в горах, где живешь ты.

Ураган засмеялся.

— Ты, наверное, хотела сказать «жили», потому что теперь ты будешь жить у меня.

С этими словами он подхватил ее и понес к себе в горы. Всю дорогу она плакала, билась в его руках и просила:

— Отпусти меня. Скоро вернется мой муж и очень опечалится, если я не встречу его.

Но Ураган в ответ только смеялся.

— Забудь о Ветре, забудь о нем навсегда. Я сильнее его, и потому такая красавица должна принадлежать мне. Полюби меня.

Он говорил ей это, пока они летели, говорил и потом изо дня в день, пряча ее в пещере в горах. Но изо дня в день она говорила ему:

— Я жена Ветра, и никогда не назову тебя мужем.

Разъяренный, он спускался в горные селения, валил изгороди, срывал с домов крыши, все мял и топтал, безумея от злости. И когда убедился он, что она скорее умрет, чем полюбит его, сказал:

— Иди, я отпускаю тебя. Но знай: пока ты была у меня, Ветер женился на Буре. Неделю назад они сыграли свадьбу, и сейчас живут в том же доме, в котором жила с ним ты.

Ураган лгал ей. Он надеялся: услышит она об измене мужа и навсегда останется жить в его пещере и полюбит его. Он солгал ей, а она поверила и, убитая горем, воскликнула:

— Я любила тебя, Ветер, но ты женился на Буре. Живи, я не стану мешать твоему счастью. Я стану вольной птицей, я стану Ласточкой, как называл ты меня когда-то.

И она превратилась в Ласточку. К морю она больше не вернулась. Чтобы не волновать себя встречей с Ветром, улетила далеко в степь, стала жить в селении. Свила гнездо себе.

И вот как-то летит она над речкой и слышит — плачет кто-то. Оглянулась, а это Ветер сидит в ветвях плакучей ивы, и по щекам его текут слезы. Раскачивается он из стороны в сторону и повторяет:

— Где же ты, Ласточка моя? Я обошел землю, но даже следочка нигде не нашел твоего. Куда пропала ты? И зачем оставила меня?

И только тут поняла жена Ветра, как зло обманул ее Ураган, но уже ничего не могла поделать: став птицей, она утратила волшебную силу, что была в ней когда-то. От боли сжалось у нее в груди сердце, а Ветер раскачивался в ветвях ивы и повторял:

— Где ты, где ты, моя Ласточка?

— Я здесь, здесь, — закричала она на языке ласточек и бросилась к нему.

Она кружила перед ним и кричала:

— Цви-цви! Цви-цви! Я здесь, здесь!

Но он не узнал и не понял ее.

— Что тебе от меня нужно, беззаботная птаха? — сказал он ей. — Лети себе своей дорогой, а я пойду своей. И пока жив, буду искать ее.

И пошел. Долго летела она за ним и кричала:

— Я здесь, здесь!

Но он так и не узнал ее.

Вернулась она к своему гнезду уже поздно вечером. И по-прежнему живет в том же селении. Но всякий раз, когда, обогнув землю, показывается у околицы Ветер, она кидается ему навстречу и кричит:

— Цви-цви! Цви-цви!

Дескать, это — я, я! Но он не узнает ее в оперении птицы и идет ее искать дальше. Вон и теперь идет он по улице, заглядывает в окна домов, ищет в садах и палисадниках.

— Где ты, Ласточка моя?

А она отчаянно кружит над ним и кричит:

— Я здесь, здесь!

Кричит на языке ласточек, и Ветер не узнает ее. А годы идут, многие годы — тысячи лет.

АЙСБЕРГ

По Ледовитому океану плыл голубоватый Айсберг. Он был большой и холодный и думал, что так и надо — быть большим и холодным. Он родился у берегов Гренландии. Провожая его в далекий путь, сказал ему отец Ледник:

— Бойся Земли. Она теплая, а тепло — смерть.

Айсберг запомнил слова отца и старался держаться поближе к полюсу.

Он вырос среди льдов и знал в своей жизни только два цвета — цвет воды и цвет льда. И слышал только два звука — плеск воды и грохот наползающих друг на друга льдин. Даже во сне ему снились только льды.

Однажды, продвигаясь по течению, он выплыл к Земле. Она встретила его алыми маками, говором птиц и солнцем. Солнца было много, вся земля лежала в солнце и была необыкновенно красива. Айсберг глядел на нее издали и шептал:

— Земля... Земля...

И это слово больше не пугало его. Теперь он знал, что Земля — это цветы, Земля — это песни, Земля — это много солнца. И ему не хотелось уплывать туда, где плавают, отсвечивая голубым, такие же холодные, как он, льды. Но сказали ему братья-айсберги:

— Ты начал таять. Тебе нельзя оставаться здесь. Пошли. — И, подталкивая широкими лбами, они оттеснили его далеко в океан, поближе к полюсу.

У полюса он остыл и стал опять таким же, как и все айсберги: ледяным и синим. Но по ночам ему снились теперь алые маки, по ночам ему снилось пение птиц — сни-

лась Земля. И как только всколыхнулся под весенним ветром океан, Айсберг пошел к Земле.

Братья встали у него на пути:

— Образумься, остановись! Земля — это тепло, а тепло — смерть.

— Нет, — сказал он. — Тепло — это цветы, тепло — это песни. Посторонитесь, дайте пройти мне. Я иду к солнцу.

И он двинулся прямо на них. И они расступились, напуганные его решимостью. Они поняли: его уже не остановить.

Вольшой, ребристый, придвинулся он к Земле и сказал:

— Я пришел к тебе навсегда. Мне надоело быть в вечном холоде, надоело быть Айсбергом. Я хочу быть водой. Я хочу поить твои цветы, покачивать на волнах твоих чаек, плескаться у твоего берега — быть в твоём солнце.

И Земля приняла его.

Она встретила его полыхающими цветами, а птицы спели ему свои лучшие песни. От нежности ее он растаял и глубокой волной потерялся о теплую щеку Земли. И почувствовал себя счастливым.

ПЛАКУЧАЯ БЕРЕЗА

У края поля стоит одинокая Березка и с печалью смотрит на зеленую рощу, что раскинулась по противоположному склону оврага. Иногда можно слышать, как она шепчет:

— Что ты наделал, Ветер?

И еще тише:

— Что ты наделал!..

Как вздох, как беззвучный крик о помощи. Только помочь ей некому.

Березка смотрит на рощу. Там где-то мать ее. Думает о Кленке, возле которого мечтала встать и стоять всю жизнь. Она уже летела к нему, отделившись от матери Березы, но ее подхватил Ветер, закружил над поляной и понес из рощи.

Она могла бы вырваться, остаться. Но ей было приятно, что он несет ее, что все так кружится. Приятно было видеть себя среди цветов в ночной степи. Слышать его шепот:

— Тебе хорошо? Хорошо?

Чуть слышно отозваться на него:

— Хорошо...

И потерять сознание.

Очнулась она уже деревцем. Осмотрелась. Увидела себя одну у края поля, сказала:

— Что ты наделал, Ветер? Зачем ты унес меня из рощи?

Он успокоил ее:

— Здесь просторнее. В роще тебе пришлось бы бороться из-за капли воды, из-за каждого луча солнца. А здесь все твое, всего вволю.

Так сказал Ветер, и Березка успокоилась.

Но чем взрослее становилась она, тем все чаще и чаще думала о роще, о Кленке. Теперь он, наверное, вырос, стал Кленом. Вернуться бы. Встать с ним рядом.

И говорила Березка:

— Зачем мне простор, если я одна? Зачем мне так много солнца, если мне даже не с кем порадоваться ему? И последнюю каплю воды я готова разделить с кем угодно, только бы не быть одной.

И она повторяла изо дня в день:

— Что ты наделал, Ветер? — и все ниже и ниже опускала ветви.

— Ты сама не знаешь, чего тебе надо, — говорил Ветер и куда-то улетал.

Он стал оставлять ее одну вскоре после той ночи, когда закружил и унес ее из рощи. Он никогда не говорил ей, где бывает, куда уходит. А она заметно старела, и с каждым годом все ниже и печальнее склонялись к земле ее ветви. В окрестности все звали ее Плакучей, а она говорила:

— Я не Плакучая. Я одинокая.

И добавляла с грустью:

— Что же ты наделал, Ветер...

ОСТАВЛЕННАЯ ЯБЛОНЬКА

На полянке в лесу расцвела Яблонька. Расцвела первый раз в жизни. Вся сверху донизу убралась бело-розовыми цветами. Мимо Ежик бежал. Остановился. Постоял, пожмурился.

— Цветешь? — спрашивает.

— Цвету, — отвечает Яблонька. — Первый раз в жизни цвету.

— Ну цвети, цвети, — сказал Ежик и побежал дальше.

А Яблонька отцвела, и стали полнеть, круглиться на ее ветвях яблочки. Мимо опять как-то Ежик бежал. Остановился, почмокал губами:

— О, яблочки у тебя наливаются.

— Наливаются, — сказала Яблонька. — Первые в моей жизни.

— Ну пусть, пусть наливаются, — сказал Ежик и побежал дальше.

А яблочки наливались, наливались и налились: стали сочными, стали круглыми, стали румяными — солнышко их подрумянило. Мимо опять как-то Ежик бежал. Увидел, остановился пораженный:

— О, какие яблочки у тебя!.. А ты знаешь, я помню, как цвела ты. У тебя были крупные белые с розовым цветы. Таких цветов больше ни у кого не было. Ты была самая красивая у нас в лесу... Послушай, стряхни мне с пяток яблочек.

Яблонька стряхнула. Ежик одно яблочко съел, а остальные деловито наколол себе на иголки и унес домой. На другой день он опять прибежал к Яблоньке. Стоял возле нее, губами чмокал:

— Ах, какие у тебя яблочки... А как ты цвела когда-то! Этого не забыть: ты была вся в цветах. Ты была, как облако — бело-розовое облако... Послушай, стряхни мне еще с пяток яблочек, я позабавлюсь.

Яблонька стряхнула. Ежик, как и в прошлый раз, одно яблочко съел, а остальные деловито наколол на иголки и унес домой.

Через день он снова прибежал к ней. Прибегал и еще много раз и все говорил ей, как цвела она и какая она была красивая, а Яблонька все стряхивала и стряхивала ему с ветвей яблочки. И говорила соседним деревцам:

— Он меня приметил, еще когда цвела я.

И пришел день, когда Яблонька стряхнула с себя последнее яблочко. Ежик деловито наколол его на иголки и унес к себе. Она долго слушала, как уходит он, и как похрустывают под его шагами прошлогодние листья.

Она ждала его на другой день, но он не пришел. Не пришел он и на третий и на четвертый день, а в конце недели она услышала его голос. На соседней полянке стояла еще одна молоденькая яблонька, и Ежик говорил ей:

— Я помню, как цвела ты. У тебя были крупные белые с розовым цветы. Ты была, как облако...

Яблонька вздрогнула и закачалась. И хотя до холодов было еще далеко, с ветвей ее западали на землю поблекшие вдруг листья.

Была Лягушка лягушонком, и учили ее старые лягушки: — Бойся Ужа, бойся поглядеть в глаза ему.

А почему нужно бояться его, не говорили. Лягушка верила им, боялась. А когда выросла, стала лягушат пугать:

— Бойтесь Ужа, бойтесь поглядеть в глаза ему.

А почему нужно бояться, не говорила, потому что сама не знала. А узнать хотелось.

Уж жил у речки. Лягушка не раз видела, как черной лентой, извиваясь, полз он по траве и как покачивались потревоженные им цветы.

Иногда, когда было особенно жарко, Уж купался в речке. Лягушка глядела издали, как плавает он среди белых кувшинок. Потом он обычно лежал в тени старой ивы, свернувшись в кольца, и о чем-то думал.

Много раз, когда спал Уж, Лягушка подползала к нему. Затаившись, глядела на его увенчанную золотой коронкой голову, на щелки закрытых глаз. Сидилась понять: почему его надо бояться. Не понимала. Боялась. Бывало, стоит Ужу только чуть приподнять голову, как она сейчас же кидалась в речку, уплывала на противоположный берег, пряталась под черную корягу. Сидела под ней, слушала, как тревожно бьется сердце. Обмирала.

Но однажды решила, хоть раз, да посмотреть Ужу в глаза, чтобы знать, почему его надо бояться.

— Я только посмотрю и тут же брошусь в речку, посмотрю и брошусь, уплыву от него, и он меня не догонит, — сказала сама себе Лягушка и пошла отыскивать Ужа.

Уж только что поел и спал на своем обычном месте под старой ивой, свернувшись в кольца. Лягушка подкралась к нему и стала ждать, когда он проснется. Она знала все, как будет: поднимет он голову, глянет она ему в глаза и кинется к речке. Глянет и кинется, и ничего не произойдет.

Она видела, как спокойно дышат его кольца. Видела, как качнулась и приподнялась голова его в золотой коронке. Видела, как открылись дремотные, еще не проснувшиеся глаза его. Она посмотрела в них и обо всем забыла: кто она, где она, с кем она.

Это были не глаза, а две огромные бездны. От их близости кружилась голова и замирало сердце. Лягушка знала, что ей нужно бежать, но не могла тронуться с места. Она все глядела и глядела Ужу в глаза и слышала шепот:

— Иди ко мне. Не бойся. Обо мне говорят лишнее.

Лягушка знала: о нем говорят правду. Но глаза его! Они притягивали, от них невозможно было оторваться. А шепот, он так и обволакивал ее всю, околдовывал.

И она пошла. По щекам ее текли слезы. Она понимала: это все. Больше не купаться ей в речке, не сидеть под любимой корягой, не слушать песню иволги — и все-таки ползла к нему. Плакала, просила:

— Не надо... Не надо...

И с каждым шагом все ближе видела перед собой две черные бездны, от которых кружилась голова и таяло сердце. И слышала шепот:

— Надо... Надо...

Больше на речке ее никто не видел, и никто так и не узнал, куда она делась. А Лягушки по-прежнему учили лягушат и говорили друг другу:

— Бойтесь Ужа. Бойтесь посмотреть в глаза ему.

И не знали, почему его нужно бояться.

КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ

Было это давно, так давно, что, кроме старой Вороны, никто уже и не помнит, когда это было. Прилетела в наши леса из неведомых стран Кукушка, серенькая, молоденькая, с симпатичными глазками. Была весна, птицы вили на деревьях гнезда. Решила свить себе гнездо и Кукушка.

Долго летала она по лесу, выбирала красивое дерево. Выбрала березу, прямоствольную, упругую. Свила среди ее ветвей гнездо из тоненьких прутьев, выстелила дно его пухом. Примерилась и осталась довольна: удобное гнездышко, хорошо в нем будет птенцов высиживать. И положила в него четыре яичка.

— Выведу птенцов и буду жить большой семьей, — сказала сама себе Кукушка и полезла в гнездо.

День посидела на яичках, другой, скучным ей это занятие показалось. Задумалась Кукушка: сейчас вот она на яичках сидит, потом, когда вылупятся птенцы, кормить их надо будет. И так день за днем, неделя за неделей — и весну и лето. Ни полетать, ни порезвиться.

— Нет, я не такая дура, чтобы молодость свою в гнезде просидеть. Детей иметь хорошо, но лучше их иметь уже взрослыми, чем самой выращивать.

С этими словами выпрыгнула Кукушка из гнезда, взяла яичко и полетела с ним по лесу, раздумывая, кому бы его подложить. Увидела гнездо Кобчика. У Кобчика в гнезде пять яичек. «Ничего не сделается с его женой, если она посидит на шести и выведет мне кукушонка», — рассудила Кукушка и, когда отлучилась на минутку из гнезда жена Кобчика, подложила ей в гнездо свое яичко. И полетела за другим. Его она определила в гнездо Жулана.

Так одно за другим и разнесла Кукушка по чужим гнёздам свои яички и летала по лесу довольная: выведутся её кукушата, соберёт она их возле себя и будет жить с ними большой семьёй.

Весело провела Кукушка весну. То, бывало, уговорит сизого Голубя соловьев с ней на зорьке послушать, то затеет с красавцем Кобчиком игру в пятнашки, то улетит к Лысой Горе посидеть на её макушке.

Лето тоже у Кукушки было весёлым. И за всю весну и лето не вспомнила она ни разу про своих птенцов. А тут и осень подошла. Птицы пугливыми стаями кружили над лесом, готовили птенцов к отлету, Все были заняты серьёзным делом, играть больше с Кукушкой никто не хотел, и она почувствовала себя одинокой. Грустно ей стало, и решила Кукушка отыскать своих детей и полетела по гнёздам, куда весной рассовала свои яйца, но гнёзда были пусты! Кукушка заглядывала в тёмные дупла, звала:

— Дети!

Прислушивалась, но никто не откликнулся на её зов. Она летела дальше, снова звала и снова прислушивалась. Один раз в огромной стае ей повстречался взрослый Кукушонок. Она подлетела к нему:

— Здравствуй, ты мой сын.

— Нет, — ответил он, — вон мои папа с мамой, — и указал на Кобчика и его жену.

Это был её сын, но его вырастили другие, и он не признал её своей матерью. Кукушка почувствовала себя ещё больше одинокой и полетела над лесом, скликая своих потерянных детей:

— Ку-ку! Ку-ку!

Звала долго, тоскливо:

— Ку-ку! Ку-ку!

Но никто из её детей не знал её голоса, и никто на него не отозвался. Птицы уже потянулись к югу. Вокруг было тихо, печально. И, увидев, что она осталась совсем одна, Кукушка заплакала. Она летала по лесу и плакала. И там, где падали на землю её горячие слёзы, выросли на следующую весну алые цветы, которые стали зваться Кукушкины слёзки.

КОГДА ЯСЕНЬ ВЫРОС

Они родились в одну весну. Её звали Липочкой, его Ясенем. Они стояли рядом. Она глядела на него и думала: «Вот вырастет он, и я вырасту. Мы будем оба стройными и высокими. Будем шептаться между собой, и все будут нам завидовать».

Но Ясень рос медленно. Ему не хватало солнца.

— Если бы не эта беда моя, — говорил он, — широко бы я плечи развернул свои, высоко бы поднялся. И ты бы гордилась мной.

И тогда Липочка отклонилась в тень, отдала ему своё солнце.

— Я, — говорит, — и в тени простою, лишь бы ты ни в чём не нуждался и рос быстрее.

Солнца у Ясеня теперь было много, но рос он медленно. Он всё время хотел пить, а дождя не было.

— Если бы не эта беда моя, — говорил он Липочке, — широко бы я плечи развернул свои, высоко бы поднялся. И ты бы гордилась мной.

И тогда она отдала ему свою воду.

— Я, — говорит, — в тени стою, мне меньше надо.

Теперь у Ясеня было много воды и много солнца, но рос он медленно. Неподальку упала в бурю старая сосна. Между деревьями образовался прогал, и в него потянул ветер. Ясень ёжился, дрожал. Ему было холодно. Он глядел на Липочку и говорил:

— Если бы не эта беда моя, широко бы я плечи развернул свои, высоко бы поднялся. И ты бы гордилась мной.

И тогда Липочка загрозила его от ветра. Ствол её стал совсем кривым и горбатым. Ей было знобко, но она говорила:

— У меня кора потолще, я как-нибудь перетерплю. Только бы ему ничего не мешало расти.

Теперь у Ясеня было много солнца, и много воды, и ветры на него не дули. Он рос легко, быстро. Стал высоким, заметным. Его увидела с соседней полянки Осинка. Он её тоже приметил. И по целым дням, а иногда и подолгу ночью они переговаривались между собой, шутили.

Липочку Ясень совсем не замечает, будто и нет её вовсе. Маленькая, сгорбленная, она стоит в тени, всё так же загроживает его от ветра и молчит. А однажды на рассвете не выдержала, сказала, когда он, наговорившись с Осинкой, готовился ко сну:

— Ты бы хоть со мной поговорил когда-нибудь.

— О чём мне с тобой разговаривать, — пожал он широкими плечами, — нам с тобой говорить не о чём. Да и неровня ты мне: сгорбленная, да и ростом не взяла...

Где-то в чаще завыл волк. Липочка ничего не сказала, только как будто ещё больше сгорбилась. Вокруг от росы тяжелели травы. И на листочках её поблёскивали крупные капли.

НАПУГАЛ МЕСЯЦ ЗОРЬКУ

Ушло с неба солнце, и там, за речкой, где сходятся земля с небом, родилась Зорька. В небе висел Месяц. Зорька помахала ему алой косынкой и сказала:

— Здравствуй. Я вижу тебя первый раз, но ты мне нравишься.

Если бы Зорька была постарше, она, возможно, не сказала бы этого, но она только что родилась и говорила, что думала. Месяц тоже был молодым. Ему было три дня от роду. И всё-таки он был старше Зорьки на три дня и решил подшутить над ней.

— Ты напрасно радуешься, — сказал он с грустью. — Тебе недолго глядеть на меня: сейчас я оставлю небо.

— Вечер только начался, а ты уже хочешь идти спать?

— Разве я сказал, что иду спать? Я сказал, что оставлю небо. Солнце от меня ушло, звёзды ко мне не идут. Я остался один и сейчас брошусь от тоски в речку.

Месяц шутил, но Зорька была так молода, что не догадывалась об этом, верила ему, говорила:

— Не отчаивайся. Я буду с тобой. Я буду гореть для тебя, только будь в небе.

Если бы Зорька была постарше, она, возможно, не сказала бы этого. Но она только что родилась и говорила, что думала. Месяц посмеивался про себя в небе, пугал её:

— Нет, нет, не уговаривай меня. Я отчаялся и не изменю своему слову. Я покидаю небо. Смотри на меня последний раз, а теперь смотри в речку. Я падаю, падаю, в речке я!

Зорька перевела взгляд на речку и побледила: в воде барахтался Месяц. К нему от берега бежали волны, заплёскивали его. Зорька закричала им:

— Что вы делаете? Вы же утопите его. Осторожнее, это же Месяц. Его оставило солнце, к нему не идут звёзды. Он совсем один и от отчаяния бросился в речку.

И томилась у берега:

— Ах, Месяц, как ты мог отчаяться так. Плыни ко мне. Я здесь. Я помогу тебе. Ну что ты молчишь, пророни хоть словечко.

И темнела от страха, что он тонет, что он далеко от неё, а она не умеет плавать и потому не может броситься в воду и спасти его.

Месяц шутил. Месяц был в небе. Он глядел на Зорьку сверху и светло смеялся, что она приняла его отражение за него самого. Он тоже был молодым, ему было всего три дня от роду. Он был ещё не серьёзным, можно сказать, глупым и потому решил ещё сильнее напугать Зорьку.

Мимо проплывало облако. Месяц взял и прикрылся им. Увидела Зорька — нет больше Месяца в речке, одни волны бегут назад к берегу. Вскрикнула:

— Утонул! Месяц утонул!

И потемнела ещё больше.

Вскоре Месяцу надоело прятаться за облаком, и он выглянул из-за него. Зорька догорала на берегу речки. В ней угасала последняя искра её небесного света. И только тут понял Месяц, как он зло подшутил над нею. Закричал сверху:

— Очнись, Зорька. Я пошутил. Гляди — живой я, живой. Плыву по небу. За облаком сидел.

И ласково, нежно:

— Очнись, Зорюшка. Я пошутил.

Но Зорька померцала ещё с минуту и угасла. И Месяц вдруг оснротел. Ему стало и впрямь одиноко в небе, хоть и горели в нём уже тысячи звёзд.

Месяц спустился чуть ниже. Потом ещё ниже. И укатился за край земли. И небо осталось и без Месяца и без Зорьки.

СНЕЖНОЕ ЧУДО

Как только пригрело мартовское солнце, зима стала собираться в дорогу. Сначала она убрала в Гореловской роше с деревьев белое кружево, по-

том оголила полянки, чтобы было куда садиться возвращающимся с юга птицам, вскоре ушла совсем. И остался от неё лишь небольшой Холмик снега.

Он лежал под молоденькой Берёзкой, покрхтывал, шевелился. Берёзка точно видела — Холмик шевелился, из-под него вытекал ручеёк. Холмик с каждым днём становился всё ниже, а ручеёк бежал всё быстрее. Берёзка не понимала, куда девается Холмик, и то и дело спрашивала:

— Что с тобой случилось? Ты худеешь на глазах. Ты заболел?

Холмик ёжился (его припекало солнце), шептал:

— Я не худею, я — таю.

От взрослых деревьев Берёзка слышала, что таять можно от любви, и решила, что Снежный Холмик тает от любви к ней. Ей это было приятно. Она из всех сил тянулась к солнцу, чтобы поскорее согреться и покрыться листочками. Пусть Снег посмотрит, какой она может быть зелёной.

А Снежный Холмик шелестел, шептал, поглядывая в небо:

— Скоро, совсем скоро. Я это чувствую. Слышишь, Берёзка, это произойдёт на днях.

Он больше ничего не говорил, но она догадывалась, что он скоро скажет ей о своей любви. Она тянула к солнцу ветви и просила:

— Ярче сияй, солнце. Я хочу поскорее зазеленеть.

Она не добавляла при этом, что ей хочется зазеленеть для него, но почему-то была уверена, что он об этом догадывается.

Солнце сияло. Его было теперь так много, что деревья вокруг шурились от света, и слышно было, как, напрягаясь, лопаются на ветвях почки.

И однажды вечером Снег сказал:

— Ночь сегодня обещает быть тёплой. Это должно случиться ночью. Слышишь, Берёзка, сегодня ночью. Ты только не спи, и ты увидишь... чудо.

— Хорошо, — вся затрепетав, ответила Берёзка. Но с наступлением ночи росшу залил туман. Сизым пологом занавесил он землю, и ничего не стало видно. Берёзка слышала, как там, в тумане, кто-то шевелится и шелестит.

Звала:

— Снег!.. Снег!..

Но никто не откликнулся.

Уснула она лишь на заре, а когда проснулась перед вечером и глянула вниз, то потемнела от тревоги: там, где вчера ещё белел снежок, желтели какие-то остренькие ростки. С каждым часом они крепли, становились заметнее. Через два дня уже все в лесу видели, что это подснежники. Они ярко голубели на солнце.

— Теперь я поняла, Снег, о каком чуде говорил ты мне, — глядя на них, шелестела зелёной листвой Берёзка.

Она была уверена, что эти цветы внизу — тот самый Снег, который так быстро таял от любви к ней, и что вообще цветы — это чья-то очень яркая, красивая любовь. Она говорила теперь всем:

— Вы знаете, что такое любовь? Любовь — это то, отчего даже снега тают и превращаются в цветы.

